

**ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И. Я. ЯКОВЛЕВА**

2010. № 3(67). Т. 1

Серия «Гуманитарные и педагогические науки»

Учредитель

ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36709 от 01 июля 2009 г.)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата или доктора наук
(решение Президиума ВАК Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6).

Главный редактор Г. Н. Григорьев

Заместитель главного редактора А. А. Шуканов

Ответственный секретарь И. А. Федянина

Редакционная коллегия:

Абашева Д. В., Андреев В. И., Анисимов Г. А., Арсентьев Н. М., Баранова Э. А., Беловолов В. А.,
Бондырева С. К., Волков Г. Н., Габдреев Р. В., Григорьев В. С., Данилов И. П., Драндров Г. Л.,
Дулат-Алеев В. Р., Зайнуллин М. В., Карпов И. П., Козлов О. А., Кондратьев М. Г., Кузнецова Л. В.,
Кузьмина Г. П., Лавина Т. А., Максимов В. Г., Медведев Л. Г., Медведева И. А., Метин П. Н.,
Миннегулов Х. Ю., Немыкина И. Н., Павлов И. В., Петренко Н. И., Петрова Т. Н., Резник Ю. М.,
Рязанцева И. М., Салагаев А. Л., Сальников В. А., Сергеев Л. П., Тенюкова Г. Г., Ульяenkova У. В.,
Федоров В. М.

Адрес редакции: 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Тел.: (8352) 62-08-71

E-mail: redak_vestnik@chgpu.edu.ru

www: <http://vestnik.chgpu.edu.ru>

ГУМАНИТАРНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.036:37.017.925

ЭТНОТЕАТРАЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

ETHNOSTAGING AS THE HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

В. Ю. Арестова

V. Y. Arestova

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье рассматривается этнотеатрализация как явление, отражающее определенный этап исторического и национально-культурного развития чувашского народа; выявляются существенные признаки этнотеатрализации на примере чувашской народной обрядности; обосновывается применение этнотеатральных форм в образовательном процессе.

Abstract. Ethnostaging as the phenomenon reflecting a certain stage of historical and national-cultural development of the Chuvash people is considered in the article; intrinsic signs of ethnostaging taken from the Chuvash national ceremonialism come to light; application of ethnotheatrical forms in educational process is proved.

Ключевые слова: этнотеатрализация, чувашские народные обряды, драматические формы фольклора.

Keywords: ethnostaging, the Chuvash national ceremonies, drama forms of folklore.

Актуальность исследуемой проблемы. Национальная образовательная политика государства, ее цели, задачи и перспектива во многом определяются современными представлениями о природе и сущности этничности и об объективных тенденциях ее развития. В настоящее время разработана и действует Концепция национальной (этнонациональной) образовательной политики Российской Федерации (одобрена приказом Минобрнауки России от 03 августа 2006 г., № 201), реализация которой предусматривает сохранение системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей. В контексте означенных образовательных тенденций актуальными являются технологии, направленные на сохранение и воспроизводство традицион-

ных культурных ценностей. Обращение к фольклору, к его этнотеатральным формам обусловлено поиском в педагогической науке и практике способов сохранения и передачи этнокультурных ценностей и традиций будущим поколениям.

Материал и методика исследований. Методами нашего исследования явились анализ и синтез игровых обрядовых явлений, классификация этнотеатральных форм, представленных на сегодняшний день в искусствоведческой литературе.

Результаты исследований и их обсуждение. В отечественной фольклористике систематизация жанров фольклора дана В. Е. Гусевым, который обобщает формы фольклора на основе сочетания составных элементов: слова, мимики, музыки, танца. С точки зрения исследователя выделяются эпический, лирический и драматический роды фольклора. Драматический род фольклора непосредственно связан с театрализацией, он объединяет в себе обрядовые игрища, народные драматические игры и народную драму, в то же время существует различная классификация:

- по характеристике центрального персонажа – человек или человекоподобная (антропоморфная) фигура. По данному признаку драматический род разделяется на две группы: жанры, которые объединяют слово, мимику, хореографию и музыку, при этом драматическое действие осуществляется непосредственно играющими людьми (которые, впрочем, могут переодеваться или гримироваться), и жанры, в которых драматическое действие выполняется при помощи искусственных фигур (куклы, картинки, тени и пр.). В чувашских обрядах также существуют аналогичные группы: жанры, в которых персонажи человекоподобны, например, в обряде *саварни* (масленица) использовали *саварни карчакё* – «масленичную бабку», сделанную из старых бочек, колес и снопов и олицетворяющую одряхлевшую хозяйку зимы; и, например, обряд *сурхури*, в котором присутствуют *сметке* (ряженые) (В. Е. Гусев, И. А. Дмитриев);

- по составу участников – обряды, проводимые всей деревней или рядом поселений; обряды проводимые семьей или родом; обряды, совершаемые индивидуально или для определенного человека. Данная классификация была предложена А. К. Салминым, который приводит в пример чувашские обряды, например, обряд поклонения киреметю – *асла киремет чукё* (межсельский), обряд моления духу дождя – *сумар чук* (общесельский), обряд в честь благополучного завершения земледельческих работ и нового урожая – *чуклеме* (родовой), обряд с целью обезопасить скот от болезней – *карта пайти* (семейный), обряд от духов, насылающих болезни – от *арсури*, от *вупара* и др. (индивидуальные);

- по возрасту участников выделяются молодежные, детские праздники: *ларма*, *улах*, *уяв*, *сёрен*, *хёр сари* и пр. Существует целый ряд детских игр – *ачасемпе самрайсен ваййисем*;

- по отношению к зрителю. В этой классификации (по В. Е. Гусеву) различаются дотеатральные формы (ряжение, народно-праздничные игрища, обряды, драматические игры), т. е. такие формы, которые не направлены на зрителя, так как все присутствующие являются одновременно и участниками-исполнителями действия. При этом В. Е. Гусев подчеркивает, что к подобным формам может относиться не каждый обряд (или даже часть обряда), но лишь такой, где участник обряда или игры перевоплощается, где есть отношения между людьми или человеком и природой, где показывается деятельность человека в образно-художественном воспроизведении. Перевоплощение же может происходить при помощи ряжения, маски, грима, движений, мимики, речи. К собственно этнотеатральным формам В. Е. Гусев относит представления, рассчитанные на зрителя (сценки, фарсы, комедии, драмы). Эти представления, с его точки зрения, должны быть построены

на основе фольклорного или фольклоризованного текста, который отличается традиционностью, устностью, коллективностью, импровизацией. Такие представления исследователь относит к фольклорному театру.

Для нашего исследования важным является выявление специфических признаков этнотеатрализации. В истории театра «признаками театра» или «элементами театральности» в фольклоре признавались диалог, жест, костюм, движение, маска. Мы придерживаемся точки зрения Л. М. Ивлевой, которая считает, что театральность в народном творчестве может быть обнаружена лишь в совокупности элементов, выражающейся в игровой модели, игровом языке, игровой форме выражения. Л. М. Ивлева, для того чтобы исследовать игровые явления в народной культуре, ввела термин «этнотеатроведение». Игра объяснялась ею при помощи понятий «перевоплощение» и «действие». И. А. Дмитриев, вслед за Л. М. Ивлевой, объясняет «перевоплощение» как одну из многих категорий игры, а «действие» – неизменной сущностью игры, и делает вывод, что этнотеатроведение обращается к действию как к «социально-природной материи игрового языка, игровых форм выражения и общения, игровой формы произведений творчества вообще» [2, 18].

Важным для нашего исследования является вывод И. А. Дмитриева о том, что игровую форму создает действие, выявляющее смысл происшедшего, происходящего, должного произойти [2, 99]. Мы согласны с тем, что при исследовании обрядовых форм культуры нельзя игнорировать изучение знаков культуры, так как может быть потерян тип определенного этнокультурного мира.

Рассмотрим чувашскую народную обрядность с точки зрения театральных признаков. Наличие театральных признаков можно заметить в обрядах типа чўк. К подобным обрядам (по классификации А. К. Салмина) относятся Пысăк учук, Хăт чук, Учук, Халăх сăри, Сумăр чўк, Чўк от градобития, Чўк от пожара, Чўк. Обряды типа чўк представляют собой обряды моления-обращения к богу Турă с жертвоприношениями, проводимые с целью получения хорошего урожая, приплода у скота или для преодоления каких-либо чрезвычайных ситуаций – голода, засухи и пр. Названные обряды имеют схожие черты. Так, люди, ведущие обряд, обязательно надевали белую одежду (или просто чистые рубашки). Переодевание – черта, как известно, характерная для театра. Меняя одежду, участники обряда как бы меняли образ, входили в роль. Существовали и определенные предписания для исполнения «ролей» в этих обрядах: нельзя ругаться, нельзя забирать с места моления куклы и монетки. В этих обрядах также можно заметить и декорирование пространства, так характерное для сцены. Например, во время моления в деревне гасились все огни, обряд проводился на чистой и ровной лужайке, на липах висели полотенца и недоуздок для жертвенных животных, под липами стояли два тагана с шестом, положенным поперек [7, 36]. И хотя зрителей как таковых не было, так как все присутствующие были участниками обрядового действия, все-таки зритель подразумевался: все верили, что на них смотрят божества-духи, ведь именно к ним обращались, с ними вступали в диалог.

Обряды типа киремет (Аслă киремет, Вайум хуца, Киремет, Йёрёх) похожи на вышеназванные с точки зрения театральных признаков, но более очевидными становятся «зрители». В этих обрядах, как и в предыдущих, ведущими были старые люди (ват сынсем), а остальные приходили на место проведения обряда, чтобы наблюдать за происходящим и принять участие в совместной трапезе. Более очевидным становится и оформление «сценического пространства». Киремет – это божество, обитающее на земле (в отличие от Турă), может быть, поэтому киреметище (Киремет карти), т. е. место совершения жертвоприношений и молений,

обставляли особенно тщательно. Обычно это место огораживали специально построенным ограждением, либо это место имело естественное ограждение, например, кустарник. П. С. Паллас, географ и путешественник (XVIII–XIX вв.), описывает киреметище как четырехугольный участок с тремя калитками: в северную заносят воду для жертвоприношений, в восточную загоняют жертвенных животных, в западную входят люди. Внутри священного места расположена хижина, а в ней – столы [5, 140]. Подобные обряды более «драматичны», т. к. киремет – это злой дух, а попытка договориться с тем, что таит в себе опасность, попытка умиловить враждебно настроенное божество драматичны в своей основе.

Обряды, адресованные духам-божествам (Пăт-юсман йёрки, Турă, Турă амăшĕ, Тур сулу, Пӱлӗхсӗ, Пихампар, Перекет, Нисӗп, Кепе) имели строго определенную последовательность действий (порядок), точное определение – какому божеству, в какой очередности и сколько жертвы надо приносить. А. В. Рекеев, этнограф и общественный деятель XIX–XX веков, вспоминал, что, будучи молодым, ему доводилось наблюдать, как «большие чувашки соберутся, сидя с трубками, и пресерьезно толкуют о выборе животных или о числе лепешек для известных молений». Рекеев отмечал, что чувашские дети очень внимательно слушали и запоминали подобные разговоры [5, 2]. Мы видим в этом своеобразное планирование предстоящего действия, т. е. это устный вариант сценария и распределения ролей – своеобразная режиссура, которая передается будущему поколению в устной форме.

Обряды, адресованные духам природы, духам плодородия, домашним духам, духам предков, имели, как и все вышеупомянутые, определенный «драматургический сценарий»: экспозиция, завязка, развитие, развязка действия, финал. Попробуем выделить в упомянутых обрядах (описанных в работах А. К. Салмина) элементы или признаки драматургии. Так, например, можно сказать, что обряд Учук начинался «экспозицией» – собранием стариков, которые договаривались о дне проведения обряда, назначали специальных людей для оповещения всех сельчан. В качестве примера «завязки» могут служить следующие факты: после полудня всех жертвенных животных пригоняли на место моления, приготавливали ведра с водой для их обливания. Далее – «развитие действия по восходящей»: в церемонии участвовали только старики, они выполняли определенные действия – обливали водой животных, надевали верхнюю одежду, шапки брали под мышки, произносили молитвенные речи. Процесс доходил до кульминации, когда жертвенное животное отряхивалось, участники обряда вставали на колени, благодарили бога Турă и закалывали животное. Действие продолжалось «по нисходящей»: мясо варили в котлах, начинали совместную трапезу, в которой уже участвовали почти все жители деревни, опять молились. «Развязка» представляла собой собственно общую трапезу. В «финале», после еды, оставались на месте обрядового моления только старики, собирали все кости и сжигали (в некоторых случаях кости не собирались). «Финал» и «экспозиция» (где одинаково присутствуют только старики) логически объединяют, делают стройной и законченной всю композицию обряда.

Анализ этнографических источников, культурологических и искусствоведческих исследований позволяет рассматривать этнотеатральные формы чувашских народных обрядов с точки зрения историко-культурного феномена, объясняющего их устойчивость в народной памяти. Обряды типа чӱк удивительно устойчивы в жизни чувашей. Последнее упоминание в средствах массовой информации о подобных обрядах было 21 мая 2010 г. Информационное агентство REGNUM сообщило, что в Чувашии в одной из деревень прошел обряд вызывания дождя. Его провели жители деревни Кивьялы Калининского сельского поселения Вурнарского района, где эта традиция передается из поколения

в поколение. Причины такой «живучести» обрядов мы видим в том, что обряд всегда нес смысловую нагрузку – нравственно-этическую и духовную. Духовные переживания участников обряда выражались в словах молитв, в которых можно выявить основные этические и нравственные нормы чувашского народа: «Если дети провинились или сами провинились, всех помилуй, не обвини» [7, 38]. В этих словах, проявляя ответственность за своих детей и собственные поступки, чуваша обращались не только к духам, но и к своему внутреннему миру, к совести: «Дай накормить голодного и обогреть замерзшего, приходящих в дом. Дай, чтобы нищему можно было подать, турă».

Заметим, что в этих словах заключены нравственные нормы чувашского народа. Действия участников обряда пронизаны уважением к старшим и заботой о соплеменниках: приготовленную пищу после моления съедали в строгом порядке – сначала старики, а затем молодежь и дети; на молениях все наедались досыта, поровну, если еда оставалась, то ее забирали домой, а бедным односельчанам отдавали также и бульон [7, 39]. Доброе отношение к бедным, взаимопомощь, уважение к старшим, терпение стали основой мировоззрения чувашей, нравственной характеристикой этноса. Указанные качества до сих пор проявляются в ментальности чувашского народа. Чувашские обряды, обычаи и традиции обладают огромным педагогическим потенциалом. Вышеперечисленные культурные и духовные ценности, которыми пропитаны этнотеатральные формы чувашской обрядности, и их нравственное содержание должны быть востребованы и в наше время, в том числе и в образовательном процессе.

Резюме. Обобщая итоги исследования этнотеатрализации как историко-культурного феномена, можно сделать следующие выводы:

- культура народа, его духовный и художественный опыт востребованы сегодня педагогической практикой, в том числе и на уровне нормативных документов;
- мифологический и обрядовый материал во многом объясняет этнические особенности менталитета и является источником постижения основ мировосприятия народа и его духовных ценностей;
- чувашская народная обрядность содержит в себе признаки театрального искусства;
- обрядовые формы фольклора имеют ярко выраженное игровое начало, созвучное природной сущности детского возраста, и поэтому представляют собой эффективное педагогическое средство для воспитания и развития школьников;
- в школьной практике при освоении обрядов и обычаев, воссоздании традиций целесообразно применять культурологический подход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев, В. Е. Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. – Л. : Наука, 1967. – 319 с.
2. Дмитриев, И. А. Этнотеатральные формы в чувашском обряде / И. А. Дмитриев. – Чебоксары : ЧГИПН, 1998. – 280 с.
3. Дмитриева, Н. И. Мир чувашской культуры. Древняя история и духовное наследие этноса : учебное пособие / Н. И. Дмитриева, В. П. Никитин. – Изд. 2-е, доп. – Чебоксары : Новое время, 2007. – 304 с.
4. Ивлева, Л. М. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора / Л. М. Ивлева. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 193 с.
5. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / П. С. Паллас ; пер. с нем. Ф. Томанского. – СПб., 1773. – Ч. 1. – 657 с.
6. Рекеев, А. В. Разные чувашские моления / А. В. Рекеев. – Казань, 1898. – 11 с.
7. Салмин, А. К. Народная обрядность чувашей / А. К. Салмин ; отв. ред. С. А. Арутюнов. – Чебоксары : Чуваш. гуманит. ин-т, 1994. – 338 с.
8. Сбоев, В. А. Заметки о чувашах / В. А. Сбоев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 142 с.

УДК 81'27:070

**ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ
СЛОВЕСНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
(по материалам региональных СМИ)**

**LANGUAGE AND SPEECH MEANS OF VERBAL EXTREMISM
(in the regional Mass Media)**

О. В. Артемьева

O. V. Artemyeva

*ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова», г. Нижний Новгород*

Аннотация. В статье рассматриваются языковые и речевые средства реализации словесного экстремизма. Примерами словесного экстремизма являются тексты, содержащие высказывания негативно-оценочного, враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо этнической, конфессиональной или иной социальной группы. В качестве материала были использованы тексты региональных СМИ.

Abstract. The article deals with the language and speech means of verbal extremism. The texts containing negative evaluative, aggressive or disparaging statements towards the people of an ethnic, confessional or other social group are considered to be verbal extremism. Regional Mass Media texts were taken for the analysis.

Ключевые слова: *экстремизм, интенция, дискредитация, интент-анализ.*

Keywords: *extremism, intention, discredit, intent-analysis.*

Актуальность исследуемой проблемы. Проблема экстремизма относится к разряду наиболее обсуждаемых и изучаемых в современном обществе. В период обострения межэтнических и социальных конфликтов исследования, посвященные проблеме вербального экстремизма, представляются наиболее актуальными.

Материал и методика исследований. Материалом исследования являются статьи, опубликованные в разных печатных и электронных средствах массовой информации Приволжского региона. Основными методами исследования стали методы интент-, контент- и дискурс-анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. К проявлениям вербального экстремизма эксперты относят тексты, содержащие «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан в силу социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности» [1, 33].

Более детальное описание словесного экстремизма представлено в работе Е. И. Галяшиной «Лингвистика vs экстремизма». Согласно ее определению тексты экстремистской направленности содержат:

- 1) высказывания, выражающие негативное отношение в адрес какой-либо национальной, конфессиональной или иной социальной группы;
- 2) высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы;
- 3) высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу;
- 4) высказывания побудительного характера, содержащие побуждение к насильственным действиям против лиц определенной национальности, расы, религии и/или иной социальной принадлежности;
- 5) высказывания об изначальной враждебности какой-либо нации, расы или иной социальной группы по отношению к другой;
- 6) высказывания об антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной национальной, религиозной, этнической или иной социальной группы по отношению к другой;
- 7) высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной, этнической, конфессиональной или иной социальной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой нации, народности, этнической или иной группы;
- 8) высказывания, содержащие положительную оценку, восхваление геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической или иной социальной группы;
- 9) высказывания, содержащие негативные уничижительные оценки личности как представителя определенной национальности, этноса, расы или иной социальной группы.

В целом, можно отметить, что тексты экстремистского содержания реализуют общую интенцию дискредитации отдельных представителей или всей национальной либо социальной группы, при этом разные авторы используют различные коммуникативные тактики и ходы. Рассмотрим несколько примеров.

1. *«Чеченцы – **сволочная** нация. Есть, конечно, и среди них хорошие люди, но большинство – **уроды**... вся **зараза** идет с гор. **Кто сейчас воюет? Или молодежь тупорылая, поколение пепси**, которая в этих двух войнах выросла. Или те, которые уже столько крови налили, что им деваться некуда. **Испокон веков они (чеченцы) жили грабежами и убийствами. У них это в крови**» [7].*

Статья «Разведчики уничтожают боевиков без суда» имеет подзаголовок «Беседа в бронетранспортере с начальником разведки по дороге на Дуба-Юрт». Интервью было опубликовано в одной из российских газет в апреле 2006 года, тема борьбы с незаконными военными формированиями на юге страны была одной из самых актуальных на тот момент. Судя по второй части заголовка, беседа с непосредственным участником военных операций проходила в неофициальной обстановке. Экстралингвистические факторы, такие как личность автора, его эмоционально-оценочное отношение к теме, а также фамильярный характер отношения к адресату, повлияли на формирование авторских интенций, в частности, дискредитации чеченцев. Общая стратегия дискредитации реализуется в представленном фрагменте посредством прямого оскорбления и необоснованной генерализации. Необходимо отметить, что в статье экспрессия явно превалирует над стандартом. Содержание авторских интенций определяет выбор экспрессивных средств. Роль **экспрессем** выполняют единицы разных языковых уровней.

Эксплицитными средствами выражения тактики прямого оскорбления являются такие лексические единицы, как «сволочная», относящаяся к разряду грубой разговорно-сниженной лексики, бранные слова «уроды», «зараза», презрительно бранное «тупорылая». Включение прецедентного текста «поколение пепси» является аллюзией на известный рекламный слоган «Новое поколение выбирает пепси!» (словосочетание «поколение пепси» приобрело негативный смысл, поскольку так называют ту часть молодежи, духовные потребности которой сведены к примитивному представлению о «красивой жизни» и, по сути дела, являются не духовными, а «желудочными») [10]. Оно относится к имплицитным средствам создания негативно-оценочной характеристики чеченцев.

Инверсия на уровне словосочетаний «столько крови налили, им деваться некуда» трансформирует нейтрально-повествовательную интонацию предложения в эмоционально-экспрессивную. Очевидно, что повышенная экспрессивность данного текста является средством эмоционального воздействия на читателя.

На стилистическом уровне можно отметить гиперболу, выраженную устаревшей лексикой, – «испокон веку», а также метафору – «у них это в крови». Данные стилистические приемы лежат в основе неаргументированной генерализации, с помощью которой автор заявляет об изначальной враждебности чеченцев.

Таким образом, авторская интенция дискредитации в данном отрывке реализовывалась посредством инвективной лексики, аллюзии, гиперболы, метафоры, инверсии и других средств русского языка.

С точки зрения содержания данный фрагмент состоит из высказываний, выражающих негативную оценку чеченской нации, а также утверждения о ее природной агрессивности, что дает основания считать данный текст примером вербального экстремизма.

Рассмотрим другой пример:

2. «...да мало ли в России городов, где простой русский народ устал терпеть наглость и издевательства со стороны чеченских отморозков, подмявших под себя и криминалитет, и властные структуры? Подонков, позорно забросивших могилы своих пращуров ради денег и давно утративших право именовать себя «нохчи» и что-то там ваять о родине. Зарезали твои персы в темном Тегеране Александра Грибоедова – дари в знак лояльности алмаз. **Обагрили твои чеченцы кинжалы кровью** молодых русских парней в далекой Карелии – так покажи, что не все твои **сородичи оху... головорезы**, дай людям денег на похороны, положи пенсию родственникам убитых, вывези в свой **мартан** наиболее **одиозных бандитов...** но поди, **втемняй это в бетонную боксерскую голову!** Калмыкия, Карелия – это еще не война. Русского разозлить трудно, но коли уж разозлил – **запасайся гробами!**» [3].

Статья «Злой чечен ползет на Север» была опубликована на сайте «Медиактивист» осенью 2006 года сразу после межэтнических столкновений в городе Кондопоге на севере России. Адресатом является русскоязычное население. Безусловно, такие внеязыковые факторы, как личность автора, его эмоционально-оценочное отношение к теме, а также непринужденный характер отношения к адресату не могли не повлиять на формирование авторских интенций, которые, кроме дискредитации чеченцев, содержат еще и обвинения в криминальной деятельности и утрате моральных ценностей, а также скрытую угрозу. Очевидно, поэтому журналист не указал свое имя. Стратегия дискредитации в данной

статье реализуется средствами разных языковых уровней, начиная с лексических ресурсов и заканчивая синтаксическими средствами.

Негативная характеристика чеченцев дана уже в заголовке посредством включения прецедентного текста – трансформированной строчки из произведения М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная». Аллюзия служит средством выражения авторской негативной оценки. Коммуникативная тактика прямого оскорбления реализуется лексическими средствами, к которым относятся презрительно жаргонное слово «отморозков», жаргонное словосочетание «подмявших под себя», слова отрицательно-оценочной коннотации «бандиты», «наглость», «издевательства», в том числе «криминалитет, властные структуры». Нарушение орфографической нормы в написании названия города «мартан» служит графическим средством реализации тактики непрямого оскорбления. А столкновение в одном предложении лексики разной функционально-стилевой окраски, например, пренебрежительно разговорного слова «подонков», книжного «прашур», книжного словосочетания «право именовать», чеченского самоназвания «нохчи» и разговорно-сниженного словосочетания «что-то вякать» способствует созданию иронического эффекта, а в конечном счете, «снижению образа» чеченцев [4, 88]. Этот же прием автор использует далее по тексту, включая аллюзию на известный исторический факт, связанный с убийством А. С. Грибоедова. В этом случае автор сталкивает разную стилевую лексику: книжную «обагрить кровью», «одиозные» и нецензурную «оху...». Стилистическая контаминация создает стилевое несоответствие и негативное отношение к представителям данной этнической группы. Перлокутивный эффект данного высказывания – оскорбление – усиливается и за счет метафорического перифразы «втемяшь это в бетонную боксерскую голову», в котором присутствует явный намек на спортивные пристрастия руководителя Чеченской Республики. Конкретизация объекта угрозы достигается посредством притяжательного местоимения 2 лица единственного числа «твои» и глагола в форме 2 лица единственного числа повелительного наклонения «запасайся гробами».

Как и в предыдущем фрагменте, экспрессия явно превалирует над стандартом. С точки зрения содержания данный отрывок состоит из негативных эмоционально-оценочных высказываний и скрытых угроз в адрес представителей чеченской нации, что дает основания считать данную статью проявлением словесного экстремизма.

3. **«Надо решительно добиваться арестов чеченских бандитов не только в Кардапоге, но и во всей Карелии! По всей России шмон чеченским уголовникам провести. И этих тварей, разжиревших на нашей крови, существующих лишь благодаря миграции, – надо нещадно душить и душить!»**

«Никто не обязан жить на своей земле с чеченцами, решившими не отвечать за подмахивание кремлевским уголовникам, за геноцид мирного населения в Чечне **НЕ** чеченской национальности, за разбой, воровство бюджетных средств, за сепаратизм и откровенное предательство Родины. Вначале надо ответить, куда были израсходованы огромные бюджетные средства, направляемые на восстановление инфраструктуры еще с первой кампании... Но более всех события в Карелии сделал интересными всем чеченский представитель **Рамзанчик**, объявивший себя «защитником **своего** народа» и утверждающий, будто сразу же после референдума этого **чеченского сельпо** – предательского и сепаратистского по своей сути – чеченцы вдруг стали **«всем равны»**. Ну, мы здесь в России уже поняли, что обычно стоит за нацменовскими представлениями о

«равенстве». Все «равны», Рамзанчик, в уголовном суде! Равенство по национальности, тупой Рамзанчик, это когда каждая националистическая тварь сидит и помалкивает со своей дикой национальностью в родном селю, а не лезет что-то диктовать по поводу чужой национальности в Карелии! Мы вообще не желаем их видеть рядом! Да еще рядом со своими детьми! Есть у них «свободная Чечня» с их «защитником» Рамзанчиком – все они должны находиться именно там» [2].

Статья И. А. Дедюховой «Прокрустово ложе этнического равенства» была опубликована на сайте «samizdat» вскоре после межэтнических столкновений в городе Кондопога. Адресатом является русскоязычное население. Такие внеязыковые факторы, как личность автора, его эмоционально-оценочное отношение к теме, а также фамильярный характер отношения к адресату определили авторские интенции, направленные на дискредитацию чеченской нации и руководителя Чечни, а также побуждение к агрессивным действиям против чеченцев. Общая стратегия дискриминации реализуется посредством тактики прямого и косвенного оскорбления, обвинения, навешивания ярлыков.

В качестве заголовка статьи автор использует прецедентный текст, трансформированный фразеологизм, где слово с положительным коннотативным значением «равенство», употребленное в отрицательно-оценочном контексте, приобретает негативную оценочную окраску. Далее по тексту однокоренные слова «равенство» и «равны» также имеют негативное коннотативное значение. Достигается это посредством закавычивания и употребления в одном контексте с лексикой сниженной функционально-стилевой окраски. К эксплицитным средствам выражения оскорбления можно отнести отрицательно-оценочную лексику «бандитов», «уголовникам», «тварей», «тупой», «дикой национальности». Имплицитным средством является употребление лексики с неоднородной функционально-стилевой окраской, например, неодобрительно жаргонного выражения «провести шмон», грубого разговорного словосочетания «разжиревших на крови», разговорного «подмахивание уголовникам». Словообразовательным средством реализации тактики оскорбления является уменьшительная форма имени главы республики «Рамзанчик». Перлокутивный эффект издевки усиливается посредством закавычивания – традиционного приема скрытой иронии: «защитником», «всем равны», «равенстве», «свободная Чечня». Пародирование особенностей речи президента Чечни «сваева народа», использование аллюзии «в Кардапоге» как намек на неправильно написанное название города в письменном обращении Кадырова и перифраз «родное селю» (о Чечне) способствуют созданию ироничного контекста и, соответственно, снижению образа самого Кадырова. Еще одним коммуникативным ходом, направленным на дискредитацию руководителя Чеченской республики в данной статье является навешивание ярлыков посредством употребления прилагательных, обладающих пропагандистской оценочностью [5, 84] «националистическая тварь», «нацменовскими представлениями». Кроме того, журналист использует прием маркирования слов, характеризующих точку зрения Кадырова, как не соответствующих истине, – «утверждающий, будто».

Для обвинения автор использует лексические средства с отрицательным коннотативным значением: «геноцид мирного населения», «за разбой, воровство бюджетных средств, за сепаратизм и откровенное предательство Родины».

Интенция побуждения реализуется разнообразными экспрессивными средствами языка. Прежде всего к ним относятся эмоционально-экспрессивная лексика с негативной коннотацией: «надо душить». Помимо восклицательных односоставных предложений, на

уровне синтаксиса необходимо отметить стилистический прием градации: *«Надо решительно добиваться арестов чеченских бандитов не только в Кардапоге, но и во всей Карелии! По всей России шмон чеченским уголовникам провести!»*, *«Мы вообще не желаем их видеть рядом! Да еще рядом со своими детьми»*, инверсию на уровне словосочетаний: *«шмон провести»*, *«тварей, разжиревших»* и актуальное членение предложения: *«И этих тварей, разжиревших на нашей крови, существующих лишь благодаря миграции, – надо нещадно душиить и душиить!»*. Достаточно частотен в тексте прием актуализации. Так, в предложении *«Никто не обязан жить на своей земле с чеченцами»* присутствует намек на выселение последних, идея об изоляции Чечни прослеживается и в предложении *«Ну, мы здесь в России...»*. Автор противопоставляет Чечню России вопреки тому факту, что первая входит в состав последней.

Таким образом, используя разнообразные средства языка и коммуникативные приемы, автор реализует интенции побуждения к насильственным действиям против лиц чеченской национальности, а также обвиняет их в преступлениях, повлекших бедствия, смерть других этнических групп. Кроме того, в статье дискредитируется имидж президента Чечни как представителя чеченской национальности. Подобные высказывания трактуются экспертами как проявление словесного экстремизма.

4. *«Возьмем Косово – это албанцы. Мусульмане – народ совершенно иной, нежели православные сербы. В семьях у албанцев рождается много детей во многом благодаря религиозным установкам, у сербов – мало. То есть идет еще и демографическая агрессия. Нам-то это понятно: как славянскую женщину заставить родить 5–7 детей? Она как человек не будет существовать, превратится в фабрику производства, автомобильную какую-нибудь... Славяне, европейцы – они живут более спокойной жизнью. Выходцы из мусульманских многодетных семей всегда более агрессивны – им еще в детстве приходилось за что-то бороться с братьями и сестрами, а потом стать добычкой для большой семьи. Поэтому они за оружие быстрее берутся»* [8].

Статья Е. Семеновой «Национальный вопрос: руками не трогать!» была опубликована в газете «Аргументы и факты» в 2008 году. Поводом для публикации стало провозглашение независимости Косово, одного из территориальных субъектов Сербии. Известно, что Россия не признала независимость нового государства, и автор статьи полностью поддерживает официальную позицию России в этом вопросе. Следовательно, такие элементы дискурсного анализа, как личность автора, его эмоционально-оценочное отношение к теме, а также непринужденный характер отношения к адресату оказали непосредственное влияние на формирование авторских интенций, в частности, дискредитации косовских мусульман. Для реализации общей стратегии дискредитации используется прием создания комплексной эквивалентности (термин НЛП, используемый А. Кошкиной при анализе текста) [6]. Он основан на лексеме *«то есть»*, для того чтобы бездоказательное утверждение о демографической агрессии выдать за аксиому. Употребляя лексему *«еще и»*, автор имплицитно утверждает существование другой, помимо демографической, агрессии. При этом им используется прием генерализации сторонников своей точки зрения, который базируется на падежной форме личного местоимения *«нам»* с размытым содержанием (термин М. Ю. Федосюка) [9, 95]. Утверждение об агрессивности мусульман строится на использовании лексических средств с отрицательным коннотативным значением *«бороться»*, *«заставить родить»*, *«как человек не будет существовать»*. Два последних высказывания являются имплицитным утверждением по отношению к мусульманам. На уровне морфологических средств автором достаточно часто используются сравнительные формы оценоч-

ных прилагательных и наречий: «более агрессивны», «быстрее берутся за оружие», «более спокойной жизнью». Последнее высказывание относится к православным, но имплицитно автором утверждается противоположное уже по отношению к мусульманам.

В данном фрагменте общая стратегия дискредитации реализуется в основном посредством приема имплицатуры. С точки зрения содержания статья состоит из высказываний об антагонизме двух религиозных групп, что, по мнению экспертов, является экстремизмом.

Резюме. В нашей статье проанализированы тексты разных авторов, опубликованные в различных региональных СМИ. Методы дискурсного и интен-анализа позволили выявить экстремистскую направленность вышепредставленных текстов. Одной из основных интенций является интенция дискредитации. Для ее реализации разными авторами использовались различные коммуникативные приемы, в частности приемы прямого и косвенного оскорбления, необоснованной генерализации, навешивания ярлыков, мультипликации сторонников, стилового маркирования слов, закавычивания, пресуппозиции, имплицатуры, пародирования речи, которые, в свою очередь, были выражены разнообразными средствами всех уровней языка. На морфемном уровне можно выделить нарушение словообразовательных норм, на лексическом уровне – употребление эмоционально-оценочных средств, лексики с отрицательным коннотативным значением, переносного значения слов с положительной коннотацией, а также лексем со сниженной функционально-стилевой окраской. На уровне стилистики необходимо отметить достаточно широкое использование иронии, аллюзий, гипербола и метафор. Синтаксические средства также используются для актуализации интенций дискредитации посредством инверсии.

Таким образом, метод контент-анализа позволяет выявить схожесть текстов экстремистской направленности, а также похожесть рисунка манипулятивных технологий, используемых в подобных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галяшина, Е. И.* Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам / Е. И. Галяшина / под ред. М. В. Горбаневского. – М. : Юридический Мир, 2006. – 96 с.
2. *Дедюхова, И. А.* Прокрустово ложе этнического равенства [Электронный ресурс] / И. А. Дедюхова // Самиздат : интернет-журнал. – 2006. – 7 сентября. – Режим доступа: <http://www.samizdat.msk.ru/>.
3. *Злой чечен ползет на Север* [Электронный ресурс] // Медиактивист : интернет-журнал. – 2006. – 7 сентября. – Режим доступа: <http://www.mediactivist.ru/obzor/196>.
4. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Ком-Книга, 2006. – 288 с.
5. *Копнина, Г. А.* Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 176 с.
6. *Кошкина, А. А.* Приемы манипулятивного воздействия в текстах перевыборной агитации / А. А. Кошкина // Речевое общение. Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. – 2004. – Вып. 5–6 (13–14). – С. 93.
7. *Речканов, В.* Разведчики уничтожают боевиков без суда: беседа в бронетранспортере с начальником разведки по дороге на Дуба-Юрт / В. Речканов // Известия. – 2006. – 5 апреля.
8. *Семенова, Е.* Национальный вопрос: руками не трогать! / Е. Семенова // Аргументы и факты. – 2008. – № 9.
9. *Федосюк, М. Ю.* Выявление приемов «демагогической риторики» как компонент полемиического искусства / М. Ю. Федосюк // Риторика в развитии человека и общества : тезисы науч.-практ. конференции (13–18 января 1992 г.). – Пермь, 1992. – С. 95.
10. <http://www.otrezal.ru/catch-words/520.html>

УДК 82 (091)

СВОЕОБРАЗИЕ ДРАМАТУРГИИ Б. К. ЗАЙЦЕВА 1900–1910-х ГОДОВ

PECULIARITY OF DRAMATIC COMPOSITION OF B. K. ZAYTSEV IN 1900-1910'S

Н. П. Бабенко

N. P. Babenko

ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. В статье рассматривается драматургическое наследие Б. К. Зайцева, выявляются особенности пьес, а также их роль в творчестве писателя.

Abstract. In the article dramaturgic heritage of B. K. Zaytsev is considered. Peculiarities of his plays and their role in the writer's creative work are brought to light.

Ключевые слова: *Б. К. Зайцев, драматургия, любовь, психологизм, образ-символ, ремарка, реминисценция.*

Keywords: *B. K. Zaytsev, dramaturgy, love, psychologism, images-symbol, remarks, reminiscence.*

Актуальность исследуемой проблемы. Во второй половине 1900-х годов Б. К. Зайцев, молодой прозаик, уже выпустивший первую книгу рассказов, обращается к драматическому роду. В течение десяти лет он создает 5 пьес: «Любовь» (1907), «Верность» (1909), «Усадьба Ланиных» (1910–1911), «Пощада» (1914), «Ариадна» (1916). Больше (помимо двух произведений в сценах 1920-х гг. «Дон Жуан» и «Души чистилища») к драме писатель не обращался, пьесы остались исключительным явлением в его творчестве. Это обуславливает важность указанных произведений не только в контексте доэмигрантского периода, но и во всей творческой биографии Б. К. Зайцева. В то же время его пьесы изучены недостаточно, есть необходимость освобождения от идеологических штампов в оценке драматургического наследия писателя и проникновения в сущность поэтики написанных им драм. До сих пор нет серьезных исследований, посвященных всестороннему анализу пьес.

Существующие в срезе данной проблемы работы выполнены в рамках статей и в большей степени примыкают к критической оценке, данной еще в советском литературоведении [1], [2]. Причиной недостаточного внимания исследователей стали и известные слова самого писателя, высказанные им в конце жизни: «Да я никакой драматург. Это меня Чехов сбил. Театр не мое дело» [4, т. 8, 3]. Между тем в начале творческого пути драма занимала совершенно особое для Б. К. Зайцева место. В письмах 1910 года к друзьям он признается: «... с июля начну пьесу. Не презирай меня, пожалуйста, и не делай иронического лица, пьеса дело Божье и больше чем что-либо пишется для души» [4, т. 10, 73]; «Мне хотелось бы в жизни 1) уметь писать пьесы 2) хорошо играть в шах-

маты 3) иметь фрак. Кажется, лишь последнее исполнимо» [4, т. 10, 77]. В последнем письме, написанном в одно время с работой над лучшей пьесой – «Усадьба Ланиных», сквозь шуточный тон уже сквозит недооценка себя как драматурга.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили пьесы, написанные Б. К. Зайцевым в 1900–1910 годы. В ходе работы применены аналитический, сравнительно-сопоставительный, герменевтико-интерпретационный методологические подходы.

Результаты исследований и их обсуждение. Обращение Б. К. Зайцева к театру приходится на время «массового, если не сказать поголовного, увлечения писателей драматургическим родом», когда «в стихии драмописания оказались вдруг и признанные прозаики-повествователи, и утвердившие свою репутацию поэты-лирики» [3, 4], но этим влиянием увлечение писателя театром не исчерпывается.

Особая роль в становлении Зайцева-драматурга, как неоднократно отмечалось исследователями, принадлежит А. П. Чехову: «драматургия его [Чехова] не только покорила, но и вызвала в молодом Зайцеве твердую убежденность в необходимости писать и писать в этом родственном ему духе» [1, 76]. Многие особенности драматургии Б. К. Зайцева связаны со следованием чеховской традиции: обращение к повседневной жизни обычных людей; «при внешней ослабленности сюжета – сверхнапряженный психологизм, переливы настроений, динамика душевных состояний» [4, т. 8, 4]; открытые финалы; многочисленные эмоционально-смысловые паузы; использование подтекста. Герои Б. К. Зайцева просто живут, веселятся, а в это же время с кем-то случается несчастье, гибнет любовь, рушатся семьи. Так, в пьесе «Усадьба Ланиных» устроены вечер, танцы в честь свадьбы Ксении и Евгения, молодежь веселится, а в это время Наташа бросается в пруд от несчастной любви. Паузы в пьесах писателя, вызванные ремарками (*Молчание*) и многоточиями, говорят больше, чем сказанные слова.

Несмотря на столь явные черты влияния А. П. Чехова, драматургию Б. К. Зайцева нельзя считать вторичным явлением, а тем более сравнивать творчество двух писателей с целью выявить недостатки последнего. Так, Б. С. Бугров видит лишь внешнее сходство пьес Б. К. Зайцева с чеховским театром, отказывая им в социальности: «Для Зайцева реально-бытовая обстановка сценических действий, естественная и необходимая в чеховских реалистических драмах, по большей части служила своеобразной декорацией, посредством которой усиливалась передача мимолетных впечатлений персонажей или изменчивых внутренних «состояний» самого автора» [2, 90]. Действительно, Б. К. Зайцев останавливает свое внимание прежде всего на внутренней жизни человека, но обстановку его пьес нельзя назвать только фоном, природа – это еще один персонаж зайцевских произведений. Более того, указание на те или иные топоры, получившие символическую нагрузку в творчестве писателя в целом, служит для построения в драматургии своеобразной картины мира, православной по существу. Так, в ремарках неоднократно встречаются описания далеких просторов, неба, водоемов, вечерних зорь, церкви: «... сквозь листья деревьев далеко в небе маячит купол собора» [4, т. 8, 126]; «Поздняя ночь, начинает светать; чуть зеленеет на востоке, и тихими массами стоят деревья и старая церквушка внизу» [4, т. 8, 131]; «Направо, внизу, сквозь деревья виден пруд. Теплая вечерняя заря» [4, т. 8, 182]; «В окнах вид на реку – поля и леса на горизонте» [4, т. 8, 243].

Часто исследователи рассматривают драматургию Б. К. Зайцева «как особую форму его беллетристики, как прозу в диалогах» [4, т. 8, 4]: «Пьесы его по сути дела были

рассказами в диалогах, написанными в тонах повествовательной «элегии» [2, 89]. Основания для таких утверждений неоспоримы: в пьесах действуют те же характеры, встают те же проблемы, что и в рассказах и повестях писателя. Его драматургии свойственны эпические черты, связанные с ослабленностью действия, расширением ремарок до широких описаний. В ремарках как бы проявлен тот образ повествователя, который характерен для эпических произведений Б. К. Зайцева. Так, в пьесе «Любовь» дается следующая зарисовка: «... сквозь листья деревьев далеко в небе маячит купол собора; он бледно-золотой, и в нем, как тени, бродят отражения облаков, городов, дальних полей, которые видит один он; вечное и легкое движение» [4, т. 8, 126]. Часто ремарки в его пьесах несут оценочную нагрузку, отражая тем самым мнение автора: «... стаскивает с тонких рук перчатки – длинные – точно светлые змейки» [4, т. 8, 127]; «Весенний день, бледно-зеленых тонов (...) небо апрельски-нежное» [4, т. 8, 170]. За эмоционально-оценочной насыщенностью ремарок встает образ автора.

Не согласимся с другой исследовательницей творчества Б. К. Зайцева – Л. М. Ариной, которая считает, что «как литературное явление Зайцев-драматург не состоялся» [1, 77]. В качестве аргумента Л. М. Арина приводит тот факт, что в момент создания пьес писатель, находясь на творческом перепутье, испытывал влияние как реалистических, так и модернистских течений. На наш взгляд, это говорит не о неудаче, а об особом месте Б. К. Зайцева в литературном процессе начала XX века. Писатель был включен в общее движение литературы этого времени, отличительной особенностью которой было возникновение новых форм на стыке различных явлений.

Близко нашей позиции наблюдение Б. С. Бугрова, отметившего одну из важнейших отличительных черт пьес писателя: «... пьесы Зайцева (...) утверждали преимущественно непреходящий смысл вечных ценностей, прежде всего – любви» [2, 90]. Но с продолжением этой мысли нельзя согласиться: «Писатель (...) изымал сферу любовных чувств из общего жизненного потока и пытался абсолютизировать ее как изначальную суть бытия» [2, 90–91]. Действительно, Б. К. Зайцев абсолютизирует любовь, но связывает ее со всем жизненным потоком. Для него, как и для его персонажей, любовь равна жизни, составляет ее смысл, хотя порой может быть и шире ее: «... жизнь есть жизнь, а любовь... –этакое невмещающееся нечто» [4, т. 8, 147].

Пьеса «Любовь» представляет один день из жизни супружеской пары, Графа и его супруги, называемой Рыжим, а также всех тех, кто их окружает. Это доказательство включенности персонажей в жизненный поток. День этот особенный – пятилетняя годовщина со дня свадьбы супругов, пик их любви. Пьеса неслучайно носит такое название: многие герои рассуждают о любви, находятся в состоянии влюбленности, признаются в любви. Одно из первых определений любви, данных в пьесе, принадлежит Графу, и здесь оно связано с употреблением мотива тишины, который в контексте всего творчества писателя приобретает характер символа (например, в сборнике «Тихие зори»): «... чем больше я живу, тем больше кажется, что кто-то тихими... пламенными нитями связывает нас в одно.... Где-то в тишине зреет, накапливается...» [4, т. 8, 124]; «... начался новый день, и кто-то еще глубже входит в мое сердце и тихо-тихо завладевает там, строит свою стройку» [4, т. 8, 125]. Связь с тишиной подспудно утверждает божественную природу испытываемой героями любви. Это же определение указывает на духовный, нестранный ее характер.

Уже в этой первой пьесе понимание любви многогранно. Приход любви воспринимается героями как нечто, назначенное судьбой, принимается со смирением: «... все мы

друг за другом вступаем в этот круг... будто кто нам назначил (...). Вот мы родимся, живем, зреем потихоньку и потом вдруг у-ух, всплываем в беззвучную, тихую... пламенную полосу. И там нас крутит, завивает, кто-то будто носит на своих плавных руках, какие-то течения подводные. И одним предназначена жизнь, другим – смерть. И это называется любовью» [4, т. 8, 127]. Граф не отрицает страдания в любви, что и называет смертью. В ответ на его слова следует реплика влюбленного Васи: «Рано или поздно всем смерть, а потом опять жизнь» [4, т. 8, 127]. Слова его отражают христианское миропонимание, веру в воскресение души после смерти тела.

Другому персонажу пьесы, Равениусу, несчастному из-за неразделенной любви, принадлежат слова, отражающие, на наш взгляд, авторское понимание этого чувства, близкое христианскому: «... вот меня спрашивали там, что такое любовь, тогда в кафе. Разве можно на это ответить? Нет... ты упали, сердце свое истерзай, изорви свою душу в клочья, тогда, может быть, узнаешь, что она есть (...) да, вас осенила великая милость, – не забывайте, куда это ведет вас... и – не бойтесь. И чего вам пожелать? Счастья? Несчастья? Граф, не сердись, ей-Богу не знаю» [4, т. 8, 130]. Чтобы познать настоящую любовь, нужно пройти через страдания, горе: и счастье, и горе в любви, по мысли автора, благословенны, как благословенна сама любовь. Любовь – великая милость, ценность (данная Богом), но и крест, тяжесть, влекущая за собой страдания – их нужно переносить стойко, со смирением.

Ценность любви, ее созидаящая или разрушающая сила глубоко осознается персонажами. В связи с темой любви встает мотив смерти (традиционная бинарная оппозиция «любовь – смерть»): «...как я стала любить, мне совсем и не страшно. Ничего мне не страшно, даже умирать (...). Потому что такая большая моя любовь, такая...» [4, т. 8, 131]; «... любовь и смерть. Старо и верно» [4, т. 8, 131]. В разрешении проблемы любви и смерти пьеса близка рассказам «Сестра» (1907), «Спокойствие» (1909), а потому можно говорить о системном характере творчества Б. К. Зайцева: «Пусть мы умрем, и от нас ничего не останется, а может мы и родились-то только затем, чтобы так вот любить, любить до иступления» [4, т. 8, 132]. Смысл человеческой жизни видится в любви, в переживании этого чувства, которое здесь находит религиозное осмысление. Рыжий несколько раз произносит: «Говорю перед тобой как перед богом – ты ведь и есть мой земной бог» [4, т. 8, 131]; «... вот говорю тебе как перед Богом (Крестится, губы у ней дрожат) [4, т. 8, 132]. Неслучайно различное написание слова «бог»: первое обращение во многом схоже с языческим обожествлением, повторное признание превращает слова героини в исповедь. Они показывают переход от приятия земного воплощения любви и человека к видению в возлюбленном Божественного, к любви за пределами земного (дольного) бытия, к любви вечной. Финальные слова утверждают вечную, вневременную любовь: «Милый, мой милый бесконечно, и никто нас не погонит, мы сгорим вместе и вместе воскреснем» [4, т. 8, 132]. Очищающий душу огонь любви утверждает их на пути воскресения.

Таким образом, в пьесе «Любовь» поставлены многие проблемы, связанные с пониманием любви: счастья и страдания в любви, безответной любви, любви и смерти. Их разрешение будет продолжено в последующих пьесах Б. К. Зайцева. В этом произведении, написанном в 1907 году, делаются попытки христианского разрешения вышеперечисленных проблем. Любовь для Б. К. Зайцева – важная часть жизненного потока отдельного человека и всего мироустройства.

В пьесе «Верность» показана трагедия любви человека, любящего двух женщин, который разрывается между ними и не может принести счастье ни одной из них. Супруги

Константин Иванович и Марья Гавриловна подобны супружеской паре в пьесе «Любовь». Действие пьесы «Верность» будто начинается с того, чем завершается первая пьеса. Об этом говорит фраза, произнесенная в начале пьесы: «... если любила, есть хоть чем помянуть жизнь. Даже страдания любви вспоминаются потом иначе» [4, т. 8, 135]. Марья Гавриловна, произносящая эти слова, несчастна. Она любит, но чувствует, что ее муж не удовлетворен слишком «ровным», спокойным течением их жизни и любви, его чувство ослабевает и нуждается в оживлении: «Как-то слишком ровно. Точно рельсы – и по ним катишь (...). Хочется такого... необыкновенного» [4, т. 8, 134]. И такое необыкновенное является в жизни Константина Ивановича в образе юной девушки Дали: «Все вышло так неожиданно, удивительно! Я полюбил ее сразу. Может это быть по-твоему, что в мире есть двое, предназначенные друг другу? Тайные черты, неуловимые, открывают им это. И летит... все вверх дном, жизнь ломается, нельзя ухватиться ни за что, и ничем не оставишь. Это называется любовный рок» [4, т. 8, 144].

Константина Ивановича могут оправдать слова, высказанные Лялиным и поднимающие проблему вечного поиска воплощения идеальной любви: «Любовь, по-моему, безнадежна всегда. Потому что она есть стремление к неосуществимому. Любовь, как Бог: везде и нигде. Поэтому можно томиться любовью, беспредметно, и нельзя быть счастливым с данной женщиной. Как нельзя сделать себе кумира, фетиша – и назвать Богом» [4, т. 8, 147]. Несмотря на ссылки на Бога, такую трактовку любви нельзя назвать христианской. Она скорее близка символистским (мистическим) томлениям по Прекрасной Даме (в пьесе «Дон Жуан» – образ Светлой Дамы).

Поиск любви привел Константина Ивановича и к счастью, и к несчастью: он полюбил Далию любовью безмерной, «смертной» («сумасшествие дивное»), но в то же время сделал несчастными и жену, и возлюбленную.

Марья Гавриловна олицетворяет в пьесе любовь тихую, бескорыстную и даже жертвенную. Именно она воплощает понимание жизни и любви по Б. К. Зайцеву, что доказывает введение мотива тишины в связи с этой героиней. Марья Гавриловна страдает, но не проклинает мужа и Далию, с муками, но принимает выпавшую ей долю: «Вот я и желаю вам счастья в любви (...). Тем более, что и тот, кого вы любите – любит вас (...). Я не сужу и не язвлю никого. Все так должно быть. Любите. *Любовь благословенна*» (выделено нами. – Н. Б.) [4, т. 8, 149]. В понимании героини любовь во всех ее ипостасях благословенна. Но тем не менее она не может удержаться от предвестия несчастья: «Каркаю горе, ужас (...). О, знайте, пролетит радость, душу вашу тот же мрак возьмет, что и мою, тот же» [4, т. 8, 149]. Страдания в любви неизбежны, тем более в той, что построена на несчастье другого.

Пьеса носит название «Верность». Между тем в центре действия – супружеская измена. В чем же проявилась верность? Константин Иванович оказался не тем человеком, который смог вынести страдания жены без угрызений совести. На нем лежит вина: он увлек девушку, будучи женатым, связанным супружескими узами, не имея возможности ничего дать, обещать ей. Константин Иванович оказался верен основным принципам нравственного человека. Он встает «выше счастья» своего, жены, Дали и покидает обеих женщин: «Он не мог иначе. Он мучится. Любит обеих. Рвет с обеими. Да. Так сказалось сердце. Конечно, иначе нельзя» [4, т. 8, 162]. «Счастье – мука (...). Но значит так назначено. Мне, тебе, ей... Должны мы понести печаль» [4, т. 8, 161]. Константин Иванович

решает искупить своим страданием несчастье любимых женщин. Он отказывается от любви и от жизни.

Важны в структуре пьесы герои, представляющие иную параллель в отношении к любви, – Диалектов и Царевна. Диалектов, «ученейший отшельник», погружен целиком в книги и не участвует в живой жизни. Показательны слова Константина Ивановича, прозвучавшие в последней сцене пьесы. Он, гибнущий от страданий любви, все же предпочитает их жизни без любви: «Жизнь идет – мимо вас. В ней чувства, радости, тягости, но все мимо, все мимо и ваши годы проходят, а вы и не знаете даже об этом» [4, т. 8, 165]. Царевна не умеет испытывать сильных чувств, идет по жизни легко: «По-моему, бросить – просто. Мне не было бы трудно» [4, т. 8, 165]. И с такой же беззаботностью предлагает Константину Ивановичу полюбить ее: «Ты будешь влюблен, будешь млеть, позабудешь горести» [4, т. 8, 165].

Главной концептуальной составляющей в пьесе «Верность» является изображение страдания, мук, вызванных любовным чувством.

Героиня пьесы «Пощада» Таня является носителем христианского сознания в пьесе: она спокойна и ясна, уверена в своем чувстве к Коновалову, в спасительной силе любви, ее поддерживает вера. Таня милосердна, и любовь ее «жалельная» распространяется на всех «убогеньких» (животных, окружающих): «Все ужасно несчастны. И, может быть, надо пожалеть. Милости надо... чтобы злобы было меньше. Я не могу сказать. Но так. Я чувствую. Надо милости, а то все... погибнем» [4, т. 8, 229]. Пожалев Коновалова в минуту смертного отчаяния, она спасает его для жизни: «Значит ты меня спасла? Я умирал» [4, т. 8, 241]. Название пьесы носит философский характер, представляет христианское отношение к людям: пощады заслуживает любой человек, как бы глубоко он ни «пал», как бы он ни был виноват. В истоках пощады, прощения – любовь к человеку, жалость к нему, милосердие, и здесь путь к искуплению, исправлению души.

В центре пьесы «Ариадна» также супружеская измена, страдания супругов, испытываемые ими после нее. Ариадна, когда-то сильно любившая Полежаева, не может простить его. Конец любви означает для нее конец жизни: «Вот бы встать, руки раскрыть, Божий свет к груди прижать. Я так и делала. Я с солнцем играла (...). А теперь я пропащий человек» [4, т. 8, 244]. Семейное несчастье вызывает смертную тоску и доводит ее до попытки самоубийства.

Пьеса могла бы носить название «Прощение», ее идея во многом схожа с той, что проявлена в «Пощаде». Когда Ариадна отошла от собственных страданий и разглядела всю меру страданий мужа, равных ее мукам, прониклась ими, ее любовь победила измену. Ариадна пожалела и простила мужа: «Я ужасно мучилась все это время. Ну, Господи, как ужасно. Но я тебя безумно люблю, и любила... даже когда оскорбляла» [4, т. 8, 270]. В основе прощения и здесь утверждается жалость к человеку: «Я доставил тебе страшные мучения. Ты простила (...). Потому что пожалела (...). Может быть, как и всех пожалеть надо» [4, т. 8, 281]. Ариадна вновь открылась любви. Но ее любовь теперь иная, окрепшая, прошедшая через страдание и прощение.

Пьеса «Усадьба Ланиных» является центральной в драматургическом наследии Б. К. Зайцева. Подтверждением этому служат несколько положений: пьеса «Усадьба Ланиных» включает в себе большинство сюжетных решений других пьес – супружескую измену, неразделенную любовь, самоубийство от несчастной любви, жертвенность в любви, обнаружение истинной любви, оставление всего ради мечты о счастье. В пьесе

присутствуют основные, повторяющиеся в остальных пьесах, типы персонажей, в уста которых вложена авторская концепция любви. Это Фортунатов, Тураев, Елена, Ксения. Наконец, пьеса «Усадьба Ланиных» – «самая чеховская» пьеса Б. К. Зайцева, она в наибольшей степени воплотила приемы драмы А. П. Чехова. Она представляет широкий ряд проблем, связанных с темой любви.

Само пространство пьесы нераздельно связано с данной темой. Ланин рассказывает, что в усадьбе издавна случались любовные истории: «Тут всегда так. Влюбляются, ревнуют, бывают и слезы, и истории. Этот парк, знаете ли, чего не видывал. Недаром здесь такая поэтическая сень» [4, т. 8, 185]. Чувствуют это и гости: «Да и у вас тут все пропитано любовью» [4, т. 8, 171]; «Я, знаете ли, чувствую, что здесь была богатая жизнь... и, как бы сказать, – жизнь любви» [4, т. 8, 177]. В подтверждение этому в центре усадьбы находится статуя Венеры – «покровительницы любви, устроительницы величайших кавардаков» [4, т. 8, 181]. И, действительно, всех, кто еще не влюблен, охватывает это чувство. Елена влюбляется в Фортунатова, ее муж Николай Николаевич увлекается женой Фортунатова Марьей Александровной, в нее же влюбляется гимназист Коля, дочь Елены Наташа любит отчима Николая Николаевича, Тураев давно и безнадежно любит Елену. И чувства лишь двух пар взаимны и полны: любовь Ксении и Евгения и страсть Николая Николаевича и Марьи Александровны. Они представляют два противоположных лика любви. Марья Александровна молода, горяча, красива, не удовлетворена браком с хорошим, спокойным Фортунатовым, ждет героя и пылких страстей. Николай Николаевич увлечен ею сильно, но понимает, что эта страсть, в которую он кидается, как в омут головой, недолговечна. Но для их любви ценны как раз эти сильные страсти, важен настоящий момент любви без оглядки на будущее: «Разве мы в своей власти?» [4, т. 8, 209].

Любовь Ксении и Евгения – тихая и глубокая. Это о ней сказано в Библии: «Любовь долго терпит, милосердствует, не гордится» (1-е Кор, 13, 4-8). Ксению, носительницу христианского сознания в пьесе, Елена называет «ангелом тишины, мира» [4, т. 8, 196]. А в момент обручения Наташе она показалась «страшно тихой и серьезной»: «... вы имеете такой вид, будто готовитесь, постом и молитвой» [4, т. 8, 182]. Ксении принадлежит важная в контексте пьесы фраза: «Счастье священно так же, как и горе» [4, т. 8, 206]. Основной идеей пьесы стало благословение любви, ее счастья и страданий.

Все пьесы пронизывает единая идея всеобъемлемости любви, которая, на наш взгляд, выражена афористически в рассказе Б. К. Зайцева «Смерть»: «Величайшее счастье, как и величайшее горе человека, есть любовь» [4, т. 1, 196]. В совокупности пьесы Б. К. Зайцева являют собой гимн многоликому чувству любви. Многие образы переходят из одной пьесы в другую, мысль, повторенная в нескольких произведениях, усиливает общую идею. Этому способствует и символика, в частности, образы вечерней звезды, солнца. Герой пьесы «Верность» Константин Иванович в первой сцене напевает: «Звезда вечерняя-я моя, ты заката-ась на-авсегда-а...» [4, т. 8, 138]. Когда влюбляется в Далю, в любовном иступлении он называет ее «Моя звезда! Мое сияние!» [4, т. 8, 150], и мы понимаем, что вечерняя звезда является для него уже нечаемой и воплотившейся мечтой о любви. В пьесе «Усадьба Ланиных» во время признания в любви Ксении Евгений также называет ее вечерней звездой: «А вон встает звезда – вечерняя любовная звезда. Это – ты. Ты меня поведешь, твой свет тихий, ровный» [4, т. 8, 191]. Вечерняя звезда является символом глубокой любви, чье ровное горение противопоставлено яркому ослепляющему

свету солнца – символу любовной страсти. Марья Александровна – воплощение этой страсти в пьесе «Усадьба Ланиных» – восклицает: «Все туда, к солнцу!» [4, т. 8, 198].

Символичны и образы Италии, которыми пронизаны многие пьесы. В Италии проходит свадебное путешествие Ксении и Евгения, которое приносит им необыкновенное счастье: «... я немного безумна, так я счастлива» [4, т. 8, 205]. В финале пьесы «Ариадна» просветление от возвратившейся любви, ее благословение вызывают воспоминания об этой «второй родине» Б. К. Зайцева: «... мы не отреклись от лучшего, что было в нашей жизни. Я вспоминал нынче Ассизи...» [4, т. 8, 281]. В произведениях писателя часто в прямой близости находятся восхищение красотой культуры Италии, которая находится вне времени, и утверждение чувства любви. Эти вечные явления – любовь и культура Италии – обладают высокой ценностью для писателя, поэтому часто дополняют друг друга.

Еще одной особенностью драматургии Б. К. Зайцева является включение в текст произведений большого числа литературных реминисценций, расширяющих культурное пространство пьес. Например, в пьесе «Любовь» волосы возлюбленной Графа «подобны лорелейским струям»; Равениус играет в карты «по-ноздревски»; а танец Люси называется «танцем Саломеи». В пьесах звучат имена Ф. Шиллера, И. Тургенева, Вл. Соловьева, И. Забелина.

Резюме. Своеобразие драматургии Б. К. Зайцева связано с психологизмом, введением образов-символов, подтекстового начала, наличием эмоционально-смысловых пауз. Все это позволяет говорить о причастности чеховской традиции в изображении внутренней жизни человека. Одна из особенностей пьес Б. К. Зайцева заключается в насыщенности их литературными реминисценциями, культурными знаками и фактами. В пьесах встает важная для всего творчества писателя проблема любви, представленная в особом концентрированном сюжете.

Драматургия Б. К. Зайцева 1900–1910 годов занимает особое место в творчестве писателя и в совокупности образует систему, в основе которой – тематическая, идейная, сюжетная общность, повторяющиеся образы, единство стилистической манеры и поэтических средств. Драматургия Б. К. Зайцева – своеобразная страница в истории драматургии, синтезирующая достижения предшествующей эпохи ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аринина, Л. М. Драматические искания Б. Зайцева в контексте его творческой биографии / Л. М. Аринина // Драматические искания Серебряного века / ред. Ю. В. Бабичева. – Вологда : ВГПУ ; изд-во «Русь», 1997. – С. 73–85.
2. Бугров, Б. С. Русская драматургия конца XIX – начала XX века / Б. С. Бугров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 96 с.
3. Драматические искания Серебряного века : сборник ст. / ред. Ю. В. Бабичева. – Вологда : ВГПУ ; изд-во «Русь», 1997. – 100 с.
4. Зайцев, Б. К. Собрание сочинений : в 5 т. (тт. 6–11 – доп.) / Б. К. Зайцев. – М. : Русская книга, 1999–2001. Ссылки в тексте даются на это издание с указанием тома и страницы.

УДК 334.716(470.344)(091)

**К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧУВАШИИ В 1921–1923 гг.**

**THE STATUS OF THE FACTORY-AND-WORKSHOP INDUSTRY
IN CHUVASHIA IN 1921–1923**

О. С. Богатырев, В. В. Тимофеев

O. S. Bogatiryev, V. V. Timofeev

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье анализируется состояние фабрично-заводской промышленности Чувашии в 1921–1923 гг., которое характеризовалось слабым присутствием индустриального начала.

Abstract. The status of the factory-and-workshop industry in Chuvashia in 1921–1923 that was characterized by a weak industrial development is analyzed in the article.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, фабрично-заводская промышленность, кооператив, металлообрабатывающая мастерская, электростанция.*

Keywords: *New Economic Policy, factory-and-workshop industry, cooperative, metal-processing workshop, electro-power station.*

Актуальность исследуемой проблемы. Современная историческая наука переживает качественно новый этап своего развития, связанный с концептуальным переосмыслением многих событий российской истории XX в. В настоящее время исследователи стремятся выявить факторы и закономерности процесса перехода традиционных обществ на индустриальную стадию, осуществляемого в исторически короткий срок. В рамках освещения истоков модернизации изучаются и вопросы развития промышленности Чувашского края в первой трети XX в.

Отдельные аспекты истории промышленности развития страны нашли отражение в трудах В. Г. Анискова, А. П. Белякова, А. Ф. Васильева, И. Е. Ворожейкина, Г. А. Докучаева, М. А. Евлановой, В. А. Ежова, М. К. Казыбаева, М. П. Кима, Г. А. Куманева, А. В. Митрофановой, В. Е. Полетаева. Всех названных авторов отличает стремление не просто дать историографический обзор проблемы, но и определить закономерности, выявить общие тенденции, которые проявились в трудах исследователей, определить факторы, оказавшие влияние на освещение рассматриваемой темы в разные периоды отечественной истории. Это качество углубленного постижения массива научной литературы по теме заслуживает оценки иного качественного уровня. Это своеобразная «историография историографии», выходящая на уровень методологических обобщений. При этом авторы основное внимание уделяли периодизации историографии как одному из важнейших инструментов раскрытия сущностных основ проблемы. Существенную роль в изучении темы сыграли труды, выполненные на уровне всей страны.

Наибольший интерес по рассматриваемой проблеме вызывают, на наш взгляд, работы М. А. Андреева, И. И. Бойко, А. В. Изоркина, В. Н. Любимова, В. В. Орлова, Ю. П. Смирнова, в которых проведен глубокий анализ процесса (форм, источников) пополнения промышленности Чувашии кадрами, изменения численности и состава производственного персонала, освещены особенности индустриального развития региона и т. д.

В Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) накоплен большой объем исторических источников, имеющих непосредственное отношение к вопросу о состоянии и развитии фабрично-заводской промышленности Чувашии в 1921–1923 гг. В это время плановое руководство народным хозяйством опиралось на систему учета и статистики. Большую работу проводило Статистическое бюро Чувашской автономной области, созданное 1 октября 1920 г. (в июне 1925 г. преобразовано в Статистическое управление Чувашской АССР).

Целью наших исследований явилось изучение состояния фабрично-заводской промышленности Чувашии в начале 20-х гг. XX века.

Материал и методика исследований. Статья составлена на основе анализа архивных материалов, материалов статистики, изучения монографий и исследований отечественных историков. При ее написании использованы аналитический, проблемно-хронологический и описательный методы исследований.

Результаты исследований и их обсуждение. В 1920-е гг. в стране стал складываться особый тип хозяйства и жизни людей. Это была разновидность экономики, присущая традиционному обществу. После окончания Гражданской войны Советская Россия оказалась в глубоком кризисе. Страна практически ничего не производила, и перераспределять было нечего. Попытка наскоро перестроить сверху донизу экономическую и политическую системы окончилась крахом. Победив в Гражданской войне, большевики оказались на грани банкротства и утраты власти. Братоубийственная война нанесла России колоссальный урон. Кризис в стране весной 1921 г. носил тоталитарный характер, но наиболее отчетливо он проявился в экономической сфере.

В решениях IX съезда партии (март 1920 г.) указывалось, что основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайший исторический период. Выполнение этой задачи было возложено на Совет труда и обороны, в помощь ему в феврале 1921 г. была создана Государственная плановая комиссия (Госплан), которая начала подготовку перспективных и текущих хозяйственных планов. На местах также были созданы плановые комиссии при губернских и областных исполкомах. В соответствии с декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 8 июня 1922 г. была образована Государственная плановая комиссия при облисполкоме Чувашской автономной области.

Образование при губернских и областных исполкомах экономических совещаний (ЭКОСО) улучшило координацию действий центральных и местных властей в хозяйственном строительстве. В Чувашской автономной области в состав ЭКОСО входили председатели облисполкома, облсовнархоза и областного совета профсоюзов, продкомиссар, заведующие областными отделами труда, финансов и земельным отделом и другие ответственные работники областных учреждений. Совещание созывалось два раза в месяц, на нем в основном рассматривались социально-экономические и хозяйственные проблемы республики [4, 107].

Во второй половине 1921 г., когда голод принял угрожающие размеры, местные ведомства и управления начали закрывать свои предприятия. По решению областного управления по топливу с 15 ноября 1921 г. закрылись все лесопильные заводы. В ноябре – декабре того же года были сняты с государственного снабжения Чебоксарская металлообрабатывающая мастерская, Урмарская мебельная фабрика «Единство», Чебоксарский деревообделочный завод, Сюктерский, Милютинский, Буинский лесопильные заводы, 5 мукомольных мельниц. В 1921–1922 гг. объем промышленной продукции составлял лишь 5–6 % довоенного производства [6, 40–41]. Число действующих предприятий на территории области к этому времени сократилось до 13, а среднее число рабочих – до 554 человек.

В результате закрытия предприятий значительная часть рабочих, не имея средств к существованию, покинула производство, занялась различными ремеслами, зарабатывая на пропитание, или ушла в деревню.

К 1922 г. работало только 7 предприятий лесопильно-фанерного производства, а число занятых в этой области рабочих составляло 203 человека. Лесопильное производство в 1922 г. дало 34583 куб. м продукции (тес и годные отходы). В 1922 г. на Ядринском маслобойном заводе было занято 139 человек; на нем были произведены масло льняное и конопляное 1016,2 т, олифа льняная и конопляная – 404,8 т, жмых – 2763,8 т. Также было 5 предприятий мукомольно-крупяного производства с числом занятых на них 17 рабочих. Кожевенное производство было представлено Чебоксарским кожевенным заводом. В 1922 г. завод производил дубленую конину [3, 247–249].

В соответствии с новой экономической политикой 5 июня 1921 г. Советское правительство приняло декрет, разрешающий местным хозяйственным органам сдавать в аренду кооперативным организациям и частным лицам мелкие предприятия. С этой целью по указанию Совета народных комиссаров (СНК) все промышленные предприятия были разбиты на 2 группы: государственные и подлежащие сдаче в аренду или закрытию. При классификации предприятий принималось во внимание прежде всего их техническое состояние. Руководители ведомств, имевшие предприятия первой группы, обязывались пустить их в ход, снабжать своевременно сырьем, перевести на хозяйственный расчет. В руках государства оставались все электростанции, не подлежащие сдаче в аренду.

В аренду на определенных условиях сдавались небольшие бездействующие или нерентабельные, с изношенным оборудованием, предприятия, требующие, как правило, ремонта. Так, сгоревший Козловский лесопильный завод был арендован на 6 лет кооперативным товариществом «Звезда» с условием его восстановления. Чувашский совнархоз также сдал в аренду ряд других лесопильных заводов: Русско-Чукальский – местной трудовой артели, Шумерлинский – кооперативному товариществу «Деревообделочник», Алгашинский – кооперативному товариществу «Труд», Ибресинский – «Чувашоблкустпрому», Чебоксарский завод «25 октября» – «Кредитартельсоюзу», Пушкинский – областному союзу кооператоров. Арендаторами промышленных заведений становились и частные лица: например, сроком на 3 года взял в аренду Чебоксарский кожевенный завод В. М. Таврин (по договору промотдела областного СНХ от 19 октября 1921 г.), владевший этим предприятием до его национализации; арендатор обязался за первый год аренды выработать 300 кож, в последующем – до 600 штук [5, 233].

В значительных размерах осуществлялась сдача промышленных предприятий в аренду с 1922 г. Специальный декрет ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1921 г. о кустарных и мелкопромышленных предприятиях разрешил денационализировать некоторые из них. К осени 1922 г. находились в аренде 10 лесопильных, кожевенный и 2 скипидарных завода, 13 мукомольных мельниц. Их арендаторами являлись кооперативы, артели, товарищества и частные лица [7, 11].

Тем не менее государство не выпускало из своих рук управления в промышленности. Меры, проведенные Советским правительством, подрывали основы частного капитала. В его руках оказались лишь мелкие промышленные заведения, которые не в силах были конкурировать с более мощными государственными предприятиями. Органами Советской власти, в том числе и местными, был принят ряд мер по ограничению частного сектора в экономике, особенно в области промышленности. Были введены, например, промысловый и дополнительный налоги на владельцев частных предприятий, а государственные предприятия сдавались в аренду на строго определенных условиях. Следует отметить, что сдача предприятий в аренду носила временный характер (как правило, в договорах об аренде всегда указывался срок их действия). Она преследовала главную цель – восстановление предприятий, налаживание выпуска продукции, остро необходимой народному хозяйству страны [5, 235].

В Чувашии были и свои специфические трудности в борьбе с частным сектором. В автономной области к началу 1923 г. имелось лишь 30 ценовых предприятий с 967 рабочими. Кооперативные и частные предприятия были в основном кустарного типа. На 1 января 1922 г. в области было зарегистрировано более 32 тысяч кустарей и ремесленников, вырабатывавших 152 наименования изделий и полуфабрикатов. Свыше 80 % кустарей было занято в различных отраслях деревообработки и более всего в изготовлении кулей, рогож, лаптей, корзин, которые вырабатывались не только для внутреннего потребления, а реализовывались на рынках страны, шли на нужды армии и даже частью экспортировались.

Принципиальная линия в политике власти по отношению к кустарям и ремесленникам заключалась в их кооперировании путем вовлечения в промысловые артели. Кустари и ремесленники объединялись в 384 трудовые артели, находившиеся в составе 4 областных кооперативных организаций – «Чувашкустсоюз», «Чувашкульсоюз», «Чувашпотребсоюз» и «Казанский кредартельсоюз». В 1922 г. создан «Союз производственных кооперативов Чувашской автономной области» («Чувашпроизводсоюз») путем объединения «Чувашкульсоюза», «Чувашкустсоюза» и «Чувашпотребсоюза». Но уровень кооперирования кустарей оставался довольно низким [4, 109]. Причем кустарь мог работать лишь при условии бесперебойного снабжения его хлебом. В условиях же всеобщего голода снабжение кустарей продовольствием было крайне затруднительным.

Восстановление народного хозяйства Чувашской автономной области, в том числе и промышленности, началось со второй половины 1922 г. Это стало возможным благодаря огромной помощи Советского государства. В 1921–1922 гг. Чувашии было отпущено на семена около 2 млн пудов зерна, 1,5 млн пудов продовольствия, 11 млн рублей деньгами. Часть хлеба и денежных средств ушла на организацию общественных работ по восстановлению народного хозяйства, на ремонт фабрик и заводов [1, 137].

Одновременно в сфере промышленности и транспорта проводились широкие организационные мероприятия. Согласно декрету СНК РСФСР от 9 августа 1921 г. предприятия переводились на хозяйственный расчет с предоставлением им большой самостоятельности. В связи с этим несколько изменились и формы организации управления промышленностью: во всех ее отраслях появились объединения, тресты. В Чувашии одним из таких объединений стал комбинат «Древметалл» в составе Чебоксарского деревообделочного завода и металлообрабатывающей мастерской. Пушкарский и Милютинский заводы вначале вошли в созданный в 1922 г. трест «Средневоггалес». Остальные лесопильные предприятия, Чебоксарский деревообделочный завод и Урмарская фабрика «Единство» по решению экономического совещания автономной области от 21 декабря 1922 г. передавались объединению «Чувашлес», которое в январе 1923 г. было отнесено Центральным управлением лесной промышленности к группе местных объединений [2, 85; 89].

В начале 1923 г. создано «Акционерное Марийско-Чувашское лесопромышленное общество» («Акмарчувлес») для разработки лесных массивов Марийской и Чувашской автономных областей. На территории автономной области также действовали тресты «Хлебопродукт», «Сольсиндикат», «Рыбпром».

В 1922–1923 гг. в восстановлении промышленности Чувашии наметились первые успехи. В трудных условиях удалось наладить производство на отдельных бездействующих предприятиях. Так, за счет отпущенных областной комиссией помощи голодающим 10 тысяч пудов хлеба была отремонтирована фабрика «Единство», которая стала работать с почти полной нагрузкой. Значительный ремонт был произведен на Ядринском маслобойно-олифоварочном заводе, что позволило даже несколько расширить производство. Оба предприятия перешли на хозрасчет и действовали на правах трестов. Кроме указанных предприятий местными силами и средствами удалось капитально отремонтировать Сюктерский, Буинский, Пушкарский лесопильные заводы, некоторые крупные мельницы, частично переоборудовать металлообрабатывающую мастерскую в Чебоксарах. Ремонт оборудования производился на Ядринском и Мариинско-Посадском (Амачкинском) винокурных заводах, бездействовавших почти 8 лет. В течение 1923 г. после ремонта и переоборудования было сдано в эксплуатацию 12 предприятий [3, 225].

Хозяйственный план областного экономического совещания предусматривал сооружение и оборудование средних промышленных предприятий и закладку основ крупной индустрии. Но осуществить эту обширную программу без финансовой и материальной помощи центральных органов было невозможно: местные ресурсы были крайне ограничены. Поэтому в первые годы НЭПа велось строительство лишь некоторых мелких предприятий за счет скудных средств и сил, имевшихся в области, без крупных капитальных вложений. В Чебоксарах было сооружено несколько мелких предприятий: завод фруктово-ягодных напитков, паточный, овощесушильный заводы и кондитерская фабрика, мельница и крупорушка при городской электростанции, при Ядринском маслобойном заводе – механизированная мельница [4, 114].

Сравнительно-статистический анализ имеющихся документов по проблеме в сочетании с комплексным подходом к изучению основного массива источников позволяет определить следующее: во-первых, Чувашская автономная область относилась к экономически отсталым районам бывшей царской России, поскольку здесь не было крупной промышленности, прежде всего, производящей средства производства. Во-вторых,

имевшиеся предприятия длительное время находились без восстановительного ремонта, работали на старом, изношенном оборудовании, нередко останавливались. Поэтому продукция на них часто выпускалась некачественная, работали они неэффективно. Вопросы модернизации производства ставились очень осторожно из-за отсутствия грамотных инженерно-технических работников, нехватки высококвалифицированных рабочих кадров и маломощной материально-технической базы. В-третьих, сырьевая база местной промышленности за годы войны была значительно подорвана экономической разрухой. Неурожай 1921 г. и последовавший затем голод ухудшили положение. Поэтому в первый год существования автономии основное внимание в промышленности было уделено развитию ее в рамках новой административной единицы и поддержанию достигнутого уровня производства. В это время возросла роль кооперативной промышленности, особенно распространенной в Чувашии. Определенную помощь в части финансирования, выделения сырья и оборудования, а также подготовки кадров область получала от правительственных органов РСФСР. В итоге уже с 1923/1924 хозяйственного года наметился устойчивый перелом в работе промышленности.

Резюме. Таким образом, изучаемый период характеризовался условным присутствием индустриального начала и отсутствием градообразующих промышленных предприятий на территории Чувашии. В принципе это соответствовало условиям постоктябрьской, в основном крестьянской, России. При этом следует отметить, что развитие фабрично-заводской промышленности Чувашской автономной области находилось на более низком уровне по сравнению со средним уровнем по стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГИА ЧР. – Ф. Р. – 125. – Оп. 1. – Д. 49.
2. ГИА ЧР. – Ф. Р. – 125. – Оп. 1. – Д. 127.
3. *Десять лет Чувашской АССР (1920–1930)*. – Чебоксары : Изд-во ЦИКа ЧАССР, 1930. – 328 с.
4. *История промышленности и рабочего класса Чувашии*. Ч. 1: 1861 – июнь 1941 г. / под ред. А. В. Изоркина. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1978. – 240 с.
5. Клементьев, В. Н. Предпринимательство в промышленности Чувашии в годы новой экономической политики / В. Н. Клементьев // *Предпринимательство Чувашии: истоки, проблемы и тенденции*. – Чебоксары, 1998. – С. 231–247.
6. *Отчет о деятельности Областного экономического комитета Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Автономной области за время со II по III областной съезд Советов (июль 1921 – ноябрь 1922 гг.)*. – Чебоксары, 1922. – 63 с.
7. *Отчет областного экономического совещания Совета труда и обороны*. 1 апреля 1922 г. – 1 апреля 1923 г. – Чебоксары, 1923. – 75 с.

УДК 338.45(470.343)

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МАРИЙСКОЙ АССР В 1966–1980 гг.

DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY OF MARI ASSR IN 1966–1980

М. В. Ведерников

M. V. Vedernikov

ГОУ ВПО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола

Аннотация. Проведен анализ промышленного развития Марийской АССР за годы трех советских пятилеток (1966–1980 гг.). Дана оценка экономической реформе 1965 г. и ее влиянию на отрасли народного хозяйства марийского края. На основе архивных материалов выявлены причинно-следственные изменения в структуре экономики региона. Отмечена роль строительной индустрии в процессе создания крупных промышленных объектов на территории Марийской АССР.

Abstract. In this article the analysis of industrial development of Mari ASSR during three Soviet five-year periods (1966–1980) is conducted. The analysis of the economic reform of 1965 and its influence on the branches of the national economy of the Mari territory is given. On the basis of archival materials cause and effect changes in the structure of economy of the region are revealed. In the research the role of the building industry during the creation of large industrial objects in the territory of Mari ASSR is noted.

Ключевые слова: *экономическая реформа, машиностроение, производительность труда, советская пятилетка, капитальные вложения, производственные показатели, фондоотдача.*

Keywords: *economic reform, mechanical engineering, labour productivity, the Soviet five-year period, capital investments, industrial parameters, capital productivity.*

Актуальность исследуемой проблемы. Распад союзного государства в начале 1990-х гг., смена социально-экономической формации, реализация непопулярных рыночных преобразований создают предпосылки для исторического осмысления причинно-следственных явлений столь кардинальных изменений в стране. В этой связи период развития экономики и промышленности со второй половины 1960-х гг. по 1980-е гг., проходивший в духе «косыгинских» преобразований, представляет наибольший интерес для исследования. Данный период таит в себе ответы на многие узловые проблемы, получившие свое развитие в 1990-е гг. Поскольку историческое развитие республики Марий Эл на протяжении веков происходило тождественно с общероссийским, то исследование одного отдельно взятого региона представляется крайне интересным.

Нужно сказать, что промышленное развитие в регионах в рассматриваемый период времени во многом только набирало обороты. За сравнительно короткий исторический период на территории Марийской АССР был создан мощный экономический потенциал, позволивший опередить целый ряд других субъектов Волго-Вятского района по многим производственным показателям. Связано ли это было с экономической реформой 1965 г., призванной усовершенствовать управление промышленностью и усилить экономическое

стимулирование производства? Ответ: скорее «нет», чем «да». Реформа не дала того эффекта, на который рассчитывали ее организаторы. Очевидные улучшения в экономике произошли лишь в первой половине VIII пятилетки, когда массовый переход на новую систему хозяйствования еще только разворачивался. Развитие Марийской АССР зачастую происходило инерционно благодаря значительным вливаниям в экономику со стороны государства.

Стоит отметить, что до настоящего времени отсутствуют как комплексные, так и специальные тематические исследования, посвященные истории развития промышленности рассматриваемого периода в Марийской АССР. В основном мы имеем дело с работами участников событий тех лет, использовавших в своих трудах термины и категории, присущие марксистской теоретической социологии. Историография рассматриваемого периода так и не смогла подняться до уровня обобщающих исследований.

Данная статья предпринимает попытку исследования основных тенденций и закономерностей развития промышленности Марийской АССР второй половины 1960–1970-х гг. с позиций исторического анализа. Однако необходимо особо отметить то, что ряд проблем исследуемого времени находятся на стыке исторической и экономической наук. Это в известной степени усложняет анализ некоторых деталей исследования.

Материал и методика исследований. В основу исследований был положен статистический анализ исторических документов, включая данные Государственного архива Республики Марий Эл, в сочетании с принципами объективности и системности.

Результаты исследований и их обсуждение. О работе промышленности рассматриваемого периода писали журналисты, многие научные и видные политические деятели Марийской АССР. Коллективный труд журналистов газеты «Марийская правда» приводит краткий экскурс истории развития промышленности в республике в годы советской власти [11]. Авторы работы говорят не только об успехах, но и таких проблемах, присущих промышленности 1970-х гг., как качество и брак производимой продукции. В трудах историков В. Ф. Пашукова и К. Н. Санукова четко прослеживается марксистско-ленинская направленность тенденций развития промышленности марийского края. Именно ими впервые была дана историческая оценка позитивных изменений в промышленности в 1960–1970-е гг.

В обобщающей работе «История Марийской АССР» была раскрыта общая динамика развития промышленного производства на территории Республики Марий Эл за годы всех советских пятилеток [12]. Авторы данного издания достаточно критично подходят к показателям производительности труда и снижению фондоотдачи.

Особого внимания заслуживает работа видного хозяйственного деятеля тех лет В. П. Андреева [1]. Будучи первым заместителем Председателя Совмина, а затем и Председателем Марийского Совнархоза в 1970-е гг., он говорит о том, что именно в 1970-е гг. произошли важные структурные изменения в промышленности республики, когда акцент развития производственного сектора с деревообработки был смещен на развитие наукоемкого, точного машиностроения. По его мнению, промышленность Марийской АССР обладала более динамичными темпами развития, чем в целом по стране.

Характерной чертой развития экономики страны и республики в 1960–1970-е гг. был рост объемов капитальных вложений в экономическое развитие, главным источником которых являлся госбюджет. Так, например, в годы VIII пятилетки (1966–1970 гг.) объем капитальных вложений в хозяйство Марийской АССР составил 453 млн руб., в го-

ды IX пятилетки (1971–1975 гг.) – 962 млн руб., а в годы X пятилетки (1976–1980 гг.) – уже 1243 млн руб. [2]. За 15 лет общий объем капвложений составил 2658 млрд руб. и увеличился в X пятилетке по сравнению с VIII пятилеткой на 80 %. Удельный вес средств, выделяемых для промышленности, возрастал. Так, в Марийской АССР на ее развитие в VIII пятилетке было израсходовано 20,1 % всего объема капвложений, в X пятилетке – 62,5 %.

В 1970-е гг. республика превратилась в одну крупную строительную площадку, на которой производилось не только строительство промышленных объектов, но и их реконструкция. Если в Марийской АССР в годы X пятилетки в развитие промышленности вкладывалось до 1 млрд руб., то из них 600 млн руб. расходовалось на реконструкцию, расширение и модернизацию действующих заводов и фабрик.

Советские и местные органы власти серьезное внимание уделяли экономической эффективности капитальных вложений в связи с тем, что многие стройки не обеспечивались сырьем, специальной техникой и механизмами. Это сдерживало рост объемов капитального строительства. Поэтому в республике и районных центрах разрабатывались мероприятия по развитию производственных баз стройорганизаций, которые предусматривали наращивание их мощностей, подготовку кадров, повышение качества выпускаемой продукции, снижение стоимости работ и развитие соревновательного духа. В развитие баз стройиндустрии вкладывались большие капитальные вложения – лишь за годы VIII пятилетки они составили 50 млн руб. [1, 38].

Необходимо отметить, что быстрые темпы экономического прироста в 1930–1950-х гг. в стране сменились периодом постепенного замедления в начале 1970-х гг. Советская экономика продолжала развиваться за счет экстенсивных методов, во многом благодаря добыче и экспорту природных ресурсов, повлекших за собой истощение месторождений в традиционных местах проживания. Их новое освоение зачастую в труднодоступных районах приводило к замедлению темпов и падению экономической эффективности производства. В этой связи внимание местных органов власти было обращено на лесную отрасль. Из-за ежегодных перерубов расчетной лесосеки в военное время и в годы восстановительных работ в послевоенный период встал вопрос упорядочения лесопользования, сокращения и рационального использования древесины. В Марийской АССР были ликвидированы более 250 самозаготовителей. Функции лесопользования и распределения лесных массивов были переданы Министерству лесной промышленности СССР в лице треста «Мари-лес». Как следствие, в республике ухудшилось обеспечение сырьем предприятий деревообрабатывающей и бумажной промышленности. Прекращается выпуск товарных пиломатериалов. Лесная, бумажная и деревообрабатывающая отрасли не могли обеспечить дальнейшее развитие промышленности республики, доля которой в общем объеме промышленного производства в 1970 году за десять лет сократилась с 39,0 % до 23,6 % и до 18 % – в 1975 г. [1, 31].

Несмотря на то, что за прошедшие годы был дан серьезный толчок развитию промышленности, Марийская АССР продолжала отставать в комплексном развитии народного хозяйства от областей и республик, входящих в Волго-Вятский экономический район [15]. В этой связи остро встал вопрос о дальнейшем ускоренном развитии промышленности, особое значение приобретает машиностроительная отрасль. Ее удельный вес в экономике резко увеличился с 17,4 % в 1960 г. до 40,0 % в 1970 г. [14, 32–38]. Повсеместное строительство в 1970-х гг. крупных машиностроитель-

ных объектов (Волжский промышленный узел, Механический завод, Конструкторско-производственное бюро Главмикробиопрома СССР) сделало машиностроение главной отраслью народного хозяйства республики, ее удельный вес в экономике к концу 1970-х гг. достиг 50 %.

Важной особенностью размещения крупных объектов машиностроения являлось то, что все они, в основном, сосредотачивались в г. Йошкар-Оле. На протяжении 1970-х гг. здесь велось строительство и реконструировалось около 25 предприятий. При этом важно было не только быстро и качественно строить, но и ускоренно осваивать вводимые мощности. Поэтому, не дожидаясь полной сдачи строящихся предприятий, уже при вводе отдельных корпусов в них организовывали производство.

Благодаря комплексу проведенных мероприятий в республике был обеспечен непрерывный, из года в год ускоренный рост объемов производства. Если принять уровень общего объема промышленного производства по республике в 1920 году за единицу, то к 1940 г. он возрос в 29 раз, к 1950 г. – в 77 раз, к 1965 г. – в 358 раз и к 1980 г. – в 1365 раз [1, 23]. Среднегодовой прирост фабрично-заводской промышленности по Марийской АССР в 1970 г. составил 21 % при среднегодовом приросте валовой продукции 14 % в целом по СССР [14, 39].

В республике задание VIII пятилетнего плана по объему производства и производству ряда важнейших видов промышленной продукции было выполнено досрочно в октябре 1970 г. [3]. При этом среднегодовой темп прироста составил 12 %, в предыдущей пятилетке – 8,6 % [14, 41–42]. Стоит отметить, что в 1970 г. по сравнению с 1965 г. возросло производство приборов, средств автоматизации в 1,9 раза; технологического оборудования для лесозаготовок – в 3,9 раза; технологического оборудования для предприятий торговли и общественного питания – в 1,7 раза; металлорежущего инструмента – в 7,2 раза [4].

Сверх установленных годовых планов за 1969–1970 гг. произведено продукции на сумму 30,4 млн руб., план по объему реализованной продукции перевыполнен на 39,4 млн руб. [5]. За пять лет построено и введено в действие 15 предприятий. Многие действующие предприятия и цеха были реконструированы, а основные, производственные, фонды – обновлены. Фондоотдача (выпуск валовой продукции на один рубль основных производственных фондов) в 1970 г. увеличилась по сравнению с 1965 г. на 26 % [6]. Ускорению темпов роста и эффективности производства способствовали внедренные в народное хозяйство республики, новая техника, передовая технология, механизация и автоматизация производственных процессов. Марийские рационализаторы и изобретатели внедрили за эти годы 23,7 тыс. рационализаторских предложений и изобретений, которые дали народному хозяйству более 16,0 млн руб. экономии [7].

Результаты VIII пятилетки, образно называемой «золотой», в значительной степени были обнадеживающими. Тем более что ее реализация выпала на первые годы экономических преобразований, которые, казалось бы, были обречены на успех. Однако позже стало ясно то, что реформа имела лишь разовый эффект. Пользуясь правом самостоятельности, предприятия заранее занижали плановые задания, а зарплата рабочих стала расти быстрее, чем производительность труда. Свертыванию реформы также способствовала окончательная победа консервативных сил в руководстве страны в начале 1970-х гг. во главе с Л. И. Брежневым.

Важной проблемой в развитии экономики являлось создание мощной строительной индустрии в регионе, без которой было невозможно решать вопросы промышленности и всего народного хозяйства. В ходе реализации плана VIII и IX пятилеток промышленного производства образуется большой разрыв между объемами строительно-монтажных работ, предъявляемых заказчиками, и возможностями строительных организаций, которые превышали первые в 2–3 раза [8]. Причиной этому было одновременное строительство 1000 объектов. В республике быстрыми темпами создаются мощные строительные организации: территориальное управление строительства Министерства строительства СССР, тресты «Волжскпромстрой», «Йошкар-Оластрой», «Маригражданстрой» [9]. Укрепление мощностей строительных организаций, материально-технической базы, внедрение достижений научно-технического прогресса и передовых форм организации труда позволили повысить уровень индустриализации строительства. В результате объемы строительно-монтажных работ по республике с 1971 по 1975 г. по сравнению с 1966–1970 г. возросли в 1,4 раза.

Успехи «строителей» способствовали росту всей промышленности Марийской АССР. Объем производства промышленной продукции в 1971–1975 гг. увеличился в 1,6 раза по сравнению с предыдущей пятилеткой. В машиностроении, например, объем производства увеличился на 88 %. Промышленность республики освоила более 700 новых видов изделий. Расширились связи предприятий с научно-исследовательскими институтами, укрепились их проектно-конструкторские и опытно-экспериментальные службы. Все промышленные предприятия аттестовали большинство выпускаемых ими видов изделий. Часть продукции по своим технико-экономическим показателям выпускалась на уровне высших мировых образцов и пользовалась заслуженным спросом не только внутри страны, но и за рубежом.

Еще большие успехи в промышленности республики были достигнуты в ходе реализации X пятилетнего плана. Если в общесоюзных директивных документах ставилась задача удержать достигнутые показатели прежних лет, то марийская промышленность их не только отстояла, но и увеличила – продукции было выпущено больше, чем за соответствующий период IX пятилетки на 1,2 млрд руб., или на 45 %. Объем промышленного производства в 1979 г. возрос по сравнению с 1975 г. на 28 %, производительность труда – на 20 %. За счет этого получено 76 % всего прироста объема производства (таблица 1) [10].

Таблица 1

**Темпы роста промышленной продукции Марийской АССР с 1965 по 1980 г.
(% к базовому периоду)**

Показатели	1965-1970	1970-1975	1975-1980
Всего по промышленности, в т.ч.	150,8	176,9	162,3
Машиностроение и металлообработка	224,9	247,8	188,5
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	116,1	116,1	116,1
Промышленность строительных материалов	147,0	177,2	178,6

К сожалению, в последующие годы экономика республики, как и экономика страны в целом, стала терять эффективность. Экономическая реформа 1965 года ознаменовала собой масштабную попытку усовершенствовать социалистическую систему хозяйствования, но эта попытка впоследствии оказалась половинчатой и не дала заметных устойчивых результатов в силу ряда политических моментов.

Резюме. Очевиден тот факт, что качественно нового уровня развития промышленности Марийской АССР достигла в годы VIII, IX и X пятилеток: были введены в эксплуатацию новые предприятия и производственные мощности; опережающее развитие получили машиностроение и металлообработка, отрасли, обеспечивающие развитие научно-технического прогресса; значительно увеличился выпуск товаров народного потребления; освоено свыше полутора тысяч наименований товаров и моделей и т. д. В этот период в республике была создана относительно мощная материально-техническая база, способная быть эффективной, с исторической точки зрения, на последующие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев, В. П.* Страницы истории развития промышленности Марийской АССР (1945–1980) / В. П. Андреев. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1999. – 112 с.
2. *Государственный архив Республики Марий Эл.* – Ф. 1. – Оп. 41. – Д. 120. – Л. 12.
3. *Там же.* – Ф. 347. – Оп. 2. – Д. 842. – Л. 13–15.
4. *Там же.* – Ф. 347. – Оп. 2. – Д. 842. – Л. 12.
5. *Там же.* – Ф. 347. – Оп. 2. – Д. 842. – Л. 14–16.
6. *Там же.* – Ф. 648. – Оп. 2. – Д. 36. – Л. 11.
7. *Там же.* – Ф. 1. – Оп. 49. – Д. 5. Л. 4.
8. *Там же.* – Ф. 1. – Оп. 49. – Д. 5. – Л. 4–5 об.
9. *Там же.* – Ф. 1. – Оп. 41. – Д. 24. – Л. 32.
10. *Там же.* – Ф. 623. – Оп. 12. – Д. 33. – Л. 56.
11. *Десятая высота. Рассказы о великом созидании* / под ред. В. Н. Карташова. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1977. – 57 с.
12. *История Марийской АССР. Т. 2. Эпоха социализма (1917–1987).* – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1987. – 113 с.
13. *Марийская пятилетка* // Марийская правда. – 1972. – 7 января.
14. *Промышленность МАССР в цифрах и фактах* // Политическая информация. – 1971. – № 22.
15. *Широкие шаги индустрии* // Марийская правда. – 1971. – 12 февраля.

УДК 94(470.343)

**ТИПОЛОГИЯ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ
КУПЕЧЕСКОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ
МАРИЙСКОГО КРАЯ В XIX ВЕКЕ**

**TYPOLOGY AND QUANTITATIVE COMPOSITION OF THE URBAN MERCHANT
FAMILIES IN THE MARI TERRITORY IN THE XIX CENTURY**

С. С. Домнин

S. S. Domnin

ГОУ ВПО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола

Аннотация. В статье исследована типология и количественный состав городской купеческой семьи Марийского края в XIX веке. Традиция иметь много детей, патриархальность внутрисемейных отношений, а также семейный торговый капитал оказывали большое влияние на формирование купеческой семьи. На протяжении всего XIX века количественный состав купеческой семьи не претерпел существенных изменений. По своему типу большинство купеческих семей городов Марийского края были нуклеарными и составными.

Abstract. The article deals with the typology and quantitative composition of the urban merchant families in the Mari territory in the XIX century. The tradition to have many children, the patriarchal family relations, as well as family commercial capital had a great influence on the merchant's family formation. Throughout the XIX century quantitative composition of a merchant family did not undergo significant changes. According to its type, most merchant families of Mari cities were nuclear and composite.

Ключевые слова: *типология семьи, состав купеческой семьи, нуклеарная семья, составная семья.*

Keywords: *typology of a merchant family, structure of a merchant family, nuclear family, composite family.*

Актуальность исследуемой проблемы. С развитием предпринимательства в нашей стране усилился интерес к истории российского купечества. Данная проблема слабо изучена в регионах, а купечество городов Марийского края XIX – начала XX в. является практически неисследованным. В то же время изучение истории купечества не может ограничиваться только исследованием социально-экономических вопросов. Несомненный интерес представляет и та семейная среда, в которой формировались и росли будущие предприниматели. Поэтому в этой статье мы бы хотели рассмотреть типологию и количественный состав купеческой семьи городов Царевококшайска и Козьмодемьянска в XIX веке.

Материал и методика исследований. Статья основана на комплексном анализе опубликованных и неопубликованных источников, содержащих информацию по раз-

личным аспектам деятельности купечества городов Марийского края. Основной фактический материал взят из фондов Государственного архива Республики Марий Эл. В работе применялись как общенаучные, так и специальные исторические методы. На первой стадии анализа применялся проблемно-хронологический метод, благодаря историко-типологическому методу удалось установить взаимосвязь купеческих семей Царевококшайска, Козьмодемьянска и других уездных городов страны. При определении количественных характеристик купеческих семей были использованы статистические методы и сравнительный метод, без которого не обходится ни одно историческое исследование.

Результаты исследований и их обсуждение. Большие семьи были очень распространенным явлением в купеческой среде на протяжении всего XIX века. Как правило, в купеческую семью входило несколько поколений, то есть помимо родителей, несовершеннолетних детей, незамужних дочерей в состав семьи входили и сыновья со своими женами и детьми. В среднем такая семья составляла 12–15 человек.

Как считает известный исследователь социальной истории Российской империи Б. Н. Миронов, «...согласно типологии, общепринятой в современной исторической демографии, различают пять форм семейной организации:

- 1) семья, состоящая из одного человека;
- 2) группа родственников или не родственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство;
- 3) простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми;
- 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях;
- 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар» [13, 219–220].

Анализируя церковные исповедные записи городов Царевококшайска и Козьмодемьянска XIX века, можно сделать вывод о том, что в купеческой среде данных городов преобладали в основном нуклеарные и составные семьи. Для более полного понимания типологии и состава купеческой семьи необходимо разобраться в специфике внутрисемейных отношений.

Традиция иметь много детей сохранялась в купеческой среде очень долго, поэтому в семьях было минимум 4 ребенка и более. Так, у царевококшайских купцов И. А. Гущина и С. И. Пчелина было 4 ребенка, 5 детей было у Е. И. Пчелина [6, 55], 7 детей – у купца В. Степанова [6, 56]. Причем разница в возрасте у купеческих детей была существенной: у козьмодемьянского 2 гильдии купца А. Д. Морозова было 6 детей, старшему сыну Якову было 35 лет, младшему сыну Ивану – 21 год [9, 39], у купца М. Д. Зубкова – 7 детей, старшему сыну Ивану – 42 года, одному из младших детей от второго брака Григорию – 10 лет [9, 81].

Одной из главных особенностей внутрисемейных отношений купеческого сословия была их патриархальность. Глава семейства решал все торговые вопросы, отвечал перед государством за налоги и повинности, от его деловых качеств зависело благосостояние всего семейства, поэтому его авторитет в семье был безграничен. Характер внутрисемейных отношений регулировался также законом. В соответствии с российским законодательством женщина находилась в зависимом от мужчины положении. При выходе замуж она принимала звание и сословное положение му-

жа. Обязанностью жены, впрочем, как и везде, была организация семейного быта. Зависимость жены от своего мужа усиливалась еще и тем, что мужья, как правило, были старше своих жен, и это не было редкостью. В среднем в исследуемых городах разрыв в возрасте между супругами составлял примерно 6–7 лет, но были и исключения. Так, у царевкокшайского купца второй гильдии Е. И. Пчелина разница в возрасте с женой Авдотьей Михайловной была 10 лет, у купца Ильи Николаева в 58 лет была жена 28 лет и 5-летний сын [6, 55–56], у 60-летнего козьмодемьянского купца Стефана Карпова жене Марии Павловне было 35 лет [11]. Купечество, существующее от торговых доходов, всегда стремилось к стабилизации своего финансового положения. Как указывает Г. В. Жирнова, «женитьба хороша лишь после того, как налажено «дело» и пущен в оборот наследственный капитал» [12, 25]. Такое представление о браке в какой-то мере определяло брачный возраст мужчины купеческого сословия.

Случалось, что купцы оставались и вдовцами на всю жизнь, так как купеческие жены, как и все женщины исследуемого периода, часто умирали во время родов. Не было и редкостью, когда купцы женились повторно. Разница в годах в таких случаях достигала нескольких десятков лет. Например, купеческий сын Яков Морозов женился повторно, а когда ему был 41 год, его жене Анне Петровне исполнилось всего 22 года [10]. Известный козьмодемьянский купец М. Д. Зубков в возрасте 70 лет с женой Феодосией Кузьминичной 46 лет имел 5 детей [9, 81]. Помимо второй женитьбы на молодой жене на возможность иметь детей в преклонном возрасте влияли здоровый образ жизни и крепкие генетические корни, предполагающие у глав семейств долголетие. По Именинной ведомости царевкокшайской городской управы за 1878 год у главы купеческой семьи Г. А. Корепова в 49 лет был старший сын 25 лет, а также Павел 2 лет и дочь Валентина 4 лет [1]. Анализируя архивные материалы, можно сказать, что абсолютный брачный возраст у мужчин купеческого сословия приходился обычно на 26–35 лет, у женщин – на 18–22 года.

Бывало так, что после смерти главы семейства все управление торговыми делами брала в руки его жена. И такие случаи встречались на протяжении всего XIX века. В качестве примера можно привести М. П. Пчелину, которая после смерти мужа в 1803 году возглавила семейство [7, 57–58], вела торговые дела, владела дворовыми людьми [7, 74]. К числу таких женщин можно отнести и М. И. Корепову, которая, согласно Циркулярам вышестоящих органов и списку купцов города Царевкокшайска за 1893 год, становится главой купеческого семейства второй гильдии с 1891 года и ведет мануфактурную, бакалейную и галантерейную торговлю. В состав семьи в то время входили «... ее сыновья: Петр – 42 лет (с женой и дочерью), Алексей – 31 года, Николай – 29 лет, Павел – 14 лет, а также жена Петра – Авдотья и его дочь – Юлия 14 лет» [4]. Получается, что старший сын Петр, имеющий семью, числился в «капитале матери». Сыновья, конечно же, могли после смерти отца или матери оставаться в одном деле, в противоположном случае каждый из них обязан был объявить собственный капитал, но, скорее всего Петр Корепов предпочел не дробить семейный капитал, отделившись от семьи. Что же касается незамужних сестер, то после смерти отца они оставались в капитале с братьями, торговлей не занимались, но пользовались соответствующими социальными правами купечества.

Для большинства крупных купеческих семей характерна концентрация торгового капитала в семье. Поэтому глава семьи старался как можно дольше держать управление делами в своих руках, не спеша передавать его кому-то из сыновей [8], [9, 39]. В то же время после его смерти вести торговые дела могла его жена. По этой причине купеческие сыновья до старости не имели собственного дела и жили в родительской семье, не смея выйти из родительской воли. Многие только после 40 лет становились самостоятельными хозяевами, что стало одной из причин преимущественно пожилого возраста купечества Марийского края.

К концу XIX века состав купеческих семей практически не изменился. По типологии Б. Н. Миронова нами были проанализированы материалы обывательской книги по городу Козьмодемьянску за 1891 год [5] и получены следующие данные:

Таблица 1

Типология купеческих семей г. Козьмодемьянска

Типы семьи	Количество семей	%
Из одного человека	2	4,4
Группа родственников	–	0
Нуклеарная семья	18	40,0
Расширенная семья	4	8,8
Составная семья	21	46,7

Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что в конце XIX века купеческие семьи марийских уездных городов Казанской губернии оставались преимущественно составными (46,7 %) и нуклеарными (40 %). Это подтверждается и анализом списков купцов по городу Царевококшайску за 1895 год, в которых указан состав их семей. Так, большинство семей были составные – 37,8 %, нуклеарные семьи составляли 35,6 % [2, 78].

Наиболее типичной для исследуемых городов, согласно нашим данным, оказалась составная семья, включающая несколько супружеских пар. В основном это была патриархальная семья, возглавляемая отцом, при котором находились женатые сыновья и, иногда, женатые внуки. Примером, согласно Именным ведомостям царевококшайской городской управы за 1878 год, может служить семейство купцов Кореповых, возглавляемое 49-летним Г. А. Кореповым, в которое входили один женатый сын с семьей, 5 неженатых сыновей от 2 до 17 лет и 3 незамужние дочери от 4 до 18 лет. Всего в это патриархальное семейство входило 13 человек [2, 18], [3]. Обращает на себя внимание и тот факт, что процент нуклеарных семейств достаточно высок для второй половины XIX века. С одной стороны, в середине века наблюдается уменьшение купеческого сословия в исследуемых городах, и разделы капиталов в купеческих семьях уже не становятся редкостью, с другой – патриархальность внутрисемейных отношений еще удерживает прочные позиции. Такое положение было характерно для многих уездных городов Российской империи.

Резюме. Таким образом, можно сказать, что в большинстве своем состав купеческих семей городов Царевококшайска и Козьмодемьянска на протяжении XIX века не претерпел существенных изменений. Купеческие семьи городов Марийского края развивались под влиянием общероссийских процессов. Традиция иметь много детей сохранялась в купеческих семьях на протяжении всего XIX века. Помимо того, что содержать большую семью позволяли купеческие капиталы, это было просто необходимо, так как торговая деятельность требовала привлечения людских ресурсов, и поэтому в делах в той или иной степени были задействованы практически все члены семьи. Патриархальность семейных отношений играла важную роль в купеческой среде, отражаясь не только на сфере семейной жизни, но и на предпринимательской деятельности купцов. Купеческие сыновья, будучи уже взрослыми, оставались в родительском доме со своими женами и детьми. Купеческие семьи были своего рода семейными фирмами, поэтому «материализованность» семейных отношений оказывала существенное влияние на формирование и состав купеческой семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). – Ф. 45 (Царевококшайская городская управа). – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 89.
2. ГА РМЭ. – Ф. 45. – Д. 29. – 649 л.
3. ГА РМЭ. – Ф. 45. – Д. 70. – Л. 56.
4. ГА РМЭ. – Ф. 45. – Д. 214. – Л. 211.
5. ГА РМЭ. – Ф. 84 (Становые приставы Козьмодемьянского уезда). – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 11.
6. ГА РМЭ. – Ф. 165 (Царевококшайское духовное правление). – Оп. 1. – Д. 66. – 574 л.
7. ГА РМЭ. – Ф. 165. – Д. 70а. – 458 л.
8. ГА РМЭ. – Ф. 165. – Д. 142. – Л. 57 (об.).
9. ГА РМЭ. – Ф. 172 (Козьмодемьянское духовное правление). – Оп. 1. – Д. 544. – 1108 л.
10. ГА РМЭ. – Ф. 172. – Д. 612. – Л. 66.
11. ГА РМЭ. – Ф. 172. – Д. 622. – Л. 98.
12. Жирнова, Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: по материалам городов средней полосы РСФСР / Г. В. Жирнова ; отв. ред. М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева ; АН СССР ; Ин-т этнографии. – М. : Наука, 1980. – 147 с.
13. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 1 / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 546 с.

УДК 32: 316.614.5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ ФАКТОРЫ

POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH AND ITS FACTORS

А. М. Ерусланова

A. M. Eruslanova

ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. В статье осуществлен анализ процесса политической социализации молодежи и ее факторов, а также ее особенностей в Чувашской Республике. Рассматриваются актуальные вопросы влияния политических организаций на процесс усвоения индивидом политических ценностей, норм и установок. Для России в XXI веке изучение политической социализации приобретает особую актуальность.

Abstract. The analysis of the process of political socialization of youth and its factors and its peculiarities in the Chuvash Republic is given in the article. The article covers urgent issues of the influence of political organizations on the process of adoption of political values, standards and attitudes by an individual. The research of political socialization acquires the rank of the burning issue for Russia in the 21st century.

Ключевые слова: политика, политическая социализация, молодежь, факторы.

Keywords: politics, political socialization, youth, factors.

Актуальность исследуемой проблемы. Анализ поведения молодежи как особой социальной группы играет значительную роль при оценке современного политического процесса. Степень вовлеченности молодежи в политическую жизнь, освоение молодыми людьми политических прав и практик их реализации, политические ориентации, обеспечивающие принятие того или иного политического порядка, определяют устойчивость развития социума. Именно молодежи предстоит быть основным потребителем новых услуг на политическом рынке и формировать политическую элиту завтрашнего дня.

В этих условиях особую значимость приобретает процесс политической социализации молодежи. Политическая социализация – это процесс усвоения определенных политических знаний, ценностей и норм, передачи и приобретения политического опыта, накопленного предшествующими поколениями людей, позволяющих личности стать полноправным участником политической жизни общества, ориентироваться в сложных общественных процессах, делать сознательный выбор в политике. Под политической социализацией понимают всю совокупность процессов становления политического сознания и поведения личности, принятия и исполнения политических ролей, проявления политической активности. Это понятие шире, чем политическое воспитание или просвещение, так как включает не только целенаправленное воздействие на личность господствующей идеологии и политической линии, не только стихийное влияние, но и собственную политическую активность субъекта [8, 823].

Политическая социализация молодежи сегодня проходит в специфическом социальном контексте, который определяют реальности и противоречия постсоветской трансформации. Переход к капитализму и демократии в России, как известно, сопровождался процессами дифференциации и дезинтеграции на всех уровнях общественной системы. В их основе – кризис идентичности, развивающийся на фоне идеологического хаоса, разрушения базовых духовно-нравственных основ социального бытия, снижения роли российской культуры в общероссийском и общемировом цивилизационном процессе. Власть, стоявшая у истоков деидеологизации, сейчас столкнулась с необходимостью преодоления возникшего идеологического вакуума. Ее усилия в этом направлении связаны с попытками выработать устраивающую большую часть общества государственную или партийную идеологию и оборачиваются номенклатурным партстроительством и насильственной «партизацией». А это, в свою очередь, ведет к трансформации партийно-политического пространства от многополюсной к моноцентрической модели [2, 64].

Оставляя в стороне проблемы эффективности и целесообразности этих программ, попробуем рассмотреть, какие факторы влияют на процесс политической социализации молодежи. Процесс политической социализации молодежи напрямую связан с функционированием целого ряда агентов (факторов). В их числе влияние:

- а) макросреды – характера эпохи, международных отношений, государства, нации, класса, других социальных групп, политической культуры общества;
- б) микросреды – институциональных и неформальных общностей, школы, семьи, отдельных личностей;
- в) внутренних, генетически заданных факторов;
- г) самовоспитания.

Процесс политической социализации осуществляется благодаря различным посредникам. Среди них: *учреждения* (семья, где родители вольно или невольно передают детям свое отношение к политике и свои пристрастия; школа, где учащиеся не только знакомятся с общественно-политическим устройством страны и нередко сталкиваются с отдельными политическими вопросами, а часто подвергаются и целенаправленному воздействию, подталкивающему их к участию в политике; университеты и другие учреждения профессионального обучения, где молодежь обсуждает политические проблемы, затрагивающие ее интересы, а политические организации обычно используют эти учреждения для вербовки своих сторонников; предприятия и т. д.), *группы общения* (родственники, знакомые, группы по интересам), *средства массовой информации* (печать, радио, телевидение, компьютерные информационные системы). Усовершенствование последних, их доступность, изобретательность и привлекательность позволили в последние десятилетия поднять политическую социализацию на ранее недостижимый уровень. Средства массовой информации (СМИ) выполняют важные политические функции: сбор и распространение информации, отбор и интерпретация фактов, обмен мнениями, выявляющие и популяризирующие политические идеи, чувства и настроения. Их значение для функционирования современных политических систем, эффективности власти и деятельности политических сил трудно переоценить. Однако заявления, будто СМИ являются «четвертой властью» наряду с законодательной, исполнительной и судебной, не соответствуют действительности. Несмотря на свое огромное влияние, СМИ не имеют того, что присуще власти, – они не способны решать полити-

ческие проблемы. Распространяя информацию, СМИ обычно выражают различные мнения правительства, разных партий, движений и групп; более того, часто становятся орудиями их пропаганды – внушения определенных взглядов.

Целесообразно выделить собственно политические факторы социализации: характер и тип государственного устройства, политические институты, партии и движения, а также неполитические, такие как семья, группы сверстников, учебные заведения, работа, культура, наука, искусство, национальные традиции, средства массовой информации (в целом как инструмент коммуникации). В определенных общественных ситуациях неполитические факторы могут оказывать на политическую социализацию личности более существенное влияние, нежели собственно политические агенты. В реальной жизни политические и неполитические факторы переплетены и оказывают сложное, многостороннее и многофакторное воздействие на человека.

Рассматривая процессы политической социализации, необходимо также обращать внимание на возраст и индивидуальные особенности каждого человека, на окружающую его социальную среду, уровень и особенности политической культуры, деятельность общественно-политических партий и организаций на политику, проводимую государственными учреждениями [3, 28].

И конечно, политическая социализация во многом зависит от состояния исторического сознания, которое лежит в основе сознания политического, поскольку представляет собой осмысление обществом, социальной группой, индивидом своего положения во времени, связи своего настоящего с будущим. Историческое сознание, особенно в современном обществе, во многом является результатом целенаправленной деятельности образовательных, государственных и иных социальных институтов. Особенно преуспели на этом поприще тоталитарные государства, использующие для формирования «правильного» исторического сознания не только систему образования, но и весь арсенал пропагандистской машины (от массовых мероприятий до художественной литературы, киноискусства и т. д.).

Однако сегодня мы имеем дело с поколением, которое выросло в принципиально ином историческом и социальном пространстве, в условиях не традиционной, а инновационной социальной структуры, в свободной (или условно свободной) стране; с поколением, которое не носило красных галстуков, не ходило на комсомольские собрания и не пело осанну вождям, которое не подвергали ostracism за длинные волосы или короткие юбки. Многие публицисты, общественные деятели сетуют на историческую безграмотность молодежи, ее политическое равнодушие и апатию, с тревогой говоря о появлении поколения «манкуртов», «иванов, родства не помнящих», обвиняя современные российские систему образования, СМИ, государство в том, что наша молодежь будто бы убеждена, что Вторую мировую войну выиграли США и рядовой Райан [2, 65–66].

Материал и методика исследований. Именно эта генерация (рабочая и студенческая молодежь г. Чебоксары в возрасте от 18 до 29 лет) была в центре нашего исследования, которым было охвачено 224 человека. Его основными задачами были выявление политических установок молодежи, особенностей формирования исторического и политического сознания. В качестве основного метода исследования применялся опрос, проводимый методом группового очного анкетирования. Выборка во всех исследованиях составлена по следующим показателям: возраст, статус, место прописки. Тщательное соблюдение разработанной выборки в ходе полевых исследований, типичность избранных для исследования учреждений позволили обеспечить достаточно высокую репрезентативность и достоверность полученных результатов.

Результаты исследований и их обсуждение. Результаты исследований и вторичный анализ данных ряда других социологических исследований показали:

1. У молодежи нет ясных представлений о том, какое общество и государство мы строим, что такое демократия. Надежды реформаторов и некоторых аналитиков на то, что новое поколение сможет легко усвоить и впитать в себя демократические ценности, не оправдались. Преемственность политического сознания сохраняется: для генерации, рожденной вне тоталитарной, однопартийной системы, так же как и для старших поколений, демократия – это, прежде всего, свобода, зачастую понимаемая весьма примитивно. Поэтому 4,5 % опрошенных идентифицируют демократию со свободой вообще («свобода во всем», «возможность жить свободно», «каждый делает, что хочет, сам решает свою судьбу»), а 36,3 % – со свободой слова, печати, собраний и т. д. 18,1 % опрошенных на первое место поставили такие проявления демократии, как «власть народа» («власть должна советоваться с народом», «власть в интересах всего населения», «учитывается мнение народа, меньшинств» и т. д.). Чуть менее востребованными оказались такие составляющие демократии, как правовое государство («где закон един для всех», «где соблюдаются конституция и конституционные права», «все равны перед законом» – 13,6 %); реальное политическое участие граждан, плюрализм, наличие множества партий, идеологий, прозрачность власти и управления (по 18 %); определенный уровень благосостояния, достойная жизнь (1 %); прозрачность, подотчетность власти (1,5 %).

В сознании молодежи присутствуют установки на примитивно понимаемое равенство – «где все люди равны» (по материальному положению, правам и т. д. – 9 %). Это объяснимо на фоне имеющегося в России преобладания уравнительных установок. Массовые опросы показывают, что в целом по России ценность «индивидуальной свободы» снижается. 43 % в 1999 г. и 56 % в 2009 г. сделали выбор в пользу общества социального равенства, а за общество индивидуальной свободы, соответственно, высказались 29 и 19 %.

В целом же, вопрос о том, как они понимают «демократическое государство», вызвал затруднения у 25 % респондентов. Хотя этот факт и говорит о политической некомпетентности молодежи, но в то же время он внушает и определенный оптимизм, поскольку в старших группах (по всероссийским опросам) аналогичный вопрос вызывает затруднения у 40–45 % опрошенных.

2. Следствием недовольства своим местом в стране и возможными перспективами является низкий уровень гражданской идентичности молодежи. Для более половины жителей Российской Федерации не важно или не особенно важно быть гражданином России; около 30 % демонстрируют готовность покинуть страну (из них 10 % хотели бы покинуть ее навсегда). По Чувашской Республике эта цифра намного ниже – 4,5 %, а 81,8 % и вовсе гордятся быть гражданином России [6, 12]. Конечно, социальная неудовлетворенность и разрыв между обществом и властью – не единственные причины отсутствия чувства согражданства. В качестве таковой можно назвать и ослабление роли образовательных институтов как агентов политической социализации. Формально это выразилось в отказе от деидеологизации и политизации школьных программ, а на деле обернулось непоследовательностью в преподавании истории и общественных наук, снижением престижности и значимости исторического и политического знания.

Историческое сознание является тем кирпичиком общественного сознания, который во многом отвечает за формирование национально-культурной идентичности. Оно лежит в основе чувств согражданства и патриотизма, дефицит которых так остро ощуща-

ется в российском обществе в условиях трансформации социальных и политических институтов. Интерес к истории особенно обостряется в «переломные эпохи», когда люди, осмысливая прошлое, пытаются найти в нем истоки настоящего, извлечь уроки для будущего [2, 68].

С «перестроечных» времен история превратилась в поле политической борьбы. Само по себе это не так уж и страшно, поскольку любая дискуссия, пусть даже очень острая, ведет если не к установлению истины, то хотя бы к приближению к ней. Однако резкая переоценка исторических явлений, событий и фактов, роли исторических деятелей публицистами, далекими от науки, часто ведет к дискредитации прошлого, что отражается в первую очередь на историческом сознании, сокращая число людей, испытывающих гордость за историческое прошлое своего Отечества. Так, 36 % респондентов считают себя патриотами, 18 % не считают себя таковыми, при этом 41 % – затруднились с ответом.

3. Закономерно, что разочарование в демократической действительности ведет к усилению ностальгических настроений. По общероссийским опросам от 40 до 60 % населения страны в разных формах хотели бы возрождения СССР [5, 54]. В Чувашии немного меньше – 22,7 %. В связи с этим логичным выглядит тот факт, что старшее поколение в большинстве своем (54 %) «золотым веком» России (когда простым людям жилось лучше всего) признают годы под руководством Л. И. Брежнева. При этом недалекое прошлое (горбачевская, ельцинская эпохи) лидирует по негативным оценкам во всех возрастных категориях, свидетельствуя и о низком уровне социально-психологического самочувствия людей, и о низкой степени адаптации различных поколений, в том числе молодежи и их родителей, непосредственно столкнувшихся с проблемами переходного периода. И хотя симпатии-антипатии у молодежи распределяются более равномерно, чем в старших возрастных группах, симптоматично, что И. В. Сталин как историческая фигура вызывает массу позитивных откликов в среде 15–20-летних, изучающих историю по новым учебникам.

Не стоит недооценивать и роль старших поколений в процессе политической социализации молодежи. Анализируя состояние общественного сознания, можно сказать, что в последнее десятилетие наблюдается активизация просоциалистических настроений. Многие из недостатков социализма забылись. Молодежь, на которую сделали ставку правые, реального социализма не знает, но зато хорошо чувствует сегодняшнюю дифференциацию между людьми. Принципы социального равенства и социальной справедливости играют при этом решающую роль. Левизна общества закономерна, и интерес молодых к леворадикальным идеологиям объясним. Коммунизм как общественный строй дал в социальном плане куда больше, чем последующая трансформация. Опрошенные в ходе исследования ИКСИ «Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян» отметили, что наиболее значимой потерей для общества были снижение уровня жизни (53,7 % опрошенных), падение морали (35,4 %), снижение авторитета России в мире (30,7 %), развал передовых отраслей промышленности (27,9 %), резкое разделение общества на богатых и бедных (21,7 %), отход от идей социализма (15,3 %). При том же списке альтернатив в вопросе о личных потерях респондентов в их ответах преобладают пункты: снижение уровня жизни населения (46,7 %), утрата чувства защищенности и уверенности в завтрашнем дне (45,5 %), утрата стабильности и безопасности (36,1 % опрошенных); имперские амбиции в данном случае остаются в стороне [4, 42].

Таким образом, анализ политических установок современной молодежи позволяет сделать следующие выводы:

1. Отстраненность и дистанцирование от политики, неготовность и нежелание участвовать в политическом и электоральном процессах. Количество молодых людей в возрасте 15–25 лет, постоянно интересующихся политикой, в 3 раза меньше, чем у поколения их родителей в том же возрасте. В Чувашии около 40 % молодежи (по разным опросам) вообще не интересуется политикой, не обсуждает политических событий с друзьями, знакомыми, а 45,5 % следит за политическими событиями от случая к случаю. Эта сфера не рассматривается ни как объект интереса, ни как объект возможного приложения сил. Исключение составляют партийные активисты и активисты молодежных общественно-политических организаций, которые мотивированы значительными политическими дивидендами. Но следует заметить, что половина лидеров молодежных организаций давно вышла из молодежной возрастной группы. В своей массе молодежь практически не вовлечена в политический процесс, большинство молодежных организаций (легальных) являются дочерними организациями действующих партий (например, «Молодежное Яблоко») или образованиями при бюрократических структурах («Наши»).

2. Низкий уровень информированности о состоянии политической жизни российского общества. Не более 17 % опрошенной молодежи в Чувашии смогли правильно назвать все политические партии, 31,8 % опрошенных назвали более 2-х партий при ответе на открытый вопрос: «Какие партии Вам известны?». Наибольшей известностью среди молодежи в Чувашии пользуются партии: ЛДПР – 63,6 %, Единая Россия – 50 %, КПРФ – 31,8 %, «Яблоко» – 27,2 %.

3. Влияние существующих молодежных политических организаций на умонастроения молодежи незначительно. Только 4,5 % опрошенных смогли ответить на вопрос «Какие общественно-политические молодежные организации Вам известны?». Хотя 80,8 % ответили положительно на вопрос: «Нужны ли молодежные организации в современной России?». При этом роль молодежных организаций крупнейших партий в политической социализации молодежи практически равна нулю – и в силу неэффективности их молодежной политики, и в силу сознательного невнимания к молодежным проблемам и выработке молодежной политики.

4. Что касается различных форм политического участия (выборов, членства в партиях или других общественных организациях, профсоюзах, митингов, демонстраций, акций протеста и т. д.), то они оказались непривлекательными для молодежи не только в связи с осознанием неэффективности действующих демократических институтов, их декоративности, но и потому что политика не рассматривается молодыми людьми как возможная сфера приложения сил. Лишь 4,5 % молодежи хотели бы участвовать в политических акциях, 13,6 % – в патриотических мероприятиях, 18,1 % – в экологическом движении, 40,9 % – в студенческом самоуправлении.

5. Дистанцирование от политики ведет к очевидной идейно-политической неразвитости, а часто и к отсутствию партийно-идеологических идентификаций [7, 181]. Полученные результаты сопоставимы с итогами общероссийских опросов последних пяти лет, которые свидетельствуют о том, что практически все партии теряют своих сторонников среди молодежи, за исключением партии «Единая Россия», стабильно получающая около 20 % симпатий молодых людей на протяжении последних четырех лет.

6. Высокая степень недоверия к власти у молодежи сопоставима с аналогичными показателями среди старших возрастных категорий. При этом 31,8 % доверяет больше всего Президенту, 27,2 % – церкви, 13,6 % – правительству и лишь 9 % – законодатель-

ной власти (Государственной Думе и Совету Федерации). Наиболее авторитетными людьми среди политиков являются – В. В. Путин (81,8 %), Д. А. Медведев (27,2 %) и В. В. Жириновский – (9 %).

7. Многочисленные исследования выявляют радикализацию настроений и распространение ксенофобии. Известно, что в основе радикализма лежат как экономические, так и политические проблемы, связанные с утратой чувства сопричастности к великой истории страны [1, 42]. Так, более 72,7 % молодежи Чувашской Республики считает, что политическая ситуация в стране напряженная, а 27,2 % – спокойная. Во многом это связано с экономическим кризисом и высоким уровнем безработицы в Чувашии. При этом 36,3 % молодежи симпатизирует демократическим и продемократическим партиям, 18 % – вообще никаким, и по 9 % голосов получили коммунистические, национально-патриотические и другие партии.

8. Растет количество радикальных политических организаций и их численность, причем среди членов радикальных молодежных организаций преобладает студенчество (по России – около 70 %) [9, 265]. В Чувашии этот процент намного ниже. При этом информированность о деятельности и программных установках радикальных молодежных партий превышает информированность о деятельности парламентских партий и неопозиционных молодежных движений.

Резюме. Таким образом, успешная политическая социализация, процесс вовлечения индивида в политическую жизнь, освоение им норм и практик политической сферы является одним из гарантов стабильности политической системы и показателем ее эффективности. Только принимая тот или иной политический порядок, разделяя его ценности, осваивая политическую культуру, индивид успешно адаптируется к социальной действительности, получая возможность для самореализации. При этом историческое образование может и должно быть одной из составляющих как патриотического воспитания, так и политической социализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриев, Е. А. Политическая социализация личности как проблема современной политологии / Е. А. Ануфриев // Вестник Московского университета. – 1997. – № 3. – С. 34–44.
2. Великая, Н. М. Зомби или революционеры? / Н. М. Великая // Свободная мысль. – XXI. – 2005. – № 9. – С. 64–80.
3. Головин, Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации / Н. А. Головин. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 288 с.
4. Зайцева, И. Политическая социализация студенческой молодежи в условиях малого города / И. Зайцева // Вестник высшей школы. – 2003. – № 5. – С. 40–43.
5. Криворученко, В. К. Социализация молодого поколения в условиях развития демократии и гражданского общества в современной России: политологический аспект / В. К. Криворученко // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 53–58.
6. Молодежь в Чувашской Республике, 2009 : стат. сборник / Чувашстат. – Чебоксары, 2009. – 90 с.
7. Самсонова, Т. Н. Политическая социализация российских школьников: достижения, проблемы, перспективы / Т. Н. Самсонова // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 2. – С. 176–189.
8. Современный политологический словарь / под общ. ред. В. И. Даниленко. – М. : Nota Bene, 2000. – 1016 с.
9. Щеглов, И. А. Политическая социализация как научная категория / И. А. Щеглов // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 5. – С. 260–269.

УДК 372.217

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ETHNIC EDUCATION OF CHILDREN IN THE HISTORY OF RUSSIAN PEDAGOGICS

Л. М. Захарова

L. M. Zakharova

*ГОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова», г. Ульяновск*

Аннотация. Статья представляет ретроспективный анализ развития проблемы этнокультурного воспитания детей дошкольного возраста в отечественной педагогике (конец XIX века – по настоящее время). Особое внимание уделяется взаимосвязи педагогических проблем с философскими направлениями и социополитической ситуацией в стране.

Abstract. The article covers retrospective analysis of the development of the problem of ethnic education of the children of pre-school age in Russian pedagogics (end of XIX century – up to now). Special attention is given to correlation of philosophic trends and socio-political situation in the country.

Ключевые слова: *этнопедагогическая направленность, этнокультурное содержание, национальное, интернациональное воспитание дошкольников, ценностные основания педагогики.*

Keywords: *ethno-pedagogical orientation, ethno-cultural content, national, international education of pre-school children, value basis of education.*

Актуальность исследуемой проблемы. Процессы интеграции, охватившие европейские страны, новая социально-экономическая реальность в России, национальная активность народов России повышают интерес человека к национальным культурным ценностям, способствуют осмыслению ценностно-смысловых ориентиров в образовании.

Стратегия развития российского образования среди приоритетных выделяет задачи, связанные с формированием у подрастающего поколения культуры межнационального общения, этнической толерантности, гуманных чувств и отношений. Решению поставленных задач во многом способствует придание образовательному процессу этнопедагогической направленности (М. И. Богомолова, З. А. Богатеева, Л. С. Бабунова, Т. Ф. Бабынина, Г. Н. Волков, Г. Д. Дмитриев, М. Б. Кожанова, Э. К. Сулова, О. В. Степанова, Т. В. Поштарева и др.). Этнопедагогическая направленность дошкольного образования рассматривается нами как смыслообразующий компонент образовательного процесса, предполагающий последовательное включение ребенка в систему этнонациональных и общечеловеческих ценностей в целях разви-

тия у него понимания и принятия этнокультурного многообразия, формирования этнокультурной компетентности с использованием народных и традиционных факторов воспитания.

Анализ существующих исследований в области этнопедагогической направленности дошкольного образования показывает недостаточную разработанность системы работы с учетом прогрессивного опыта прошлого, народной мудрости, поступательных тенденций современности.

Материалы и методика исследований. Поскольку данное исследование носит историко-теоретический характер, то основными методами исследования были выбраны анализ историографических работ, изучение периодических педагогических изданий, первоисточников; метод моделирования, конкретизации, реконструирования, индуктивных и дедуктивных заключений.

Результаты исследований и их обсуждение. Изучение историко-педагогической литературы показало, что вторая половина XIX века характеризуется включением России в процесс европейского развития, поиском национальной идеи, открытием первых детских садов. Основу педагогики России в рассматриваемый период в ее лучших образцах и достижениях составляла концептуальная идея, предполагавшая наличие общечеловеческого начала и национального элемента как одинаково необходимых для своего плодотворного развития. Духовные национальные ценности были обусловлены новыми социально-экономическими условиями развития России, общественно-педагогическим движением, идеями выдающихся мыслителей и общественных деятелей, педагогов и философов. Педагогическая мысль России этого периода представлена разноплановыми педагогическими течениями: педагогической антропологией, православной педагогикой, неокантианской педагогикой, каждое из которых рассматривало ценностные основания образования [3, 4].

Антропологическая позиция в педагогике представлена, прежде всего, работами К. Д. Ушинского, который подчеркивал, что ценностной основой воспитания должна стать идея народности, предполагающая учет в образовательном процессе культурно-исторических традиций, духа народа. Такой подход, считал К. Д. Ушинский, должен способствовать развитию у ребенка нравственных качеств: гуманности, честности, патриотизма, деятельной любви к окружающим людям. Пристальное внимание педагог обратил на специфику работы с детьми дошкольного возраста. В своих письмах «Педагогическая поездка по Швейцарии» К. Д. Ушинский анализирует воспитательный процесс в функционирующих в то время в Европе детских садах, которые в России еще являлись «малодоступной роскошью». Важнейшим воспитательным и развивающим средством для 4–7-летних детей в детском саду педагог считал народные игры, подметив в них характерную для разных народов и веков общность. Для детского развития, писал Ушинский, необходимы игры, «которые придуманы уже веками и в которые играет и русский мальчик, и маленький итальянец, и маленький индеец на берегах Ганга, в которые играют наши дети и играли дети древних греков и римлян».

Антропологическое направление, заявленное Ушинским в отечественной педагогике, продолжил П. Ф. Каптерев. Особенно велика его заслуга в определении задач и направлений работы первых детских садов. Климатические особенности, географические условия проживания народа, его культурно-исторический опыт должны определять своеобразие воспитательной работы в детских садах, замечал русский педагог, поскольку на-

циональные черты характера, на формирование которых нацелено воспитание детей любого этноса, диктуют свой особый стиль взаимоотношений между взрослыми и воспитанниками. П. Ф. Каптерев выделил основные условия, которые необходимо учитывать при создании детских садов в России. К ним он отнес: уважение личности ребенка, создание атмосферы духовности, насыщение ее народным духом, обязательное построение работы в детском саду на языке народа, в среде которого он создается, учет традиционного подхода в воспитании, тщательный подбор занятий на основе принципов народности, наглядности, доступности, активности. Учитывая особенности детского восприятия, главными предметами изучения в российских детских садах должны стать природа родного края, родной язык, историко-этнографические рассказы, подвижные игры и новые языки [3].

Представители еще одного философско-педагогического направления в отечественной педагогике рассматриваемого периода – *религиозного* – были в поиске общественного идеала укрепления нравственных устоев общества, повышения его духовности. В основе православной педагогики лежит идея, согласно которой бытие человека понимается через такие категории, как «вечность», «бессмертие», в результате чего воспитание должно развивать в человеке ответственность перед Богом не только за себя, но и за сохранение и развитие исторических и культурных традиций народа [4]. Русские религиозные мыслители (И. А. Ильин, В. В. Зеньковский) основой педагогики определяли мировоззренческие положения о том, что человек, к какой бы культуре (этнической, политической, социальной) он ни принадлежал, – драгоценное создание, высшая ценность бытия. В начале XX века в педагогике формируется еще одна ценность – свобода, которая лежит в основе теории свободного воспитания Л. Н. Толстого. По мысли Л. Н. Толстого, воспитание должно базироваться на общечеловеческих ценностях и развивать в детях лучшие нравственные качества, здоровые нравственные потребности, побуждающие личность к творению добра людям. Основой нравственности, которая должна формироваться в детские годы, Л. Н. Толстой считал религию. Глубоким чувством уважения, любви к людям пронизаны созданные писателем рассказы для детей. В одной из бесед с детьми о нравственности Л. Н. Толстой рассказывал им библейскую притчу о милосердном самаритянине, тем самым пытаясь пробудить в детях сострадание и милосердие ко всякому нуждающемуся человеку, какой бы веры он ни исповедовал, к какому бы народу он ни принадлежал.

С точки зрения православной педагогики, образование – это восстановление целостности человека, ведущее к такому устроению личности, при котором образ Божий может быть раскрыт во всей силе и полноте (Е. В. Шестун). Образование (общественное и семейное) должно обеспечить вхождение каждого человека в культурно-образовательное пространство, которое включает:

- национальные традиции (освоение национальных традиций, языка, нравственных предписаний);
- цивилизационные традиции (освоение общей для всех государствообразующей культуры, знание жизни государствообразующего народа);
- традиции мирового сообщества.

Несмотря на многочисленность направлений в развитии педагогической мысли России XIX – начала XX в., их представителями были сформулированы такие ценностные ориентиры образования – идея свободы человека, самоценности личности, гу-

манизма, добра, справедливости, гражданского самосознания, высокой ответственности за судьбу отечества, духовно-нравственного совершенствования личности, – которые созвучны современным идеям модернизации отечественного образования. Основы гуманного отношения к окружающим людям вне зависимости от их этнической и расовой принадлежности, по глубокому убеждению отечественных мыслителей, педагогов, должны быть заложены в детстве, в условиях общественного и домашнего воспитания.

Основные направления философской мысли конца XIX – начала XX столетия являлись методологическим основанием педагогических течений и определяли тенденции развития проблемы этнокультурного воспитания детей в практике первых детских садов России. Этнопедагогическая направленность дошкольного образования в большей степени реализовывалась на содержательном уровне, характеризующемся ситуативным отбором знаний, родинovedческой направленностью книг и учебной литературы для детей, поиском эффективных средств и форм работы с детьми. Целью этнопедагогической направленности дошкольного образования (семейного и общественного воспитания) являлось:

- развитие патриотических чувств, формирование «образа многонациональной Родины»;
- воспитание «братских» чувств к людям иной этнической принадлежности (немцы, французы, украинцы, евреи и т. д.);
- развитие навыков взаимодействия и сотрудничества в совместной деятельности (играх, занятиях).

После политической реконструкции и смены идеологической направленности российского общества в 1917 году происходит переосмысление культурных ценностей с позиций классового подхода. Методологической основой педагогики провозглашалась «единственно правильная философия марксизма-ленинизма», с точки зрения которой человек – это представитель социума, поведение и мышление которого должно определяться его классовой принадлежностью. Основанная на этом учении советская педагогика становилась монистичной в своей основе. Вместо множества концепций (социогенетической, биогенетической, культурно-исторической) утверждалась советская педагогическая теория, провозглашающая ценности и нормы, которые определяли поведение советского человека, его личностные характеристики как строителя светлого будущего. Интернационализм становится главной чертой советского человека и неотъемлемой частью коммунистического воспитания. Мораль и основные нравственные ценности с позиций марксизма носили строго классовый характер. «Вся социальная доктрина марксизма, все представления о будущем обществе были направлены против общечеловеческой морали и ее принципов, сложившихся в течение тысячелетий человеческой истории. Отсюда и фактическое игнорирование проблем нравственного воспитания», – замечает Б. Л. Вульфсон [1, 9]. В 20–30 гг. двадцатого столетия понятие «нравственное воспитание» в педагогической терминологии было вытеснено, его заменил термин «общественно-политическое воспитание». Использование словосочетания «национальное воспитание» считалось проявлением шовинизма и национализма. Этнопедагогическая направленность воспитания детей в этот период просматривается через призму общественно-политического воспитания как составляющая интернационального. На протяжении 1920–1930-х гг. определялись принципы коммунистического воспи-

тания, в которых реализовалась этнопедагогическая направленность воспитательного процесса: использование родного языка в дошкольных учреждениях, обязательное изучение языка большинства населения данной области, связь воспитательной работы с окружающей действительностью, принцип изучения социального окружения ребенка. Этнокультурный аспект интернационального воспитания в данный период реализовывался за счет использования музыкального и танцевального, устного народного творчества, которое входило в повседневную жизнь, быт детского сада. Именно в этот период закладывались основы методики интернационального воспитания детей дошкольного возраста.

В советский период этнопедагогическая направленность дошкольного образования определяется двойственно:

- с позиций национального воспитания (создание детских садов для национального меньшинства, обучение на родном языке);
- с позиций классового подхода.

Информация для детей в большей степени была политизирована, культурный аспект представлен незначительно, выборочно. Данные тенденции преобладали в педагогическом процессе дошкольных учреждений в 20–30-е годы XX века. На определенных этапах развития российского общества, в разных социополитических условиях преобладала одна из составляющих. К примеру, в 40-е годы культурная составляющая национального воспитания и патриотическая направленность образовательного процесса усиливается, что характерно и для 90-х годов двадцатого столетия.

В годы Великой Отечественной войны главной задачей, стоящей перед работниками дошкольных учреждений, являлась забота о детях, оказание им моральной (а иногда и материальной), психологической помощи. Учитывая разный контингент детей (дети из прифронтовой полосы, беженцы, потерявшие отцов и т. д.), воспитатели стремились найти индивидуальный подход к каждому ребенку, развивать чувство коллективизма, чувство ответственности и взаимопомощи. Заведующая детским садом П. Дурядина (г. Слободской Кировской области) рассказала на страницах журнала «Дошкольное воспитание» (1941, № 12) о проявлении таких чувств к эвакуированным из Эстонии и Латвии детям, не говорившим по-русски. Ребята окружили их заботой, вниманием, поделились одеждой, игрушками, стали учить русскому языку. В этот период усиливается национальная составляющая патриотизма. Особое внимание в повседневной воспитательной практике обращалось на использование народного творчества, которое рассматривалось в нескольких аспектах: и как воспитание любви к родине, к своему народу, и как воспитание нравственных качеств личности, развития детского творчества, и как средство приобщения к культуре других народов.

В 60-е годы двадцатого столетия наблюдается «оттепель» в политической жизни страны, набирает силу институционально не оформленное движение творческой интеллигенции – шестидесятников, издаются книги философского, исторического содержания, не зажатые в тиски идеологии. Акцент смещается на традиционно народные средства воспитания, на совершенствование методики нравственного воспитания.

В программных документах этого периода определялись, конкретизировались и распределялись по отдельным темам знания и представления о народах нашей страны, при этом подчеркивалась необходимость учета специфики климато-географических, экономических, культурно-национальных условий союзных респуб-

лик. Народное творчество определялось важным средством развития нравственных и эстетических чувств дошкольников. В 1970–1980-е годы велся поиск путей и средств воспитания дружеских чувств к народам СССР и зарубежных стран (М. И. Богомолова, Э. К. Суслова). В эти же годы появились исследования, посвященные изучению различных аспектов патриотического воспитания, которые увязывались с воспитанием интернациональных чувств (Л. Н. Беляева, С. Г. Журат, Г. А. Григоренко и др.). Под интернациональным воспитанием дошкольников подразумевалось «формирование дружеского отношения к народам СССР, развитие интереса к их жизни, труду и искусству, воспитание уважения к трудящимся всех национальностей и ненависти к угнетателям» [1, 17]. Дружелюбие между детьми разных национальностей в этот период определялось как одно из проявлений социалистического интернационализма, и оно формировалось при общении с детьми и взрослыми разных национальностей посредством детской литературы, игр, национальной куклы. Этнопедагогическая направленность воспитания в 70–80-е годы двадцатого столетия прослеживалась в патриотическом и интернациональном воспитании.

Со сменой политического устройства в 1990-е годы происходит процесс деидеологизации образования, построение его на личностно ориентированной основе. Актуализируется идея создания национальной системы образования, осуществляется поиск национальной идеи, в основе которой лежит позитивное восприятие своего исторического прошлого, отыскание глубинных смыслов общественного бытия через осмысление собственных национальных корней и возрождение лучших народных традиций. На современном этапе развития общества наблюдается интерес к философии образования, которая занимает ведущие позиции в осознании ценностных оснований педагогической мысли.

Для современной социокультурной ситуации характерной становится тенденция востребованности ценностных ориентиров в содержании образования. Вновь поднимается проблема духовно-нравственного воспитания детей, рассматриваются возможности религиозного воспитания. Среди средств ознакомления с культурой разных народов, также как и в XIX веке, определяется иностранный язык, прежде всего английский, конкретизируются методические аспекты его изучения в дошкольном возрасте. Усиливается роль народных традиций воспитания, дошкольников «погружают» в атмосферу народной культуры, народных обычаев, обрядов.

Появляются и «новые» направления – воспитание толерантности, развитие ментальности дошкольника (Л. В. Коломийченко, О. В. Сенько).

Этнопедагогическая направленность дошкольного образования на современном этапе представлена: на *уровне организации* образовательного процесса – в дошкольном учреждении; на *уровне содержания* – в разработке и внедрении этнопедагогических технологий, на *уровне педагогической поддержки*, связанной с созданием этнокультурной развивающей среды, с использованием педагогического диагностического инструментария – в готовности воспитателей к этнокультурному воспитанию детей дошкольного возраста.

Резюме. Исследование подтвердило мысль о том, что ретроспективный анализ проблемы, связанной с приданием образовательному процессу этнопедагогической направленности на разных исторических этапах развития российского общества, имеет большое значение для современной теории и образовательной практики детей дошко-

льного возраста, позволяет оптимизировать педагогическую деятельность в сфере национального, патриотического воспитания и воспитания культуры межнационального общения.

Этнопедагогическая направленность дошкольного образования в истории отечественной педагогики определяется совокупностью социально-политических, экономических, культурно-педагогических и социально-личностных факторов: многонациональным составом граждан Российского государства, национальным движением за право каждого народа обучаться на родном языке, реформированием системы образования, доминирующими философскими учениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолова, М. И. Интернациональное воспитание дошкольников / М. И. Богомолова. – М. : Просвещение, 1988. – 112 с.
2. Вульфсон, Б. Л. Марксизм и проблемы нравственного воспитания / Б. Л. Вульфсон // Педагогика. – 2003. – № 6. – С. 3–15.
3. Каптерев, П. Ф. Обучение детей дошкольного возраста / П. Ф. Каптерев // Народная школа. – 1874. – № 6–7. – С. 19–42.
4. Митина, И. Д. Социокультурные парадигмы общеобразовательной деятельности в общественно-политической мысли России конца XIX – начала XX века (философско-педагогический аспект) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / И. Д. Митина. – Ульяновск, 2004. – 38 с.
5. Наумов, Н. Д. Философские основания педагогических теорий в России XX в. : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Н. Д. Наумов. – Екатеринбург, 2004. – 40 с.
6. Эмих, Н. А. Культурная парадигма современного российского образования : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. А. Эмих. – Чита, 2006. – 25 с.

УДК 351.73(471.344)(091)+947.085(473.344)

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ ЧУВАШИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITY OF MILITIA IN CHUVASHIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Н. В. Иванов

N. V. Ivanov

*Чебоксарский филиал ГОУ ВПО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Чебоксары*

Аннотация. Выявлены показатели эффективности деятельности органов милиции на территории Чувашской АССР в 1941–1945 гг., рассмотрены тенденции и дана их комплексная оценка на основе анализа ранее неизвестных исторических источников и использования системного подхода.

Abstract. The characteristics of the effectiveness of the activity of law enforcement bodies in the territory of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during 1941–1945 are brought to light and the tendencies and complex estimations of the activity of militia on the basis of the analysis of the unknown historical sources and of the use of systematic approach are given.

Ключевые слова: война, тыл, криминальная обстановка, милиция, раскрываемость преступлений.

Keywords: war, rear services, criminal situation, the militia, solving of crime.

Актуальность исследуемой проблемы. История знает такие события, которые никогда не изгладятся в памяти поколений. К ним относится Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии. Над нашей страной нависла реальная угроза уничтожения, на ее территории, в том числе и в Чувашской АССР, значительно осложнилась социально-экономическая обстановка, выросла преступность. Руководство государства принимало решительные меры по стабилизации криминальной ситуации. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. Народный комиссариат государственной безопасности СССР и Народный комиссариат внутренних дел СССР были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР), что позволило сконцентрировать усилия по борьбе с вражеской агентурой и преступностью, укрепить охрану общественной и государственной безопасности в стране.

Материал и методика исследований. Эмпирическая база исследования включает статистические данные архивных документов Министерства внутренних дел по Чувашской Республике. Анализ материалов проводился с использованием проблемно-хронологического, статистического, сравнительного и описательного методов исследований.

Результаты исследований и их обсуждение. Анализ архивных материалов показал, что с началом войны объем работы милицейской службы республики значительно возрос. Так, в 1940 г. в Чувашской АССР всего было зарегистрировано 3 448 преступлений, из них раскрыто 3 085, что составляет из общего числа 89 % [4, 21], [5, л. 2], [6, 2], [7, 2]. Уголовных дел было возбуждено 1 019, по ним к разным видам ответственности были привлечены 1 245 чел., в том числе 252 – к уголовной ответственности [3, 2, 3, 5, 7]. В 1941 г. возбужде-

но 9 215 уголовных дел, к разным видам ответственности привлекались 10 529 чел., из них 3 142 – к уголовной ответственности [8, 4], [9, 34; 47; 49; 54; 58; 61]. Как видно, в 1941 г. по сравнению с предыдущим годом преступность выросла почти в восемь раз.

Особую тревогу органов власти и милицейского руководства вызывало то, что рост преступности произошел за счет тяжких преступлений. Только во второй половине 1941 г. в СССР было зарегистрировано 3 317 убийств, 7 499 разбоев и грабежей, 252 588 краж и 8 714 случаев скотокрадства [16, 226]. Характер и методы уголовных преступлений изменились, облик правонарушителей стал другим. Преступные деяния совершали дезертиры из действующей армии, военного производства, уклоняющиеся от военной службы, главным образом лица из деклассированных и уголовных элементов. Живя на нелегальном положении, укрываясь в землянках и разных притонах, преступники маскировались, нередко выдавая себя за военнослужащих, работников милиции. Уголовные элементы имели большие возможности вооружаться в условиях военного времени. Значительная часть оружия попадала в руки преступников через дезертиров. Вооруженные уголовники, дезертиры представляли серьезную опасность для населения. Если до войны у некоторой части преступников при их задержании или аресте обнаруживали холодное оружие, то с началом войны в их руках нередко оказывалось боевое оружие (автоматы, винтовки, гранаты и т. д.). Работниками милиции Октябрьского района Чувашской АССР 15 января 1942 г. в дер. Старое Тогаево были задержаны два военных дезертира, у которых в ходе ареста были изъяты две винтовки и 120 боевых патронов. В этих условиях органы милиции активно привлекались к изъятию у населения огнестрельного и холодного оружия. За 9 месяцев 1943 г. в Чувашии у преступников было изъято 50 стволов огнестрельного оружия, в том числе 4 автомата пистолет-пулемет Шапошникова (ППШ); 17 кинжалов и штыков; 5,4 кг артиллерийского пороха [2, 9], 623 боевых патрона [14, 9]. В результате активной и массовой работы уже к 1 апреля 1944 г. в СССР у населения было обнаружено и изъято 8 357 пулеметов, 11 440 автоматов, 257 791 винтовка, 56 023 револьвера и пистолета, 160 490 гранат [16, 227].

В условиях военного времени работникам милиции приходилось сталкиваться с совершенно новыми видами преступлений, которых в мирное время вообще не было, – дезертирством из Красной Армии, уклонением от призыва и мобилизации на тыловые работы, мародерством, нарушением правил светомаскировки, распространением различных ложных слухов и измышлений и т. д. В Чувашской АССР, как и по всей стране, развернулась настоящая борьба с расхитителями казенного добра и спекулянтами.

В 1940 г. работниками отделов борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС) было раскрыто 23 факта скотокрадства, по ним привлечены к уголовной ответственности 34 чел. (14 из них арестованы); 134 факта спекуляции – привлечены 186 чел. (40 из них арестованы); 111 фактов растраты – привлечены 110 чел. (5 из них арестованы) [3, 2; 3; 7]. В сфере экономических преступлений за первое полугодие 1941 г. было возбуждено 1 925 уголовных дел, по ним к разным видам ответственности привлечены 2 478 человек, из них 678 были арестованы [9, 6], а за второе полугодие возбуждено 1 377 уголовных дел, привлечены к разным видам ответственности – 1 696 чел., а 56 чел. – к уголовной ответственности [9, 34; 47; 49; 54; 58; 61].

В 1942 г. в Чувашской АССР всего было зарегистрировано 8 855 преступлений, из них раскрыто 8 585 (96,9 %); к уголовной ответственности были привлечены 4 283 чел. [10, 4, 10, 15, 20, 27, 35, 41, 46, 52, 57, 63, 69], из них по линии уголовного розыска возбуждено 4 827 уголовных дел; к разным видам ответственности привлечены 5 598 чел., а 2 831 – к уголовной ответственности [9, 3; 9; 13; 19; 25; 33; 40; 45; 51; 56; 62; 68].

1942 год для работников ОБХСС был особенно тяжелым: возбуждено 3 656 уголовных дел, привлечены к разным видам ответственности 4 579 чел., из них 1 327 чел. – к уголовной. Нагрузка на каждого сотрудника по сравнению с 1941 г. выросла в два раза [9, 3; 9; 13; 19; 25; 33; 40; 45; 51; 56; 62; 68].

Большую работу органы милиции провели по раскрытию преступлений прошлых лет, которые считались бесперспективными. Изданный в марте 1943 г. приказ НКВД СССР требовал пересмотреть все дела по нераскрытым преступлениям, совершенным с первых дней войны, в первую очередь по убийствам, и наметить конкретные мероприятия по их раскрытию. Были составлены бригады из сотрудников оперативных отделов и политотдела для глубокого обследования служебно-оперативной деятельности аппаратов милиции. Управление милиции НКВД Чувашской АССР командировало в Алатырский, Канашский, Козловский, Кувакинский, Шумерлинский, Ядринский и другие районы республики своих лучших работников: заместителя начальника Управления милиции С. М. Заварзина, начальника ОУР С. Т. Мижерова, начальника 1 отделения ОУР М. С. Смирнова, начальника 2 отделения ОУР А. И. Русакова, оперуполномоченных П. И. Галямина, Н. И. Иванова, С. Р. Романова, И. С. Статеева, эксперта Р. С. Мастаченко. При их активном участии в 1943 г. был раскрыт ряд убийств, остававшихся нераскрытыми в течение последних 2-3 лет и находившихся на контроле Управления милиции НКВД СССР. Благодаря их труду раскрываемость тяжких преступлений, в том числе убийств, была в 1943 г. доведена до 93,6 % [9, 103].

В Чувашской АССР работниками милиции за 1943 г. было возбуждено 7 807 уголовных дел, по ним к разным видам ответственности привлекались 9 735 чел., а к уголовной ответственности – 3 326 чел. В экономической сфере было возбуждено 4 175 уголовных дел, по ним к разным видам ответственности привлечены 4 920 чел., а 2 217 – арестованы. По линии ОБХСС в то же время было возбуждено 3 618 уголовных дел, по ним к разным видам ответственности привлечены 4 700 чел., а 1 113 арестованы [11, 2; 8; 14; 20; 26; 32; 37; 45; 63; 77; 83; 100].

В СССР за 1944 г. было зарегистрировано 8 369 убийств, 20 174 разбойных нападения и грабежа, 444 906 краж, 36 285 случаев кражи скота. Вместе с тем серьезные опасения продолжал вызывать наибольший рост преступности в 1944 г. по сравнению с 1943 г., который произошел за счет тяжких преступлений, и составил 8,6 % [22, 226].

В результате напряженной работы милицейского аппарата и сил общественности в третьем квартале 1944 г. по сравнению с предыдущим кварталом кражи сократились на 21,8 %, а раскрываемость их достигла 97,6 %. Число предупрежденных краж составило 25,8 % [1, 239]. Снижение числа краж, особенно продуктов питания, объясняется тем, что в период уборки урожая в колхозах было организовано общественное питание, а также авансирование колхозников из фонда нового урожая. В результате были устранены негативные последствия имеющихся трудностей по обеспечению продовольствием в колхозах республики.

В Чувашской АССР за 1944 г. работниками милиции было возбуждено 9 668 уголовных дел, по ним к разным видам ответственности привлекались более 10 000 чел., а к уголовной ответственности – более 4 000 чел. [12, 4; 9; 21; 25; 31; 37; 40–45].

С апреля по декабрь 1944 г. работниками ОБХСС было возбуждено 8 565 уголовных дел, по ним к разным видам ответственности были привлечены 5 009 колхозников, а 1 211 чел. – к уголовной ответственности. Значительная доля этих преступлений приходилась на август, сентябрь и октябрь [12; 25; 31; 37; 40–45].

В 1945 г. работниками милиции Чувашской АССР было возбуждено 6 811 уголовных дел, по которым привлекались к разным видам ответственности 8 715 чел., из них к уголовной – 2 545 чел. [13, 1–5; 8, 11–16].

Доблестный труд сотрудников милиции получил высокую оценку правительства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 г. 12 сотрудников НКВД ЧАССР были награждены орденами и медалями. Ордена «Знак почета» был удостоен заместитель наркома по милиции Я. Н. Никитин, медали «За отвагу» – начальник ОУР С. Т. Мижеров [15, 3510]. В 1944 г. 69 сотрудников органов милиции Чувашской АССР за успешное выполнение заданий правительства в деле охраны общественного порядка и борьбы с преступностью и проявленную при этом отвагу и мужество были удостоены орденов Красного Знамени (13 чел.), орденов Красной Звезды (27 чел.), медалей «За боевые заслуги» (26 чел.). Высшей награды СССР – ордена Ленина – были удостоены майоры милиции С. В. Палихов, П. П. Петров и капитан милиции В. В. Варламов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 г. за успешное выполнение заданий правительства 858 работников милиции были награждены орденами и медалями СССР, среди них 24 работника милиции Чувашской АССР. Медалью «За боевые заслуги» награждены начальники милиции Красноармейского района Никифоров, Янтиковского района П. А. Бранигин; орденом «Знак почета» – начальник милиции Алатырского района ГО НКВД М. К. Турханов; орденом Великой Отечественной войны II степени – начальник Управления милиции НКВД Чувашской АССР полковник милиции Н. И. Калашников.

Резюме. Великая Отечественная война стала самым серьезным испытанием на прочность структур власти. Чрезвычайные условия военного времени наложили отпечаток на деятельность милиции. В 1941–1945 гг. напряженная борьба с преступностью велась в г. Чебоксары, Алатырском, Вурнарском, Канашском, Порецком, Шумерлинском районах Чувашской АССР. Исторический опыт свидетельствует о том, что в результате четкой организации оперативно-розыскной работы, налаживания тесных связей с общественностью органы милиции добились высокой (95–100 %) раскрываемости преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архив* Министерства внутренних дел по Чувашской Республике (*Архив МВД по ЧР*). – Ф. 61. – Оп. 1. – Д. 1.
2. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 62. – Оп. 18. – Д. 1.
3. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 1.
4. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 2.
5. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 3.
6. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 4.
7. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 5.
8. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 8.
9. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 11.
10. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 13.
11. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 16.
12. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 21.
13. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 24.
14. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 108. – Оп. 1. – Д. 1.
15. *Архив* МВД по ЧР. – Ф. 128. – Оп. 0. – Д. 3510.
16. *Полиция и милиция России: страницы истории* / А. М. Беда и др. – М. : Наука. – 1995. – 318 с.

УДК 809.434.4

ВОПРОСЫ МОРФОСИНТАКСИСА И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

MORPHOSYNTAX AND SYNTACTICAL DERIVATION ISSUES IN THE CHUVASH LANGUAGE

А. М. Иванова

A. M. Ivanova

*ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова», г. Чебоксары*

Аннотация. Рассмотрены морфосинтаксические преобразования предложений и словосочетаний в чувашском языке; особое внимание уделено вопросу трансформации, одному из основных способов синтаксической деривации.

Abstract. Morphosyntactical transformation of the sentences and word-combinations in the Chuvash language are considered; special attention is paid to the problems of the syntactical derivation.

Ключевые слова: чувашский язык, трансформация, синтаксическая деривация, морфосинтаксис, грамматика, предложение, словосочетание.

Keywords: the Chuvash language, transformation, syntax derivation, morphosyntax, grammar, sentence, word-combination.

Актуальность исследуемой проблемы. Морфосинтаксическая деривация является общезыковедческой теорией, отражающей реальное использование языковых средств в коммуникативных целях. Она приобретает большое значение в интерпретации не только структурной организации, но и характера вариативности любой фразы, любого высказывания, предложения и словосочетания. Между тем вопросы, связанные с синтаксической деривацией, остаются недостаточно изученными. В тюркологии этой проблеме посвящена работа Н. К. Турниязова [8], а в чувашском языкознании данный вопрос никем специально не рассмотрен, хотя синтаксическая деривация является одним из интересных явлений в языке.

Материал и методика исследований. Теоретической основой исследования являются работы О. С. Ахмановой, Л. Н. Мурзина, И. П. Распопова, Н. К. Турниязова, В. С. Храковского. В качестве иллюстративного материала были использованы примеры синтаксических конструкций, полученных путем регрессивного и прогрессивного расширения именных, глагольных словосочетаний в чувашском языке.

Основными методами исследования являются метод лингвистического анализа и обобщения, сравнительно-сопоставительный, описательный методы.

Результаты исследований и их обсуждение. За последние три десятилетия

XX века в отечественной лингвистике появилось несколько исследований, посвященных теме деривации. В них отмечаются различные подходы к вопросу синтаксической деривации словосочетания и предложения. По мнению И. П. Распопова и С. Н. Сычевой, «синтаксическая деривация – это производность одних синтаксических конструкций на базе других путем замещения деривационных морфем: *Мальчик болен – Мальчик болеет. Он грустит – Ему грустно*» [6, 66–67].

Большое значение для теории деривации сыграло предложенное Е. Куриловичем разграничение лексической и синтаксической деривации, первая из которых направлена на преобразование лексического значения исходной единицы (ср. *камень – каменищик, гармонь – гармонист*), а вторая – на преобразование ее синтаксической функции (ср. *камень – каменный*). Синтаксическая деривация обозначает процесс образования разных синтаксических конструкций путем трансформации определенной ядерной конструкции (ср. *рабочие строят дом – дом строится рабочими – строительство дома рабочими*) [2].

Введение понятия *синтаксическая деривация* позволило установить изоморфизм (наличие принципиального сходства или параллелизма в структуре предложений) в правилах синтагматического разворачивания исходных символов, а также их возможного преобразования [3, 129]. При помощи синтаксической деривации в предложениях «*Студенты первого курса сдают экзамен*» (активная конструкция) и «*Экзамен сдается студентами первого курса*» (пассивная, страдательная конструкция) происходит залоговое преобразование активной конструкции в пассивную. В результате этого осуществляется смена синтаксических функций подлежащего и дополнения: *Строители* (подлежащее) *возводят новый дом* (дополнение); *Новый дом* (подлежащее) *возводится строителями* (дополнение). Отмечается разница между активной (действительной) и пассивной (страдательной) конструкциями в морфосинтаксическом преобразовании предложений (высказываний). Глаголы действительного залога используются в активных синтаксических конструкциях и показывают, что действие выполняется самим субъектом, выступающим в предложении в функции подлежащего: *архитектор проектирует здание*. Глаголы страдательного залога используются в пассивных конструкциях и показывают, что субъект (в предложении он является дополнением) не образует действия, а испытывает на себе его воздействие: *здание проектируется архитектором*.

В чувашском языке использование пассивного (страдательного) залога ограничено; ср. *ку кёнеке лайӑх вуланать* «эта книга читается хорошо».

В тюркологии вопрос о синтаксической деривации затрагивается в работе Н. К. Турниязова на материале гипотактических конструкций современного узбекского языка. Под синтаксической деривацией автор понимает «образование словосочетания или предложения из различных конструктивных элементов, объединенных единым синтагматическим рядом согласно законам синтаксического подчинения и имеющих относительно конечную последовательность цепочек» [8, 112]. Анализируя фактический материал узбекского языка, Н. К. Турниязов убедился в том, что любое преобразование одних конструкций в другие (инвариантные) осуществляется путем трансформации, когда между составляющими компонентами трансформируемых конструкций вместо старых синтаксических связей появляются новые; иначе говоря, первоначально происходит трансформационный процесс, а затем уже замена синтаксических связей, т. е. то, что называется синтаксической деривацией. Автор считает, что нельзя установить сферу действия синтакси-

ческой деривации только в рамках предложения. Для синтаксической деривации характерно расширение структуры и словосочетаний, и предложений. Это расширение (трансформация одних конструкций в другие) составляет парадигму способов синтаксической деривации [8, 112]. Аналогичный взгляд был высказан киргизским лингвистом С. Ж. Мусаевым: расширение является одним из основных способов деривационного процесса в синтаксисе, приводящих к образованию многочисленных типов неядерных, распространенных и осложненных конструкций в языке.

По В. С. Храковскому, «следует четко отграничить трансформацию от деривации; производное предложение как по своему грамматическому статусу, так и по смыслу закономерно должно отличаться от исходного: *Таня открыла окно – Бабушка попросила Таню открыть окно. Ребенок спит – Ребенок хочет спать*» [9, 2].

Л. Н. Мурзин утверждает, что деривация не связана со словосочетанием: «исходным материалом деривации и ее конечным продуктом должно быть только предложение» [5, 46]. Слово *учитель* автор представляет как деривацию предложения в виде: *Он учит – Он тот, кто учит – Он учитель*.

Таким образом, во многих исследованиях синтаксическая деривация обозначает процесс образования разных синтаксических конструкций путем трансформации определенной ядерной конструкции [3, 129]. Н. К. Турниязов тоже придерживается мнения, что синтаксическая деривация гипотаксиса осуществляется посредством трансформации, которая одновременно есть и явление функциональной транспозиции [8, 113].

Исходя из определения терминов *трансформация* (один из методов порождения вторичных языковых структур, состоящий в закономерном изменении основных моделей или ядерных структур), *транспозиция* (использование одной языковой единицы вместо другой), синтаксическую деривацию следовало бы назвать морфосинтаксической деривацией, ибо всякое изменение в формальной структуре исходной (базисной) единицы языка, приводящее к созданию вторичной синтаксической единицы, которая выступает в качестве синонима к базисной единице, происходит средствами и морфологии (аффикса), и синтаксиса [7, 657]. Вернее, транспозицию, трансформацию и синтаксическую деривацию следовало бы именовать *лексикоморфосинтаксической деривацией*, поскольку кроме грамматических средств в этом процессе фигурируют лексемы.

Намек на морфосинтаксичность трансформации встречается в словарной статье у О. С. Ахмановой: «Трансформация – символически выраженные морфосинтаксические соответствия между сходными предложениями и фразами, обнаруживаемые в данном корпусе: *Студент сдал экзамен. Экзамен сдан студентом*» [1, 480]; (ср. чув. *Студент экзамен тытнй. Экзамен тытнй студент. Студент тытнй экзамен*).

По А. Б. Михалеву, трансформационный метод заключается в том, что «все множество (реальных и потенциальных) высказываний данного языка подразделяется на два неравных класса: ядерных и производных конструкций. Вторые можно вывести из первых при помощи специальных правил преобразования и комбинирования – трансформаций. Напр., *Этот фильм о летчиках снят молодым режиссером* – результат трансформации следующих трех ядерных конструкций: 1) *Этот фильм – о летчиках*; 2) *Режиссер снял фильм*; 3) *Режиссер – молод*.

Ядерные предложения и словосочетания – набор элементарных типов предложений и словосочетаний, образующих фундамент синтаксической (вернее: морфосинтаксической. – А. И.) системы языка. Путем ряда преобразований (трансформаций) ядерных предложений и словосочетаний возможно построить разнообразные предложения и словосочетания неограниченной длины. Полученные новые словосочетания и предложения называют трансформами» [4, 43; 185].

Трансформы – языковые единицы, образованные в результате различного рода трансформаций определенной ядерной конструкции. Опираясь на трансформационный метод, чувашское предложение *И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕнчи чăваш филологийĕне культура факультетĕн студентĕсен диплом ёсĕсем* «Дипломные работы студентов факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова» дает следующие трансформы:

- а) *диплом ёсĕсем* «дипломные работы»;
- б) *студентсен диплом ёсĕсем* «дипломные работы студентов»;
- в) *факультет студентĕсен диплом ёсĕсем* «дипломные работы студентов факультета»;
- г) *чăваш филологийĕне культура факультетĕн студентĕсен диплом ёсĕсем* «дипломные работы студентов факультета чувашской филологии и культуры»;
- д) *Чăваш патшалăх университетĕнчи чăваш филологийĕне культура факультетĕн студентĕсен диплом ёсĕсем* «дипломные работы студентов факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета»;
- е) *И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕнчи чăваш филологийĕне культура факультетĕн студентĕсен диплом ёсĕсем* «дипломные работы студентов факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова».

В данном случае процесс расширения (трансформации) идет справа налево, что традиционно называется прогрессивным расширением. Ядерной конструкцией в этом примере является словосочетание *диплом ёсĕсем* «дипломные работы».

Наряду с прогрессивным расширением можно наблюдать регрессивное, тогда трансформация фразы идет слева направо:

- а) *Иван пиччĕшĕ* «брат Ивана»;
- б) *Иван пиччĕшĕн кĕпи* «рубашка брата Ивана»;
- в) *Иван пиччĕшĕн кĕпе шанни* «рукав рубашки брата Ивана»;
- г) *Иван пиччĕшĕн кĕпе шаннин тўми* «пуговица рукава рубашки брата Ивана»;
- д) *Иван пиччĕшĕн кĕпе шаннин тўмин тĕсĕ* «цвет пуговицы рукава рубашки брата Ивана».

Трансформы в пунктах а, б, в, г, д показывают, что расширение осуществляется на морфосинтаксической основе при помощи оформления изафетных конструкций.

Словосочетание в чувашском языке при помощи трансформационного метода может «вырасти» до предложения:

- а) *туйăнакан пулчĕ* «начал казаться»;
- б) *сын пек туйăнакан пулчĕ* «начал казаться человеком»;
- в) *илемлĕ сын пек туйăнакан пулчĕ* «начал казаться красивым человеком»;
- г) *чи илемлĕ сын пек туйăнакан пулчĕ* «начал казаться самым красивым человеком»;
- д) *тĕнчерĕ чи илемлĕ сын пек туйăнакан пулчĕ* «начал казаться самым красивым человеком на свете»;

е) *сут тёнчери чи илемлё сын нек туййанакан пулчё* «начал казаться самым красивым человеком на белом свете»;

ж) *мана сут тёнчери чи илемлё сын нек туййанакан пулчё* «начал казаться мне самым красивым человеком на белом свете»;

з) *въл мана сут тёнчери чи илемлё сын нек туййанакан пулчё* «он начал казаться мне самым красивым человеком на белом свете».

В чувашском языке можно привести множество примеров синтаксической деривации глагольных аналитических конструкций, в особенности деепричастных конструкций с аффиксом *-са (-се)*. Например, конструкция *кйшкърса чупса пырса сиксе хӑпарса ларчӑ* образована при помощи трансформ *кйшкърса чуп, чупса пыр, сиксе хӑпар, хӑпарса лар*; конструкция *савӑнса шӑхӑрса юрласа ячӑ* – результат расширения простых трансформ *савӑнса шӑхӑр, шӑхӑрса юрла, юрласа яр*.

Более того, соединив данные две конструкции с сочинительным союзом *те* «и», можно получить сложную трансформу *кйшкърса чупса пырса сиксе хӑпарса ларчӑ те савӑнса шӑхӑрса юрласа ячӑ*.

Резюме. Синтаксическая (морфосинтаксическая) деривация обозначает процесс образования новых синтаксических единиц путем расширения определенной ядерной конструкции. На анализе примеров обосновано, что любое преобразование одних конструкций в другие осуществляется при помощи трансформационного метода; выявлены два вида расширения: прогрессивное и регрессивное; показано, что сфера действия синтаксической деривации существует в рамках как предложения, так и словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 492 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
4. Михалев, А. Б. Общее языкознание. История языкознания : путеводитель по лингвистике. Конспект-справочник / А. Б. Михалев. – М. : Флинта ; Наука, 2005. – 235 с.
5. Мурзин, Л. Н. Синтаксическая деривация : анализ производных предложений русского языка : пособие по спецкурсу / Л. Н. Мурзин. – Пермь : ПГУ, 1974. – 170 с.
6. Распопов, И. П. Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия / И. П. Распопов, С. Н. Сычева // Науч. докл. высш. школы. Серия филологических наук. – 1974. – № 3. – С. 61–74.
7. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 810 с.
8. Турниязов, Н. К. К вопросу о синтаксической деривации гипотаксиса / Н. К. Турниязов // Сов. тюркология. – 1987. – № 4. – С. 111–115.
9. Храковский, В. С. Трансформация и деривация / В. С. Храковский // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1973. – 599 с.

УДК 371.7-053.5

РОЛЬ АДАПТАЦИИ В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ

THE ROLE OF ADAPTATION IN THE FIRST FORMERS' HEALTH-SAVING

С. Г. Игнатьева

S. G. Ignatyeva

ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. В данной статье описывается важность адаптации школьников к среде обучения, к процессу, являющемуся самым существенным в жизни ребенка. Некоторым первоклассникам удастся приспособиться к школе в течение первых двух месяцев после начала обучения, другим для этого необходимо более длительное время.

Одной из основных причин плохой адаптации детей является ослабленное здоровье школьников. Родители должны регулярно обращаться за консультациями к врачам и другим специалистам, прежде чем ребенок окажется в среде обучения.

Abstract. The given text describes the importance of adaptation process children undergo at school. This process is the most significant in a child's life. Some children of the first form of education manage to adapt within first two months of schooling, others need a more extended period of time. There are also those who need rather long time to undergo adaptation and it also involves a complex of difficulties. The most important reasons for a child's normal adaptation are a low level of professional growth of schoolchildren and health quality. Therefore parents should be prudent and consult medical and other specialists before a child starts schooling.

Ключевые слова: *физиологическая адаптация, психологическая адаптация, социальная адаптация, преемственность.*

Keywords: *physiological adaptation, psychological adaptation, social adaptation, continuity.*

Актуальность исследуемой проблемы. Здоровьесбережение подрастающего поколения является актуальной проблемой современности, важнейшим приоритетом в системе образования. Известно, что качество здоровья детей определяет в целом будущее общества и государства. Тревогу вызывает тот факт, что показатель здоровья детей и подростков в России – один из самых низких в Европе, что свидетельствует о значительном снижении их социальных возможностей. Как отмечает официальная статистика, состояние здоровья школьников за последние 5 лет ухудшилось на 47 %, а к окончанию школы лишь 10 % выпускников относятся к категории здоровых.

Отсюда педагогической задачей, по мнению ученых лаборатории Научного центра охраны здоровья детей РАМН, становится создание здоровьесберегающей среды в образовательном учреждении, включающей не только и не столько оздоровительные медицинские мероприятия, сколько гигиенически рациональные, соответствующие возрасту детей учебные нагрузки, занятия в условиях, отвечающих требованиям санитарных пра-

вил. В целостном учебно-воспитательном процессе необходимо придерживаться принципа учета возрастных и индивидуальных возможностей учащихся. В этом главенствующее положение занимают образовательные технологии, применение которых не нарушает природу ребенка, не вызывает у него психического и физического дискомфорта. По словам профессора Н. К. Смирнова, «здоровьесберегающие образовательные технологии – это системный подход к обучению и воспитанию, построенный на стремлении педагога не нанести ущерб здоровью учащихся» [4, 7].

Проблема здоровьесбережения учащихся особо актуализирована возрастным периодом 6–7 лет, переходом детей из дошкольного образовательного учреждения в первый класс, что требует безболезненной адаптации младшего школьника к условиям начальной школы в целом и к общешкольному режиму в частности.

Материал и методика исследований. Исследование проблем, связанных со здоровьем детей, основывается на совокупности таких методов, как анализ научной литературы и передовой педагогической практики, наблюдение образовательного процесса в системе «детский сад – общеобразовательная школа», собственно педагогический эксперимент.

Так, анализ трудов ученых в области биолого-медицинских (В. Ф. Базарный, М. М. Безруких, И. К. Рапопорт, Н. К. Смирнов), психологических (В. А. Ананьев, В. М. Кабаева, Г. С. Никифоров, В. А. Родионов), педагогических (О. Ф. Алексеева, Л. А. Александрова, Т. Г. Зенкова и др.) наук показывает неразработанность механизмов преемственности в здоровьесбережении детей переходного от дошкольного к первому классу возраста. Также наблюдение за реальной школьной образовательной практикой свидетельствует о недостаточном внимании педагогов к этому периоду адаптации.

Результаты исследований и их обсуждение. Термин «адаптация» имеет латинское происхождение и обозначает приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды. Понятие адаптации непосредственно связано с понятием «готовность ребенка к школе» и включает три составляющие: *адаптацию психологическую, физиологическую и социальную, или личностную*. Все составляющие тесно взаимосвязаны, недостатки формирования любой из них сказываются на успешности обучения, самочувствии и состоянии здоровья первоклассника, его работоспособности, умении взаимодействовать с педагогом, одноклассниками и подчиняться школьным правилам.

Психологическая адаптация ребенка к школе охватывает все стороны детской психики: личностно-мотивационную, волевую, учебно-познавательную.

Личностно-мотивационное отношение к школе и учению: желание (или нежелание) принимать учебную задачу, выполнять задания педагога, то есть учиться.

Принятие учебной задачи: понимание задач, поставленных педагогом; желание их выполнять; стремление к успеху или желание избежать неудачи.

Представления о содержании деятельности и способах ее выполнения: уровень элементарных знаний и умений, сформированных к началу обучения.

Информационное отношение: восприятие, переработка и сохранение разнообразной информации в процессе обучения.

Управление деятельностью: планирование, контроль и оценка собственной деятельности, а также восприимчивость к обучающему воздействию.

В период приспособления ребенка к школе наиболее значимые изменения происходят в его поведении. Как правило, индикатором трудностей адаптации являются такие изменения в поведении, как чрезмерное возбуждение и даже агрессивность или, наоборот, заторможенность, депрессия и чувство страха, нежелание идти в школу. Все изменения в поведении ребенка отражают особенности психологической адаптации к школе.

По степени адаптированности детей можно условно разделить на три группы. *Первая группа* адаптируется в течение первых двух месяцев обучения. Эти дети относительно быстро вливаются в коллектив, осваиваются в школе, приобретают новых друзей. У них почти всегда хорошее настроение, они спокойны, доброжелательны, добросовестны и без видимого напряжения выполняют все требования учителя. Иногда у них все же отмечаются сложности либо в контактах с детьми, либо в отношениях с учителем, так как им еще трудно выполнять все требования правил поведения. Но к концу октября трудности этих детей, как правило, преодолеваются, ребенок полностью приспосабливается и к новому статусу ученика, и к новым требованиям, и к новому режиму.

Вторая группа детей имеет более длительный период адаптации, период несоответствия их поведения требованиям школы затягивается. Они не могут принять новую ситуацию обучения, общения с учителем, детьми. Такие школьники могут играть на уроках, выяснять отношения с товарищем, они не реагируют на замечания учителя или реагируют со слезами, обидами. Как правило, эти дети испытывают трудности и в усвоении учебной программы, лишь к концу первого полугодия их реакции становятся адекватными требованиям школы, учителя.

Третья группа – дети, у которых социально-психологическая адаптация связана со значительными трудностями. У них отмечаются негативные формы поведения, резкое проявление отрицательных эмоций, они с большим трудом усваивают учебные программы. Именно на таких детей чаще всего жалуются учителя: они «мешают» работать в классе.

Процесс **физиологической адаптации** ребенка к школе также можно разделить на несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности и характеризуется различной степенью напряжения функциональных систем организма. Первый этап физиологической адаптации – *ориентировочный*, когда в ответ на весь комплекс новых воздействий, связанных с началом систематического обучения, организм отвечает бурной реакцией и значительным напряжением практически всех систем. Эта «физиологическая буря» длится достаточно долго (две-три недели).

Второй этап – *неустойчивое приспособление*, когда организм ищет и находит какие-то оптимальные варианты, реакции на постороннее воздействие. На первом этапе ни о какой экономии ресурсов организма говорить не приходится. Организм тратит все, что есть, иногда и «в долг берет». Поэтому учителю важно помнить, какую высокую «цену» платит организм каждого ребенка в этот период. На втором этапе эта «цена» снижается. Буря начинает затихать.

Третий этап – *период относительно устойчивого приспособления*, когда организм находит наиболее подходящие варианты реагирования на нагрузку, требующие меньшего напряжения всех систем.

Какую бы работу ни выполнял школьник, будь то умственная работа по усвоению новых знаний, статическая нагрузка, которую испытывает организм при вынужденно сидячей позе, или психологическая нагрузка от общения в большом и разнородном коллективе, организм, вернее, каждая из его систем, должен отреагировать своим напряжением, своей работой. Поэтому чем большее напряжение будет испытывать каждая система, тем больше ресурсов израсходует организм. Но возможности детского организма далеко не безграничны. Длительное напряжение и связанные с ним утомление и переутомление могут стоить организму ребенка здоровья.

Продолжительность всех трех фаз физиологической адаптации составляет приблизительно 5–6 недель, а наиболее сложными являются первая и четвертая недели.

Личностная или социальная адаптация связана с желанием и умением ребенка принять новую роль – школьника и достигается целым рядом условий:

1. Развитие у детей умения слушать, реагировать на действия учителя, планировать свою работу, анализировать полученный результат – то есть умений и способностей, необходимых для успешного обучения в начальной школе.

2. Развитие умения налаживать контакт с другими детьми, выстраивать отношения со взрослыми, быть общительным и интересным для окружающих – то есть умений, позволяющих устанавливать межличностные отношения со сверстниками и педагогами.

3. Формирование умения правильно оценивать свои действия и действия одноклассников, пользоваться простейшими критериями оценки и самооценки.

Важным показателем удовлетворенности ребенка пребыванием в школе выступает его эмоциональное состояние, которое тесно связано с эффективностью учебной деятельности, влияет на усвоение школьных норм поведения, на успешность социальных контактов и, в конечном итоге, на сформированность внутренней позиции школьника.

Обратной стороной адаптации ребенка в начальной школе является проблема школьной дезадаптации. Педагогический диагноз школьной дезадаптации обычно ставится в связи с неуспешностью обучения, нарушениями школьной дисциплины, конфликтами с учителями и одноклассниками. Иногда школьная дезадаптация остается скрытой и от педагогов, и от семьи, ее симптомы могут не сказываться отрицательно на успеваемости и дисциплине ученика, проявляясь в переживаниях или поведении школьника.

Нарушения адаптации выражаются в виде активного протеста (враждебность), пассивного протеста (избегание), тревожности и неуверенности в себе и, так или иначе, влияют на все сферы деятельности ребенка в школе.

Реакция активного протеста проявляется в том, что ребенок непослушен, нарушает дисциплину на уроке, на перемене, ссорится с одноклассниками, мешает им играть, и дети отвергают его. В эмоциональной сфере наблюдаются вспышки раздражения, гнева.

Реакция пассивного протеста выражается в том, что ребенок редко поднимает руку на уроке, требования учителя выполняет формально (не вдумываясь в смысл того, что делает), на перемене пассивен, предпочитает находиться один, не проявляет интереса к коллективным играм. У него преобладает подавленное настроение, страхи.

Реакция тревожности и неуверенности наблюдается в том, что ребенок пассивен на уроке, при ответах наблюдается напряженность, скованность, на перемене он не может найти себе занятие, предпочитает находиться рядом с детьми, но не вступает с ними в контакт. Он, как правило, тревожен, часто плачет, краснеет, теряется даже при малейшем замечании учителя. Иногда выражение реакции тревожности сопровождается тиками, заиканием, а также учащением соматических заболеваний (головная боль, тошнота, ощущение усталости и т. п.).

Сроки адаптации первоклассников могут быть различными. Обычно устойчивая приспособляемость к школе достигается в первом учебном полугодии. Однако нередки случаи, когда этот процесс не завершается на протяжении всего первого года. У детей сохраняется низкая работоспособность, отмечается плохая успеваемость. Такие школьники быстро утомляются. К концу учебного года у них нередко выявляются ухудшения в состоянии здоровья, которые чаще всего проявляются в нарушениях со стороны нервной и сердечно-сосудистой систем.

Одним из факторов, препятствующих нормальной адаптации ребенка, является недостаточный уровень школьной зрелости. Частично отставание в развитии ребенка может быть связано и с состоянием его здоровья. Первоклассники, имеющие те или иные отклонения в состоянии здоровья, перенесшие тяжелые инфекционные заболевания, получившие травматические повреждения на протяжении последнего перед учебной года, труднее приспособляются к требованиям школы.

Правы те родители, которые поступают предусмотрительно, начиная с ребенком задолго до 1 сентября посещать врачей-специалистов, проводить тщательные обследования, консультироваться у психологов, опытных педагогов. И делается все это не ради «галочки», не ради документа, если родители действительно заботятся об оздоровлении ребенка перед школой, облегчая ему тем самым адаптацию в первый год обучения. Ребенок в этом случае быстрее и с меньшим напряжением справляется с трудностями начала школьного обучения и может лучше учиться.

Резюме. Решение проблемы здоровьесбережения первоклассников обусловливается реализацией преемственности в воспитании и обучении дошкольников и младших школьников, что обеспечивает им безболезненную адаптацию. Тем самым создаются условия для эффективности образовательного процесса и, что особенно важно, его направленности на повышение качества жизни детей младшего школьного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова, Л. Е.* Здоровый ребенок – хороший ученик! / Л. Е. Борисова // Начальная школа. – 2000. – № 9. – С. 97–99.
2. *Головей, Л.* Развитие личности ребенка от семи до одиннадцати / Л. Головей. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 640 с.
3. *Каган, В. Е.* Психогенные формы школьной дезадаптации / В. Е. Каган // Вопросы психологии. – 2008. – № 4. – С. 89–95.
4. *Смирнов, Н. К.* Здоровьесберегающие образовательные технологии в работе учителя и школы / Н. К. Смирнов. – М. : АРКТИ, 2003. – 272 с.

УДК 37.035+376.2+376.3

**ДИАГНОСТИКА РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ
ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ***

**DIAGNOSTICS OF SOCIAL EDUCATION RESULTS OF CHILDREN
AND ADOLESCENTS WITH THE LIMITED POSSIBILITIES OF HEALTH**

Л. А. Казакова

L. A. Kazakova

*ГОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический
университет имени И. Н. Ульянова», г. Ульяновск*

Аннотация. В статье описаны особенности социального развития детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья, представлены результаты диагностики, свидетельствующие об изменениях показателей обособленности в условиях дифференцированной воспитательной среды. Показано, что целенаправленная воспитательная деятельность способствует формированию и развитию у человека с ограниченными возможностями здоровья навыков самостоятельной и независимой жизни, смысловых ориентаций, появлению положительной Я-концепции.

Abstract. Features of social development of children and adolescents with the limited possibilities of health are described in the article. The results of diagnostics testifying changes of indicators of isolation in the conditions of the differentiated educational environment are presented. It is shown that purposeful educational activity promotes formation and development in the person with the limited possibilities of health skills of independent life, life **purpose** orientations, positive I-conception.

Ключевые слова: социализация, социальная адаптация, обособление, социальное воспитание, дети и подростки с ограниченными возможностями здоровья.

Keywords: socialisation, social adaptation, isolation, social education, children and adolescents with the limited possibilities of health.

Актуальность исследуемой проблемы. В условиях современного российского общества, для которого характерны быстрые политические, экономические и социальные изменения, появляются новые варианты социализационных норм, формируется новый тип личности, трансформируются ценности, идеалы, нормы [2].

Начиная с 1990-х годов в бывшем Советском Союзе, а в настоящее время и в Российской Федерации, люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) рассматриваются как равноправные члены общества, поэтому к ним предъявляются такие же требования, что и к здоровым людям. Следовательно, людям с ОВЗ свойственны анало-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №08-06-00348а «Социальное воспитание детей и подростков с ограниченными возможностями»

гичные со здоровыми, а также отличные от них, варианты индивидуального социального развития. Это обуславливает необходимость научного психолого-педагогического исследования особенностей социализации человека с ОВЗ.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «социализация – это развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, что происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах» [3, 21].

Составляющими процесса социализации являются социальная адаптация и обособление. По нашему мнению, сущность социальной адаптации человека с ОВЗ заключается в принятии, усвоении и воспроизводстве им правил поведения, норм, ценностей, установок, характерных для современного общества здоровых людей. Проблемы адаптации связаны с тем, что людям с ОВЗ сложно усвоить нормы и правила поведения из-за наличия нарушений, отсутствия примеров со стороны взрослых, невозможности совместного общения в реальных ситуациях. Часто адаптация человека с ОВЗ протекает в закрытых условиях, и формируются правила, ценности, установки, непохожие на общественные.

Мы считаем, что обособление человека с ОВЗ предполагает: наличие потребности человека иметь собственные взгляды, привязанности, потребности самостоятельно решать касающиеся его вопросы, противостоять сложным жизненным ситуациям; развитие индивидуальных качеств личности и возможность самореализации в окружающей действительности [3, 221].

Результатом обособления человека с ограниченными возможностями является обособленность.

Социальное развитие человека с ОВЗ протекает не только при взаимодействии со стихийными факторами, а также при взаимодействии с целенаправленно создаваемыми условиями для разностороннего развития человека. Процесс такого целенаправленного развития получил название социального воспитания. Социальное воспитание как общественное явление и педагогическая категория рассматривается с позиции субъект-объектного и субъект-субъектного подходов [2, 3]. Под социальным воспитанием в субъект-субъектном подходе понимается относительно осмысленное и целенаправленное взращивание человека, более или менее последовательно способствующее адаптации человека в обществе и создающее условия для его обособления в соответствии со спецификой целей групп и организаций, в которых оно осуществляется [3], а также как намеренное формирование свойств общечеловеческого поведения и определенного типа личности, усвоившей социальный опыт жизни в конкретном обществе, способной активно участвовать в продуктивной деятельности и взаимодействии с другими людьми [1, 15].

Мы определяем социальное воспитание детей и подростков с ОВЗ как создание условий для их полноценного и разностороннего развития. Целью социального воспитания детей и подростков с ОВЗ является предупреждение проявлений личностной недостаточности и формирование готовности и способности к относительно независимой жизни.

Материал и методика исследований. В исследовании принимали участие дети и подростки с ОВЗ в возрасте от 10 до 14 лет, страдающие детским церебральным параличом и не имеющие интеллектуальных нарушений; численность их составила 100 человек. Констатирующий эксперимент проводился в 2008 году, формирующий – в 2009

году. Для изучения обособленности человека с ОВЗ использовался метод тестирования: тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой), тест «Цели в жизни» (тест жизнестойкости С. Мадди), тест смысловых ориентаций, методика социализированности (М. И. Рожков); также применялись методы анкетирования, интервьюирования, наблюдения, беседы. Все полученные данные обрабатывались с помощью методов математической статистики.

Результаты исследований и их обсуждение. Нам представляется, что человека с ОВЗ можно охарактеризовать как обособленного, если он в той или иной мере обладает всеми нижеперечисленными признаками обособленности, такими как:

- наличие и характер социальной активности;
- наличие и характер автономности;
- наличие и характер смысловых ориентаций;
- жизнестойкость как самостоятельное личностное образование;
- наличие и характер Я-концепции.

Рассмотрим каждый из признаков обособленности детей и подростков с ОВЗ подробнее.

Социальная активность предполагает активное, заинтересованное вмешательство человека в жизнь общества. Социальная активность человека с ОВЗ рассматривается как активное, целенаправленное, постоянное взаимодействие с людьми, социальными группами, общественными и государственными организациями, в котором человек реализует свои потенциальные возможности и проявляет себя как субъект общественных отношений. Социальная активность имеет ярко выраженную просоциальную направленность и характеризует взаимодействие человека с ОВЗ с определенным кругом субъектов.

Социальная активность ребенка (подростка) с ОВЗ детерминирована возрастными и индивидуальными поведенческими особенностями, характером и тяжестью нарушения, имеющейся сетью социальных контактов. Ближайшее окружение (родители, сиблинги, соседи) влияет на первичное установление контактов детьми и подростками с ОВЗ, определяя в дальнейшем их окружение. Чем менее активен человек с ОВЗ, тем круг его контактов меньше по объему и представительству.

На констатирующем этапе эксперимента низкий уровень социальной активности зафиксирован у 56 % детей и подростков с ОВЗ, средний уровень – у 36 %, высокий уровень – у 8 %.

На формирующем этапе эксперимента ситуация изменилась (диаграмма 1). Увеличилось число детей и подростков с ОВЗ с высоким и средним уровнем социальной активности, уменьшилось количество детей с низкими значениями показателя социальной активности. Такое перераспределение объясняется следующим: дети и подростки с ОВЗ на базе социально-реабилитационного центра включались в социально активные виды деятельности, например, участвовали в социальных проектах и представляли их на областном и городском уровнях. Это предполагало взаимодействие с большим количеством людей: со сверстниками (здоровыми и с нарушениями физического и психического развития) и со специалистами учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты, что и отразилось положительно на изменении социальной активности изучаемой категории детей и подростков.

Диаграмма 1

Одним из показателей социализированности детей и подростков с ОВЗ является *автономность* (диаграмма 2).

Диаграмма 2

В 2008 году низкий уровень автономности мы обнаружили у 64 % детей и подростков с ОВЗ, средний – у 32 %, высокий уровень – у 4 %. На этапе формирующего эксперимента была зафиксирована положительная динамика, заключающаяся в уменьшении числа детей и подростков с низким уровнем автономности и в увеличении количества детей и подростков с ДЦП со средними и высокими показателями автономности. Специально подготовленная и регулярно проводимая воспитательная работа, направленная на формирование социально важных навыков, активизирует жизненный потенциал человека с ОВЗ, способствует раскрытию его индивидуальных возможностей, применению умений и навыков в предметно-практической и интеллектуальной деятельности для собственного блага и блага семьи.

Автономность человека с ограниченными возможностями здоровья, по нашему мнению, предполагает развитие самостоятельности и независимости в различных сферах жизнедеятельности и способствует преодолению таких видов социальной недостаточности, как экономическая, профессиональная и образовательная.

Одним из показателей обособленности человека к условиям жизнедеятельности является *наличие и характер смысловых ориентаций*. Для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья на этапе констатирующего эксперимента были характерны:

- низкий общий показатель осмысленности жизни, в среднем он не превышал $49 \pm 3,5$ баллов, что в 2,7 раза ниже, чем у их здоровых сверстников;
- целевой компонент жизни оценивался как неважный, отсутствовала направленность на временную перспективу;
- дети и подростки с ОВЗ свою жизнь оценивали как эмоционально ненасыщенную и неинтересную, в редких случаях встречалось противоположное мнение;
- шкала «результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией» показала, что дети и подростки с ОВЗ до проведения экспериментальной работы мало задумывались о результатах пройденного отрезка жизни, не понимали часто, о чем идет речь;
- по шкалам «локус контроля-Я» и «локус контроля-жизнь» дети и подростки с ОВЗ получили средние и низкие баллы, что можно охарактеризовать как наличие сформированной неактивной позиции, неверие в свои собственные силы контролировать жизненный процесс.

После проведения формирующего эксперимента у детей и подростков с ОВЗ изменились характеристики осмысленности жизни, положительная динамика наблюдалась по таким шкалам, как «цели в жизни», «интерес и эмоциональная насыщенность жизни», «удовлетворенность самореализацией», что демонстрирует появление самых простых целей в жизни («получить среднее образование», «создать семью» и т. д.). За счет появления целей дети и подростки с ОВЗ начинают строить ближайшую перспективу, а также оценивать степень приближения к искомой цели. Естественно, в силу имеющихся первичных и вторичных нарушений эти процессы не являются постоянными и за столь короткий срок не могут быть еще довольно устойчивыми, но определенный положительный результат нами достигнут.

Сложнее шла работа по коррекции отношения к жизни и возможности ее управления: по шкалам «локус контроля-Я» и «локус контроля-жизнь» нам не удалось пока достичь положительной динамики, так как диагностика показала стабильность полученных на констатирующем этапе эксперимента данных.

Исследование *жизнестойкости* человека с ОВЗ показало, что уровень общей жизнестойкости на констатирующем этапе эксперимента оказался ниже среднего, в структуре жизнестойкости полностью отсутствовала шкала «принятие риска», показатели шкал «вовлеченность» и «контроль» свидетельствовали о неразвитости поведенческих реакций, отсутствии желания решать собственные проблемы и умения выходить из сложных кризисных ситуаций. После проведения формирующего эксперимента общий уровень жизнестойкости остался на низком уровне у 60 % детей и подростков с ОВЗ и только у 40 % показатель общей жизнестойкости находился на среднем уровне. Это связано с изменением ситуации личностного и социального развития, расширением зоны социальных контактов, применением новых форм взаимодействия

с детьми и подростками с ОВЗ, в том числе за счет усиления реальных практических социальных практик.

Проведение теста «Кто я?» продемонстрировало, что среди детей и подростков с ОВЗ можно выделить 2 неравные по численности группы: для одних характерна положительная Я-концепция (таких оказалось меньшинство – 15% опрошенных), для других – отрицательная Я-концепция (таких оказалось большинство – 85 %).

Для более детальной характеристики Я-концепции дополнительно использовался анкетный метод. По данным анкет, на вопрос «Нравишься ли ты себе?» получено 80 % отрицательных ответов без объяснения причин. При ответе на второй вопрос «Есть ли у тебя недостатки?» среди недостатков были названы: невзрачная внешность, отсутствие друзей, болезнь, лень, нежелание учиться и др. При ответе на вопросы «Многое ли ты в себе хотел бы изменить? С чем это связано?» только 20 % респондентов высказало желание изменить себя, конкретные предложения встречались в ответах лишь нескольких из них. Среди причин изменений были предложены следующие варианты: для себя, для семьи (родителей), хочу быть лучше, хочу быть не похожим на других.

Отношение к другим определялось как отношение к значимым близким: родителям и педагогам, постоянно в течение нескольких лет работающих с детьми и подростками изучаемой группы. Используя метод наблюдения за поведением, а также из бесед с детьми и подростками мы выявили: отношение к значимым близким не всегда адекватно, носит ситуативный характер, эмоциональная окраска изменяется мгновенно при малейшем нажиме с внешней стороны. Более значимыми являются родители (зачастую мать или бабушка), с которыми ребенок проводит большую часть времени. По отношению к ним ребенок спокоен, ласков, услужлив, коммуникативно открыт.

При этом необходимо заметить, что отношения между значимыми взрослыми и детьми и подростками с ДЦП взаимозависимы. Если в семье присутствует непонимание и невосприятие ребенка или подростка с дефектами в физическом или психическом развитии как полноценной личности, отсутствует помощь в самоопределении и саморазвитии, то и отношение ребенка или подростка к родителям будет резко отрицательным.

При взаимоотношениях с педагогами ведущим фактором является личная симпатия, на втором по значимости месте стоит моральная и физическая помощь в развитии и жизненном самоопределении.

Группа сверстников является менее референтно значимой, чем родители и педагоги. Оценивается в первую очередь состояние здоровья сверстника. Со здоровыми сверстниками реже устанавливаются контакты из-за замкнутости круга общения, так как здоровые сверстники не очень часто попадают в пересекающиеся с аномальными детьми и подростками компании: образование тех и других осуществляется в отдельных учебных заведениях, инвалиды часто не покидают стен своего дома, общаясь с родителями, педагогами и врачами. Кроме того, желание помочь и добрые человеческие чувства здоровых сверстников к детям и подросткам с особыми образовательными потребностями встречаются в 3–4 случаях из 100. Это проблема, на наш взгляд, проистекает из отсутствия культуры общения, замкнутости каждого отдельного человека в себе.

Неоднозначные ответы были получены на вопрос «Хотел бы я иметь друга не такого, как я?» – 70 % респондентов ответили «Нет», так как боятся оказаться предметом на-

смешек и непонимания. Остальные 30 % распределились примерно поровну между желанием найти друга среди здоровых сверстников и индифферентным отношением («лучше остаться одному» или «все равно»).

Со сверстниками, имеющими нарушения в состоянии здоровья, контакты устанавливаются чаще. Сближают, на наш взгляд, эмоциональное переживание болезни, восприятие больного сверстника как «такого же, как я», возможность чаще видеться и говорить на «интересные темы для обоих». Хотя мы нередко наблюдали ситуации отчуждения между лицами с интеллектуальными нарушениями и ДЦП из-за отсутствия общего удовлетворения общением, однообразия тем и переживаемых ситуаций успеха и неудач.

После проведения формирующего эксперимента характер Я-концепции детей и подростков с ОВЗ изменился. Положительная Я-концепция стала характерна для 45 % обследованных, отрицательная Я-концепция осталась у 55 % детей и подростков.

Резюме. В заключение приведем несколько выводов:

1. Социальное воспитание детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья является полноценным механизмом формирования социально значимых качеств и свойств личности, характеризующих обособление;

2. «Оранжевые» условия, создаваемые в учебных заведениях, не отражают всю полноту отношений и особенностей реального мира, что требует пересмотра содержания социального воспитания детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья в условиях специальной (коррекционной) школы и социально-реабилитационного центра;

3. Результаты социального воспитания детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья, характеризующие обособленность, свидетельствуют об активном формировании социальной активности и автономности в возрасте от 10 до 14 лет, о появлении смысловых ориентаций и соответствующих им ближайших и средних целей. Для детей и подростков с ОВЗ характерна положительная и отрицательная Я-концепции. Жизнестойкость как самостоятельное личностное образование находится в этом возрасте в состоянии становления, что требует от педагога-воспитателя, организующего и осуществляющего социальное воспитание, создания комфортного воспитательного пространства и реализацию совместной деятельности с детьми и подростками с ОВЗ, в ходе которой и формируется жизнестойкость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенкина, Л. К. Основы социальной педагогики. Основные понятия социальной педагогики / Л. К. Гребенкина, Н. В. Жокина // Классный руководитель. – 1998. – № 6. – С. 15–25.
2. Ковалева, А. И. **Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория** / А. И. Ковалева // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 109–115.
3. Мудрик, А. В. Социальная педагогика / А. В. Мудрик. – М. : Издательский центр «Академия», 2000. – 304 с.

УДК 94(470.344)«1918/1919»

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО НАЛОГА 1918 г.
(по материалам Чувашии)**

**SOCIAL STRUCTURE OF PAYERS
OF THE EXTRAORDINARY REVOLUTIONARY TAX OF 1918
(based on materials collected in Chuvashia)**

Е. В. Касимов

E. V. Kasimov

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Установлено, что на территории Чувашии в 1918–1919 гг., несмотря на проводимую советской властью ярко выраженную классовую политику, единовременным чрезвычайным революционным налогом были обложены самые широкие слои сельского населения, включая бедноту и маломощных середняков.

Abstract. It has been established that in the territory of Chuvashia in 1918–1919 the great masses of agricultural population, including poor and low-power peasants, were levied by the single extraordinary revolutionary tax on, despite the strongly pronounced class policy carried out by the Soviet authorities.

Ключевые слова: *крестьянство, Чувашия, Гражданская война, чрезвычайный революционный налог.*

Keywords: *the peasantry, Chuvashia, civil war, extraordinary revolutionary tax.*

Актуальность исследуемой проблемы. В результате Октябрьской революции 1917 г. власть оказалась в руках партии большевиков, которые возвели коммунистические идеи в ранг государственной идеологии. Одной из характерных черт этой идеологии было резкое неприятие всех форм эксплуатации человека человеком. Соответственно, все «эксплуататорские и паразитические классы» априори рассматривались как враги – прямые или потенциальные. Начавшаяся весной 1918 г. Гражданская война ознаменовалась непримиримым противостоянием различных политических сил и потребовала от новой власти мобилизации всех финансовых и материальных ресурсов, что неминуемо вело к «войне на экономическом фронте». Ее проявлением стал чрезвычайный революционный налог – фактически узаконенная в государственном масштабе контрибуция.

Отдельные аспекты истории кампании по сбору чрезвычайного налога 1918 г. нашли отражение в трудах В. В. Кондрашина, О. И. Марискина, Е. И. Медведева, Т. В. Осиповой, М. С. Френкина, К. В. Харченко и др., посвященных истории советского крестьянства в годы Гражданской войны. Что же касается истории Чувашии, то данный вопрос относится к числу наименее изученных. О революционном налоге лишь вскользь упоминается в отдельных работах В. Д. Димитриева, Я. К. Павлова, И. Е. Петрова, причем в приводимом ими фактическом материале нередко содержатся неточности, а концептуальные оценки авторов безнадежно устарели.

Целью нашей работы явилось обоснование положения, что на территории Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов, составивших в 1920 г. большую часть новообразованной Чувашской автономной области, кампания по взиманию чрезвычайного революционного налога 1918 г. затронула не только зажиточные, но и беднейшие слои города и деревни.

Материал и методика исследований. Материалом для написания статьи послужили данные Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР): губернские и уездные инструкции и телеграммы по проведению кампании; поселенные и поволостные списки плательщиков налога; протоколы заседаний сельских налоговых комиссий и комитетов бедноты об обложении чрезвычайным налогом, а также волостных и уездных комиссий по рассмотрению жалоб на неправомерное обложение; судебные дела, возбужденные в отношении «злостных неплательщиков». В основу исследования перечисленных исторических источников был положен статистический анализ документов в сочетании с принципами объективности и системности.

Результаты исследований и их обсуждение. Декрет ВЦИК и СНК о введении единовременного чрезвычайного революционного налога был принят 30 октября 1918 г. В нем предписывалось «обложить имущие группы городского и деревенского населения повсеместным единовременным налогом в сумме 10 000 000 000 (десяти миллиардов) рублей», причем раскладку налога произвести таким образом, чтобы «городская и деревенская беднота были совершенно освобождены от единовременного имущественного налога, средние слои были обложены лишь небольшими ставками, а всей своей тяжестью налог пал на богатую часть городского населения и богатых крестьян» [14, 466–467].

Чрезвычайный налог носил откровенно конфискационный характер и отличался ярко выраженной классовой направленностью. Эти особенности прослеживаются во многих документах, связанных со сбором налога. Так, Казанская губернская по чрезвычайному налогу комиссия акцентировала внимание на том, что «основная задача налога – немедленно и целиком взять у паразитических и контрреволюционных элементов населения и обратить на неотложные нужды революционного строительства и борьбы средства наживы путем хищнической спекуляции предметами первой необходимости, поэтому при определении суммы чрезвычайного налога, которая должна пасть на отдельных лиц, не следует считаться с тем, взыскивалась ли с данного лица контрибуция или нет, и в каком размере» [5, 42 об.]. Ядринский уездный исполком 14 декабря 1918 г. направил председателям волостных комбедов секретное отношение о раскладке налога со следующим предложением: «Многие кулаки и спекулянты, на которых наложен ре-

волюционный налог, отказываются платить таковой, мотивируя неимением средств. Ввиду того, что уездной комиссией суммы, разложенные по волостям, не могут быть изменены, то предлагайте этим кулакам указывать на других лиц, которых можно облагать. Но это не должно давать им возможности избавиться от налога. Кулаки этим могут вам привлечь как можно больше народу к несению налога. Если окажется, что таким образом вы соберете больше, то не смущайтесь этим, потому что чем больше соберете с богачей, тем меньше придется платить бедноте уездных сборов» [13, 24–24 об.]. Таким образом, введение чрезвычайного революционного налога помимо финансовой задачи – пополнения скудных денежных ресурсов государственной казны – преследовало цель борьбы с имущими слоями населения, или «экспроприацию накопленных эксплуататорских слоев».

Всего на Казанскую губернию в ноябре 1918 г. в счет чрезвычайного налога было наложено задание в размере 200 млн руб., в том числе: на Цивильский уезд – 15 млн руб., на Чебоксарский – 10 млн руб., на Ядринский уезд – 13 млн руб. Однако уже в декабре размер налога по губернии и уездам был понижен примерно на 40 %: населению Казанской губернии подлежало уплатить 125 млн руб., из них: Цивильскому уезду – 9326,0 тыс. руб., Чебоксарскому – 6219,0 тыс. руб., Ядринскому – 7580,0 тыс. руб. [2, 61], [3, 4], [5, 33], [12, 10]. То есть руководство страны прекрасно осознавало нереальность спускаемых на места заданий по сбору налога. О невозможности выполнения плановых цифр много говорилось и на низших уровнях власти – на заседаниях сельских, волостных, уездных Советов и налоговых комиссий, а также на крестьянских сходах.

Сельские налоговые комиссии и комитеты бедноты, в первую очередь отвечавшие за разверстание суммы налога по отдельным гражданам, зачастую единодушно констатировали отсутствие в их селении кулаков, богатых домохозяев, спекулянтов и т. п. и обращались в вышестоящие органы с ходатайствами сложить с общества налог. В других случаях сообщалось, что наложенные на селение платежи слишком велики и налоговые комиссии поэтому «нашли возможность» обложить лишь столько-то домохозяев на гораздо меньшую сумму. Подобные заявления и акты за декабрь 1918 – первую половину 1919 г. о том, что чрезвычайный революционный налог накладывать в селении не на кого, в большом количестве сохранились в фондах ГИА ЧР.

В этих условиях вынужденные принимать все меры к выполнению спущенных сверху заданий волостные и уездные налоговые комиссии, несмотря на протесты, кардинально пересматривали списки плательщиков налога, составленные сельскими комитетами, расширяя число граждан, привлеченных к обложению, и резко повышая задания по уплате налога. Так, на Елманчинское общество Новомамеевской волости Цивильского уезда первоначально было наложено налога 69 536 руб., из которых комбед, как указывалось, «еле распределил 57 000 руб.», но в январе 1919 г. в сельсовет пришло новое извещение – об уплате уже 187 600 руб. [9, 80 об.].

В итоге повсеместно происходило расширение состава налогоплательщиков как за счет маломощных середняков, так и бедняцкой части деревни. Об этом свидетельствует огромный поток жалоб на неправильное обложение, обрушившихся на уездные налоговые комиссии. Например, в Чебоксарском уезде количество заявлений было так велико (в Чебоксарской волости, по нашим подсчетам, с жалобами обратились 3/4

всех обложенных чрезвычайным налогом), что уездная налоговая комиссия в течение февраля – марта 1919 г. сумела разобрать жалобы лишь по г. Чебоксарам и 6 волостям. При этом рассмотрение 1445 жалоб по Акулевской, Богородской, Никольской, Тогашевской, Чебоксарской и Яндашевской волостям дало следующие результаты: в 453 случаях (31,3 %) было принято решение о полном сложении налога, по 364 заявлениям (25,2 %) снижена ставка налога, 595 ходатайств (41,2 %) отклонены, в 31 случае (2,1 %) повышена ставка и 2 налогоплательщика (0,1 %) были исключены из списков из-за двойного привлечения к обложению по разным спискам [1, 24–65]. Разбор ходатайств налогоплательщиков других волостей был отложен «до возвращения из командировки отрядов, посланных для взыскания налога» [1, 67], и, по имеющейся в нашем распоряжении информации, вообще не был проведен, за исключением отдельных граждан.

Массовое крестьянское движение, развернувшееся весной 1919 г. в стране, и прежде всего «чапанная война» в Среднем Поволжье, привело к переосмыслению советской политики по отношению к крестьянству, что нашло отражение в резолюциях VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.). В принятом вскоре декрете ВЦИК от 9 апреля 1919 г. «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного революционного налога» руководство страны, сделав определенные оговорки, все же официально констатировало, что часть крестьян «местные раскладочные комиссии ошибочно отнесли... к средним крестьянам, а не к бедноте, вовсе освобождаемой по декрету от чрезвычайного налога». Категории сельского населения, освобождаемые от уплаты налога или получившие льготы, были декретом расширены.

Хотя списки налогоплательщиков были пересмотрены и со многих крестьян налог был полностью сложен, было бы совершенно неправильно думать, что практика взимания налога с беднейших категорий населения прекратилась. В качестве иллюстрации приведем лишь один крайне показательный факт. В Хормалинской волости Цивильского уезда 1 октября 1919 г. волостная комиссия утвердила вторую, исправленную, разверстку налога по селениям. Несмотря на то, что суммарный налог с волости был понижен с 1,0 млн руб. до 700,0 тыс. руб., комиссия смогла разложить лишь 470,8 тыс. руб., возбудив перед уездной комиссией ходатайство о сложении оставшихся 229,2 тыс. руб. с волости [7, 2]. Благодаря применению льгот из состава плательщиков, по сравнению с первой разверсткой, были исключены 57 бедняков. Тем не менее, как видно из таблицы 1 [7, 3–12], согласно списку плательщиков налога, составленному на основе данных сельских налоговых комиссий и проверенному, уточненному и утвержденному волостной комиссией, подавляющее большинство плательщиков налога, как и раньше, принадлежало к категории бедняков и маломощных середняков. Размер налога на бедняков составлял в большинстве случаев 500 руб., на крестьян с достатком «ниже среднего» – 800–1000 руб., на середняков – 1500 руб. То есть из 457 человек, привлеченных по второй разверстке к уплате налога по волости (без данных по с. Новое Чурашево и д. Новый Околоток, не представивших сведения о социальном составе обложенных налогом лиц), более 85 % (390 человек) плательщиков налога по Хормалинской волости согласно законодательству ни в коей мере не подлежали обложению.

Таблица 1

**Социальный состав плательщиков чрезвычайного революционного налога
по Хормалинской волости по второй разверстке (на 1 октября 1919 г.)**

Селение	Бедняки	Ниже среднего	Средняки	Выше среднего	Итого
с. Хормалы	44	35	16	–	95
д. Айбечи	27	4	4	–	35
д. Андриюшево	2	12	6	1	22
д. Асаново	73	34	1	–	108
д. Вудоялы	69	12	7	–	88
с. Климово	21	7	17	–	45
д. Нижнее Кляшево	4	13	5	1	23
д. Сив-Сирма	5	1	1	–	7
д. Сирикли	3	6	–	–	9
д. Тойси-Паразуси	–	13	7	–	20
д. Яндоба	1	4	1	–	6
Итого	249	141	65	2	457

Похожая ситуация сложилась и в других волостях Цивильского уезда, на что указывает большое количество крестьян, обратившихся в уездную налоговую комиссию с заявлениями о неправильном обложении чрезвычайным налогом. Данная комиссия в октябре 1919 г. утвердила поволостные списки плательщиков налога, а с ноября приступила к рассмотрению жалоб. Согласно докладу отдела финансов VII Цивильскому уездному съезду Советов всего к лету 1920 г. на неправильное обложение революционным налогом поступило около 1200 жалоб плательщиков, из которых было рассмотрено более 500 [10, 4 об.]. По выявленным нами материалам, на восьми заседаниях с ноября 1919 г. по июнь 1920 г. было рассмотрено 525 заявлений о неправильном обложении налогом. В результате 182 жалобы (34,7 %) были отклонены по причинам зажиточности домохозяев, занятия их торговлей, наличия доходов от промыслов или поскольку ранее уже была предоставлена льгота по налогу в соответствии с декретом от 9 апреля 1919 г. В 13 случаях (2,5 %) комиссия приняла решение запросить дополнительные сведения у военкомата, волостных и сельских комиссий. В 62 случаях (11,8 %) оклад налога был уменьшен согласно декрету ВЦИК от 9 апреля 1919 г. По результатам же рассмотрения 268 заявлений (51,0 %) налог был сложен полностью, в том числе: в 124 случаях (46,3 %) – из-за несостоятельности (неработоспособности) плательщиков, в 42 (15,7 %) – как середнякам, в 20 случаях (7,5 %) – как беднякам и т. д. [6, 29–37], [11, 1–17].

Еще одним доказательством повсеместного игнорирования существовавшего законодательства может служить тот факт, что сотни неплательщиков налога, жалобы которых не удовлетворили налоговые комиссии, были впоследствии оправданы судеб-

ными органами. Согласно докладом налогового инструктора подотдела прямых налогов и пошлин финансового отдела Чебоксарского уездного исполкома Советов Н. Задворнова, принимавшего участие в качестве представителя от отдела финансов в рассмотрении дел о злостных неплательщиках налога на заседаниях народного суда 5-го участка Чебоксарского уезда 11 и 12 декабря 1919 г., из 43 человек, привлеченных к суду по Помьяльской волости, лишь 3 были признаны судом упорствующими неплательщиками, а 40 оправданы с возбуждением ходатайства перед финансовым отделом о рассрочках и полном освобождении от налога; на заседании нарсуда 4-го участка 10 июня 1920 г. все 10 неплательщиков налога по Покровской волости были судом оправданы с возбуждением ходатайства перед финансовым отделом о полном освобождении от налога [4, 1–19]. В Цивильском уезде на заседании нарсуда 1-го участка, состоявшемся 29 ноября 1919 г., были оправданы все 8 человек, обвинявшиеся в злостном нежелании уплатить чрезвычайный налог [8, 8].

Резюме. Приведенные выше факты позволяют сделать вывод о том, что чрезвычайным революционным налогом в годы Гражданской войны были обложены все мало-мальски платежеспособные слои сельского населения. Именно поэтому кампания по сбору чрезвычайного налога явилась одним из факторов, обостривших в 1919 г. политическую ситуацию в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. Р–7. – Оп. 1. – Д. 34.
2. ГИА ЧР. – Ф. Р–7. – Оп. 1. – Д. 43.
3. ГИА ЧР. – Ф. Р–43. – Оп. 1. – Д. 4.
4. ГИА ЧР. – Ф. Р–54. – Оп. 1. – Д. 23.
5. ГИА ЧР. – Ф. Р–157. – Оп. 1. – Д. 4.
6. ГИА ЧР. – Ф. Р–157. – Оп. 1. – Д. 882.
7. ГИА ЧР. – Ф. Р–157. – Оп. 1. – Д. 888.
8. ГИА ЧР. – Ф. Р–157. – Оп. 1. – Д. 986.
9. ГИА ЧР. – Ф. Р–157. – Оп. 1. – Д. 993.
10. ГИА ЧР. – Ф. Р–157. – Оп. 1. – Д. 1468.
11. ГИА ЧР. – Ф. Р–157. – Оп. 1. – Д. 1473.
12. ГИА ЧР. – Ф. Р–238. – Оп. 1. – Д. 202.
13. ГИА ЧР. – Ф. Р–404. – Оп. 1. – Д. 25.
14. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М. : Политиздат, 1964. – 664 с.

УДК 373.5.035

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ
ВО ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION
OF SOCIAL ACTIVITY OF YOUNGER TEENAGERS
IN EXTRACURRICULAR ACTIVITY**

Т. В. Копытова

T. V. Kopytova

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье анализируются основные аспекты формирования социальной активности младших подростков, представлены материалы экспериментальной работы по формированию исследуемого качества и доказывается ее эффективность.

Abstract. In the given article the basic aspects of formation of social activity of younger teenagers in extracurricular activity are analyzed, materials of experimental work on the formation of social activity are presented and its efficiency is proved.

Ключевые слова: *социальная активность, педагогика, личность, деятельность.*

Keywords: *social activity, pedagogics, personality, activity.*

Актуальность исследуемой проблемы. Современные реалии российского общества таковы, что образование является неотъемлемой частью жизни каждого его члена, причем чаще всего на всем ее протяжении. То же относится и к любому индивиду, проживающему на территории страны, входящей в мировое сообщество. Вследствие того, что образование является процессом, осуществляемым в интересах человека, общества и государства, его содержание и организация подчиняются системе обязательных требований, существование которых изначально обусловлено высокой социальной значимостью данного явления. Очевидно, что такие требования, закрепленные документально, выражают потребность общества и государства в решении актуальных проблем, стоящих перед ними в данный момент времени.

В соответствии со статьей 14 Закона Российской Федерации «Об образовании» (1992) содержание образования в нашей стране должно обеспечивать «формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества». Наличие такого положения в официальном российском законодательстве обращает наше внимание на тот факт, что среди социальных проблем, стоящих перед российским обществом в настоящее время, особое место занимает проблема повышения уровня социальной активности населения, подготовки подрастаю-

шего поколения к осознанному, деятельному участию в различных видах социальной практики, а также формирования у него таких качеств, как деловитость, ответственность, творческое отношение к труду, способность к самостоятельному анализу ситуации, принятию решений и их реализации.

Учитывая имеющуюся потребность общества в личности, обладающей социальной активностью, мы поставили перед собой следующие задачи:

1) изучить и проанализировать современное состояние проблемы формирования социальной активности младших подростков в педагогической теории и практике образования;

2) выявить исходный уровень сформированности социальной активности у учащихся 5–6 классов общеобразовательных учреждений Чувашской Республики;

3) проверить выделенные нами психолого-педагогические условия, создание которых способствует эффективному формированию социальной активности младших подростков;

4) определить уровни сформированности социальной активности учащихся 5–6 классов (низкий, средний, высокий);

5) проверить эффективность использования разработанных методических рекомендаций, программы формирования социальной активности младших подростков.

Материал и методика исследований. В ходе подготовительного этапа работы мы проанализировали труды отечественных и зарубежных ученых, специализирующихся на проблеме формирования социальной активности подрастающего поколения.

В целях решения поставленных задач нами было проведено экспериментальное исследование на базе МОУ «Ишлейская СОШ», «Вурман-Сюктерская СОШ», «Ишакская СОШ», «Синьял-Покровская СОШ», «Большекатрасьская СОШ», «Атлашевская СОШ» Чебоксарского района Чувашской Республики.

В процессе эксперимента были скомплектованы 3 контрольные и 3 экспериментальные группы учащихся. Комплектование производилось по единому признаку – одинаковому уровню социальной активности. Для диагностики социальной активности младших подростков был использован комплекс апробированных психолого-педагогических научно-исследовательских методов: опрос, тестирование, анкетирование, прямое и косвенное наблюдение, статистические методы обработки полученных результатов и другие методы. Выбор конкретных методик исследования был обусловлен нашими представлениями о структуре социальной активности как сложного личностного образования.

Результаты исследований и их обсуждение. Рассматривая предлагаемые различными авторами определения социальной активности личности, мы соглашались с теми точками зрения, которые понимают ее как комплексное явление, и определяем это понятие как сложное личностное образование, характеризующееся сознательным, деятельным отношением к миру и проявляющееся в стремлении осуществлять общественно значимую деятельность, направленную на преобразование социальной среды и самого себя как одного из структурных элементов социума.

В своем исследовании мы предлагаем выделить четыре компонента, составляющих структуру социальной активности личности:

1) ценностно-мотивационный компонент, который включает в себя такие структурные элементы, как:

- комплекс потребностей личности, включающий в себя потребности в общении, личностном росте, общественно значимой деятельности, самореализации, достижении, познавательные, духовные и эстетические потребности;

- выраженные интересы и склонности личности к осуществлению социально значимой деятельности в любой из сфер жизни общества, а также эмоционально-положительное отношение к социально значимой деятельности как способу самовыражения в обществе;

- совокупность убеждений, идеалов и ценностей личности, выполняющих функцию мотивирования личности к деятельности по изменению социальных условий и самого себя;

- эмоциональное (толерантно-эмпатическое) отношение к себе, окружающим, социальным группам и структурам, обществу в целом, а также отношение к себе как источнику собственного поведения и развития;

2) когнитивный компонент, включающий в себя знания и представления о:

- социальных ценностях, материальной и духовной культуре общества, содержании и основных законах общественного развития и критериях социальной значимости деятельности;

- содержании, способах и средствах реализации социально значимой деятельности, осуществляемой во всех сферах жизни общества (во взаимодействии с другими людьми, социальными и социально-политическими группами, природой, в процессе производства материальных и нематериальных культурных ценностей);

- социальных (в том числе нравственных) нормах поведения;

- отношениях, возникающих между людьми в процессе общения и взаимодействия, а также способах и принципах эффективного общения и взаимодействия между людьми;

- социально приемлемых способах самовыражения личности относительно внешнего мира;

3) личностный компонент, включающий в себя качества личности, проявляющиеся в социально значимой деятельности:

- активность;

- любознательность;

- самостоятельность;

- общительность;

- коллективизм и взаимопомощь;

- креативность;

- ответственность;

- целеустремленность;

- настойчивость и др.

4) деятельностный компонент, состоящий из двух подструктур:

- внутренней подструктуры, которая включает в себя интериоризированные умения и навыки, необходимые для осуществления социально значимой деятельности, в том числе умения осуществлять целеполагание и планирование деятельности, коммуникативные умения и навыки, умения и навыки в определенном виде деятельности;

- внешней подструктуры, включающей в себя собственно участие индивида в социально значимой деятельности.

В ходе констатирующего этапа эксперимента были сделаны следующие выводы относительно сформированности компонентов социальной активности опрошенных подростков:

1) большая часть опрошенных подростков характеризуется готовыми сформированными ценностными установками в отношении таких компонентов социального окружения, как семья, страна и общество в целом, другой человек; однако в то же время подростки испытывают неловкость в осознании особенностей себя как еще одного компонента социальной структуры;

2) результаты исследования особенностей личности учащихся, наличие или отсутствие которых, по мнению исследователей, обуславливает тот или иной уровень их социальной активности, показали, что подростки, вошедшие в состав экспериментальных и контрольных групп, характеризуются достаточным уровнем сформированности таких черт личности, как энергичность и практичность; однако такие качества личности, как уверенность в себе и независимость у большей части обследованных школьников не сформированы;

3) отмечается недостаточность сформированности знаний и представлений современных школьников, составляющих когнитивную основу социальной активности личности, а также волевых качеств личности, умений и навыков, необходимых для осуществления социально значимой деятельности.

Указанные особенности были учтены при составлении нами программы формирования социальной активности младших подростков, основное содержание которой было направлено на обеспечение комплексного развития всех вышеперечисленных компонентов социальной активности учащихся во внеучебной деятельности, а также в процессе проектирования и моделирования комплекса психолого-педагогических условий, влияющих на процесс формирования социальной активности учащихся.

Разработанная программа формирования социальной активности младших подростков включала в себя следующие направления:

- формирование у учащихся знаний, составляющих когнитивную основу социальной активности личности;
- формирование у подростков мотивации участия в социально значимой деятельности путем организации развивающего досуга и внеучебной деятельности;
- включение школьников в различную социально значимую внеучебную деятельность школьных и внешкольных объединений и организаций;
- развитие личности учащихся с использованием современных психолого-педагогических программ и методик;
- обучение подростков социальному проектированию.

Среди условий, влияющих на эффективность процесса формирования социальной активности младших подростков, нами были выделены:

1. Гуманизация воспитательно-развивающей среды образовательного учреждения;
2. Обеспечение разнообразия и социальной значимости внеучебной деятельности школьников;
3. Использование тренинговых методов работы с личностью учащихся в процессе формирования их социальной активности во внеучебной деятельности;
4. Применение социального проектирования при обучении младших подростков планированию и собственно осуществлению социально значимой деятельности.

В ходе реализации указанной программы и психолого-педагогических условий нами была отмечена значительная динамика развития социальной активности младших подростков, вошедших в состав экспериментальных групп (таблица 1).

Таблица 1

**Сформированность социальной активности у младших подростков
до и после проведения эксперимента**

Контрольные группы		Экспериментальные группы		
Уровень	Показатель, %	Уровень	Показатель до проведения эксперимента, %	Показатель после проведения эксперимента, %
Низкий	52,42	Низкий	56,77	17,23
Средний	41,75	Средний	36,91	47,32
Высокий	5,83	Высокий	6,32	35,45

Резюме. Как видим, полученные результаты свидетельствуют о значительном повышении уровня сформированности социальной активности у подростков, вошедших в состав экспериментальных групп. Данные различия в уровне сформированности исследуемого личностного образования достигнуты благодаря организованной в этой группе специальной работе по ее формированию, проведенной в соответствии с разработанными нами методическими рекомендациями и программе формирования социальной активности младших подростков во внеучебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еникеев, М. И. Психологический энциклопедический словарь / М. И. Еникеев. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. – 560 с.
2. Коджаспирова, Г. М. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М. : МарТ ; Ростов н/Д. : МарТ, 2005. – 448 с.
3. Кондрашов, В. А. Новейший философский словарь / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина ; под. общ. ред. А. П. Ярещенко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 672 с.
4. Нам, М. В. Формирование социальной и гражданской активности старших школьников : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / М. В. Нам. – Уфа, 2006. – 181 с.
5. Наркевич, Н. Ю. Формирование социальной активности школьников в условиях взаимодействия семьи и школы : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. Ю. Наркевич. – Н. Новгород, 2007. – 142 с.
6. Петрунина, М. А. Формирование социальной активности школьника в эстетической деятельности : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / М. А. Петрунина. – Оренбург, 2006. – 171 с.
7. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / гл. ред. В. В. Давыдов. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 672 с.
8. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М. : Издательская группа НОРМА – Инфра-М, 1998. – 672 с.
9. Шапарь, В. Б. Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь ; под общ. ред. В. Б. Шапаря. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 808 с.

УДК 378.18+378.637

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРАТОРОВ СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУПП
ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ
У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ**

**GROUP TUTORS' ACTIVITY IN THE FORMATION OF THE SOCIAL
STABILITY OF FUTURE TEACHERS**

Т. А. Кордон

T. A. Kordon

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье раскрываются функции куратора студенческой группы. Рассмотрены типичные трудности кураторов по формированию социальной устойчивости у студентов педагогического вуза и пути преодоления этих трудностей.

Abstract. The functions of the group tutors are revealed in the paper. The typical tutors' difficulties in the formation of the social stability of future teachers and the ways of their solution are defined.

Ключевые слова: *социальная устойчивость, формирование, трудность, куратор группы.*

Keywords: *social stability, formation, difficulty, group tutor.*

Актуальность исследования. Социальная устойчивость представляет собой интегративное образование, которое сочетает в себе совокупность качеств, проявляющихся как психологическое выражение состояний личности, обуславливает ее направленность, активность, ответственность, обеспечивает творческую самореализацию [4, 3]. К сожалению, в силу известных причин, часть учащейся молодежи проявляет социальную неустойчивость, нарушает нормы морали и права. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России за период с 2003 по 2007 год студентами вузов были совершены преступления различного характера. В 2003 году в Российской Федерации было зарегистрировано 192 убийства, совершенных студентами, в 2004 г. – 2012, в 2005 г. – 184, в 2006 г. – 161, в 2007 г. – 192. Организовано разбойных нападений в 2003 году 885, в 2004 г. – 1034, в 2005 г. – 968, в 2006 г. – 1090, в 2007 г. – 924. В 2003 году студентами вузов России совершено 3117 противоправных действий, в 2004 г. – 346, в 2005 г. – 339, в 2006 г. – 280, в 2007 – 209. В 2003 году были совершены 4272 кражи, в 2004 г. – 5340, в 2005 г. – 6189, 2006 г. – 6752, в 2007 г. – 7060.

Статистические данные свидетельствуют о том, что существует потребность формирования социальной устойчивости у студентов в период обучения их в учреждениях высшего профессионального образования. При этом важная роль отводится кураторам студенческих групп, которые, к сожалению, испытывают определенные трудности в организации воспитательной работы, так как не владеют достаточными теоретическими и

методическими знаниями, практическими умениями и навыками по формированию социальной устойчивости у студентов. В настоящее время в науке также остаются неисследованными вопросы в этом направлении, поэтому целью наших исследований явились разработка и апробация программы формирования социальной устойчивости у студентов педагогического вуза в деятельности кураторов студенческих групп.

Материал и методика исследований. Нами был проведен анализ отечественной и зарубежной философской и психолого-педагогической литературы, изучался и обобщался инновационный опыт работы кураторов студенческих групп 1–2 курсов Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева с участием 788 студентов. Был проведен формирующий эксперимент, заключающийся во внедрении в учебно-воспитательный процесс разработанной нами модели формирования социальной устойчивости у будущих педагогов с последующей статистической обработкой.

Результаты исследований и их обсуждение. Проблема формирования социальной устойчивости сложна и многогранна. Значительный вклад в развитие представлений об устойчивости личности внесли такие отечественные исследователи как Л. И. Божович, В. А. Данилова, Г. С. Никифоров, Л. Ю. Сироткин, В. Э. Чудновский и другие.

Деятельность куратора подчинена общим целям обучения, воспитания и развития личности студента и студенческой группы. Основное содержание его деятельности направлено на формирование у них профессиональной направленности, ценностного самоопределения, социальной устойчивости.

В своей воспитательной деятельности куратор призван реализовывать следующие функции [1]:

1. Диагностирование – изучение личности студента в соответствии с имеющимися методиками, учитывая мнение педагогов, работающих в группе.
2. Информирование – своевременное доведение до студентов необходимой им информации об учебных и внеучебных мероприятиях.
3. Организацию – совместное планирование досуга и других видов деятельности студентов.
4. Контроль за посещаемостью и успеваемостью студентов, особенно в начале обучения.
5. Коммуникацию – сотрудничество с деканатом, администрацией вуза, поддержка благоприятной атмосферы в группе.
6. Коррекцию поведения студентов.

В повседневной деятельности куратор контролирует посещение студентами занятий, ведет индивидуальную работу с ними, проводит кураторские часы. Также в обязанности куратора входит поддержание связей со старостой, активом группы, с преподавателями-предметниками, родителями.

Одним из важнейших видов деятельности кураторов является кураторский час. Главная его задача – помочь студентам в определении жизненных ценностей, в формировании духовных и нравственных качеств, межличностных отношений, пропаганде здорового образа жизни, осуществлении правильного выбора в жизненных ситуациях. Особенно роль куратора важна на первых курсах обучения, так как именно он предоставляет информацию об учебно-воспитательном процессе в вузе. На старших курсах студенты становятся более самостоятельными, и необходимость в проведении кураторского часа

снижается. Содержание кураторских часов в нашем опыте включало такие темы, как наука и познание, политика, здоровый образ жизни. Во время занятий кураторы затрагивали этико-моральные, экологические и патриотические вопросы, обсуждали конкретные события студенческой жизни, групповые и факультетские проблемы.

Нами были изучены затруднения кураторов в формировании социальной устойчивости будущих учителей на основе разработанной Г. С. Поляковой [2] классификации. Был проведен опрос кураторов студенческих групп. Опрашиваемые кураторы оценивали свой уровень знаний и умений по формированию социальной устойчивости у студентов по разработанной нами четырехбалльной шкале, где 3 – не испытывает затруднений; 2 – испытывает затруднения, 1 – испытывает значительные затруднения, 0 – испытывает затруднения по всем пунктам (таблица № 1).

Таблица 1

Уровень знаний и умений кураторов студенческих групп по формированию социальной устойчивости у студентов (%)

Характер затруднений	Оценка знаний и умений в баллах			
	3	2	1	0
Знания:				
сущности и задач формирования социальной устойчивости студентов вуза	47,4	24,3	19,9	8,4
содержания, форм и методов формирования социальной устойчивости будущих учителей	53,6	22,3	11,2	12,9
методов педагогической диагностики формирования социальной устойчивости у студентов	8,2	31,4	30,1	30,3
специальной литературы по формированию социальной устойчивости	16,2	24,1	9	51
современных образовательных и воспитательных концепций и технологий	10,8	22,4	6	60,8
Умения:				
выделять наиболее значимые формы и методы формирования социальной устойчивости	23,8	38,6	15,2	22,4
организовывать общественно-полезную работу студентов	18,6	35,3	14	32,1
вести пропаганду социальных норм поведения	5,2	16,4	39,3	39,1
использовать преподаваемый предмет в целях формирования социальной устойчивости у студентов	18,9	48,3	15,6	17,2
проводить мониторинг по определению уровня социальной устойчивости	17,2	30,7	24,8	27,3

Полученные данные свидетельствуют о том, что задачи по формированию социальной устойчивости у будущих учителей решаются кураторами педагогического вуза субъективно, исходя из собственного опыта; 46,3 % кураторов недостаточно уделяют времени на самообразование и самосовершенствование, развитие воспитательных качеств, 40,1 % недостаточно владеют инновационными педагогическими и воспитательными концепциями социальной устойчивости у студентов и не используют их в учебно-воспитательном процессе, многие испытывают затруднения в создании условий для эф-

фективного становления социальной устойчивости будущих педагогов. Также немало важным является то, что кураторы групп недостаточно знакомы со специальной литературой в сфере социального воспитания.

Итак, изучение уровня знаний и умений кураторов по формированию социальной устойчивости у студентов показало следующее:

- кураторы испытывают затруднения в выборе четких целей и задач воспитательно-го процесса;
- не ведется анализ состояния уровня сформированности социальной устойчивости студентов с целью корректировки планов воспитательной работы;
- слабо используются межпредметные связи для формирования целостного сознания;
- возникают затруднения с выбором эффективных методов для формирования социальной устойчивости у будущих учителей;
- недостаточно эффективно кураторами ведется пропаганда социальных норм поведения;
- недостаточное сотрудничество с педагогами разных специальностей, трудности с посещением научно-практических конференций, методологических семинаров, проведением досуга вне вуза.

Преодоление выявленных недостатков требует от педагогического персонала совершенствования педагогического мастерства, профессионально-педагогической культуры.

На основе полученных в ходе исследований данных мы выделили три уровня готовности кураторов учебных групп к формированию социальной устойчивости у студентов педагогического вуза: репродуктивный, технологический и творческий.

Репродуктивный уровень готовности характерен для кураторов, которые занимают довольно пассивную позицию по формированию социальной устойчивости студентов, не имеют четкого плана учебно-воспитательной работы, не проявляют интереса к своей деятельности. К данному уровню готовности отнесены 30,1 % опрошенных кураторов.

К технологическому уровню готовности относятся кураторы, владеющие теоретическими, психолого-педагогическими, дидактическими, коммуникативными, интегральными знаниями и умениями организации учебно-воспитательного процесса в вузе и личностно ориентированного подхода к будущим учителям в процессе воспитания. Они добросовестно выполняют свою работу и обязанности, но в силу недостаточного уровня готовности к воспитанию социальной устойчивости у студентов не всегда в должной мере используют методологию в целях ее формирования. Этот уровень готовности объединил 41 % педагогов.

Кураторы, отнесенные к творческому уровню готовности, отличаются высокой степенью сформированности теоретических и методических знаний. Они хорошо владеют современными технологиями обучения и воспитания, используют в своей практике передовой педагогический опыт, обладают организаторскими, прикладными, творческими, коммуникативными способностями, успешно проводят индивидуальную работу со студентами. Они планируют учебно-воспитательный процесс, создают необходимые условия для саморазвития и самовоспитания будущих учителей. К этой группе относится 28,9 % кураторов студенческих групп.

Полученные данные отражают состояние исследуемой нами проблемы и подтверждают наличие возрастающих требований общества к формированию социальной устойчивости у студентов педагогического вуза, воспитанию у будущих учителей необходимых нравственно-социальных качеств.

Для повышения теоретического и методического уровня знаний кураторов студенческих групп нами была разработана и реализована программа методологического семинара «Формирование социальной устойчивости у студентов педагогического вуза» (таблица № 2) в соответствии с программой развития Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева на 2005–2009 годы [3].

Цель семинара – помочь кураторам студенческих групп овладеть научными знаниями, практическими умениями и навыками организации процесса формирования социальной устойчивости у студентов.

Таблица 2

Тематический план занятий семинара «Формирование социальной устойчивости у студентов педагогического вуза»

№№	Темы занятий	Количество часов
Раздел 1. Теоретические основы процесса формирования социальной устойчивости у студентов		
1.1	Куратор группы – организатор воспитательного процесса в коллективе. Нормативно-правовое обеспечение его деятельности	2
1.2	Сущность и содержание понятия «социальная устойчивость»	2
1.3	Профессиональная компетентность куратора группы в вопросе формирования социальной устойчивости у студентов	2
1.4	Социальная устойчивость студента как высший уровень устойчивости личности	2
1.5	Содержание процесса формирования социальной устойчивости у студентов	2
Раздел 2. Конструирование деятельности куратора группы в процессе формирования социальной устойчивости у студентов		
2.1	Педагогическая диагностика в процессе формирования социальной устойчивости у студентов	2
2.2	Содержание деятельности куратора группы в процессе формирования социальной устойчивости у студентов	2
Раздел 3. Основы технологии воспитательной работы куратора группы в процессе формирования социальной устойчивости у студентов		
3.1	Формы и методы формирования социальной устойчивости студентов	2
3.2	Организация деятельности коллектива группы, ориентированной на социальную устойчивость	2
3.3	Индивидуальная работа в процессе формирования социальной устойчивости у студентов	2
3.4	Инновационные развивающие технологии по формированию социальной устойчивости у студентов	2
3.5	Взаимодействие куратора группы с педагогами-предметниками, психологом вуза, представителями вневузовских организаций и учреждений	2
Подведение итогов семинара. Научно-практическая конференция		2
ИТОГО:		26

Семинар предусматривает проведение тематических занятий, организацию самостоятельной работы кураторов групп, изучение передового опыта работы кураторов, анализ современной психолого-педагогической литературы, проведение исследовательских работ и т. д. Формами проведения семинаров являются лекции, практические занятия, тренинги, посещение и анализ воспитательных мероприятий, научная работа.

После завершения семинара было проведено анкетирование, результаты которого приведены в таблице № 3.

Таблица 3

Сравнительная таблица повышения уровня социальной устойчивости у студентов (%)

Уровни	Этапы	
	начальный	заключительный
Низкий	16,9	7,4
Средний	63,5	67,4
Высокий	19,6	25,2

Так, если на начальном этапе эксперимента низкий уровень социальной устойчивости имели 16,9 % студентов, то к концу эксперимента количество студентов с низким уровнем сформированности социальной устойчивости уменьшилось, их число составило 7,4 %.

Резюме. Проведенная на начальном этапе исследования работа позволила определить затруднения, возникающие в повседневной педагогической деятельности кураторов студенческих групп. С целью повышения теоретического и методического уровня их готовности к формированию социальной устойчивости у будущих учителей разработана и реализована программа методологического семинара «Формирование социальной устойчивости у студентов педагогического вуза». Выбранные в работе методики способствуют формированию социальной устойчивости у студентов, что нашло отражение в результатах их последующего анкетирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова, В. А. Нравственное воспитание учащихся / В. А. Данилова // Педагогический процесс: проблемы и перспективы. – М. ; Чебоксары : АН ЧР, 2007. – С. 7–10.
2. Полякова, Г. С. Анализ затруднений в педагогической деятельности начинающих учителей / Г. С. Полякова. – М. : Педагогика, 1983. – 128 с.
3. Программа развития Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева на 2005–2009 годы / сост. Г. Н. Григорьев и др. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2004. – 154 с.
4. Сироткин, Л. Ю. Формирование личности: проблема устойчивости / Л. Ю. Сироткин. – Казань : Изд-во КГУ, 1992. – 175 с.

УДК 378.016:747

**СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ПЕДАГОГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
В ОБЛАСТИ ДИЗАЙНА**

**ESSENCE AND STRUCTURE OF THE SPECIAL PROFESSIONAL
COMPETENCE OF TEACHERS
OF PROFESSIONAL DESIGN EDUCATION**

Е. А. Кузина

E. A. Kuzina

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье раскрываются сущность и структура специальной компетенции педагога профессионального обучения в области дизайна. Выделяются критерии и показатели, необходимые для определения уровня сформированности специальной компетенции. Раскрываются особенности профессиональной деятельности педагога профессионального обучения в области дизайна.

Abstract. The essence and the structure of the special professional competence of teachers of professional design education are revealed in this article. The necessary criteria and indices are determined here for the definition of the level of formation of the special competence. Also the particularities of the teachers' professional skills in design are revealed in the article.

Ключевые слова: *специальная компетенция, педагог профессионального обучения в области дизайна, компоненты специальной компетенции.*

Keywords: *special professional competence, vocational design teacher, components of the special competence.*

Актуальность исследуемой проблемы. Тенденции в развитии экономики различных регионов России, жилищного и коммунального строительства, туристической инфраструктуры свидетельствуют о прогнозируемой потребности в квалифицированных кадрах в области дизайна среды, интерьера, ландшафта, рекламы и графики. Структура дизайнерской фирмы или производства включает, как правило, дизайнера-управляющего, стоящего во главе фирмы или производства, штат дизайнеров-проектировщиков и штат рабочих специалистов. Подготовка рабочих специалистов в области дизайна осуществляется в системе среднего профессионального образования. Опрос работодателей, проведенный совместно с торгово-промышленной палатой Чувашской Республики, показал, что уровень подготовленности таких специалистов не отвечает современным требованиям. Модернизация системы их подготовки неразрывно связана с совершенствованием подготовки педагогов профессионального обучения в

целом и формированием у будущих специалистов специальной компетенции в частности. В связи с этим целью нашей работы явилось уточнение сущности и структуры специальной компетенции педагога профессионального обучения в области дизайна.

Материал и методика исследований. Проблемам формирования профессиональной компетентности и различным аспектам формирования отдельных профессиональных компетенций большое внимание уделяют такие исследователи, как В. И. Байденко, В. А. Болотов, В. Н. Введенский, А. А. Вербицкий, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, Е. Г. Лопес, Дж. Равен, Г. К. Селевко, В. В. Сериков, Ю. Г. Татур и др. В целях обоснования структуры специальной компетенции мы обратились к анализу исследований, посвященных определению понятия «компетенция». В разработке эксперимента по формированию специальной компетенции у будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна мы опирались на труды Д. Б. Богоявленской, Н. М. Борытко, Э. Ф. Зеера, Д. П. Заводчикова, А. В. Коржуева, А. И. Кочетова, Е. Г. Лопеса, В. А. Попкова, В. П. Симонова. Применялись следующие методы исследований: теоретический анализ (сравнительный, ретроспективный) педагогической, психологической и специальной литературы по теме исследования; синтез полученной информации; обобщение; абстрагирование объекта исследования; изучение и обобщение передового отечественного и зарубежного педагогического опыта.

Результаты исследований и их обсуждение.

По мнению многих исследователей, феномен компетенции является достижением не только педагогической, но и психологической науки. Компетенция понимается учеными как интегративная характеристика личности, включающая знания, способности и готовности в определенной области деятельности. Принципиально важным для нас является понимание структуры компетенции. В. И. Байденко, С. Я. Батышев, И. Я. Зимняя, Э. Ф. Зеер, Г. К. Селевко, Ю. Г. Татур, А. В. Хуторской, участники международного проекта TUNING PROJECT выделяют в структуре компетенции мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностный компоненты. Такое понимание компонентного состава компетенции, по нашему мнению, более подходит для описания сущности ключевых или универсальных компетенций. Для характеристики компетенции в области профессиональной специализации, т. е. специальной компетенции, следует исходить из структуры профессиональной деятельности специалиста.

Деятельность педагога профессионального обучения дуальна. С одной стороны, он должен обладать компетентностью педагога, а с другой – компетентностью специалиста по определенному профилю или предмету. Отраслевая специальность (или профиль) также неоднородна и требует формирования различных качеств у специалиста, которые невозможно свести к одномерной специальной компетенции. Педагог профессионального обучения в области дизайна, чтобы быть востребованным и мобильным на рынке труда, должен обладать качествами дизайнера-исполнителя, дизайнера-управляющего и дизайнера-проектировщика.

Специальная подготовка педагога профессионального обучения в области дизайна, согласно требованиям Государственного образовательного стандарта, соединяет в себе подготовку к деятельности *дизайнера-исполнителя*, изготавливающего по готовым проектам, чертежам, эскизам объекты предметно-пространственного мира в красивой и удобной для пользователя форме, деятельности *дизайнера-проектировщика*, осу-

шествующего художественное проектирование объектов предметно-пространственной среды, и деятельности *дизайнера-управляющего*, осуществляющего руководство проектированием объектов дизайна (рис. 1).

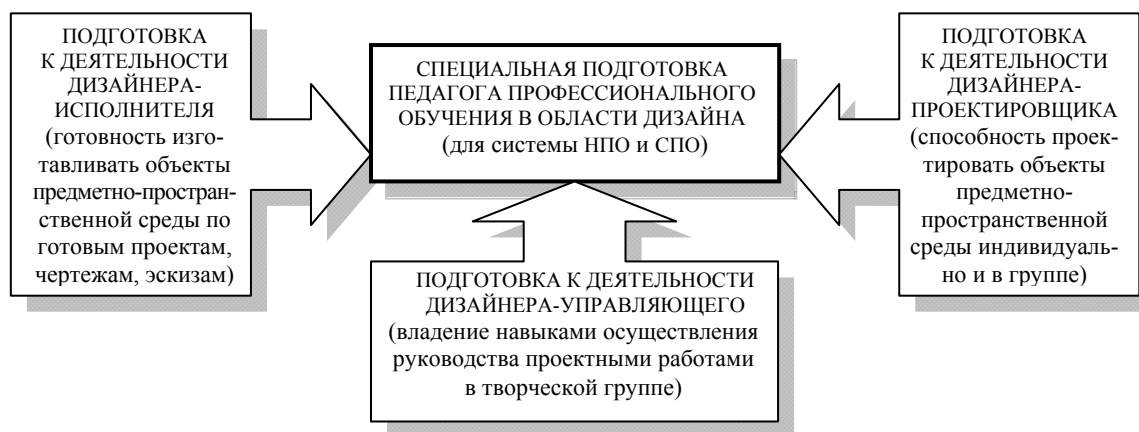

Рис. 1. Интегративная модель специальной подготовки педагога профессионального обучения в области дизайна

В образовательном стандарте [12] закреплены требования к реальным знаниям, умениям, навыкам, которыми должен обладать педагог профессионального обучения в области дизайна. Исходя из этих требований и структуры профессиональной деятельности в области дизайна, мы выделяем четыре компонента специальной компетенции педагога профессионального обучения в области дизайна. Формирование этих компонентов позволит педагогическому вузу выпускать конкурентоспособных специалистов по специальности «Профессиональное обучение (дизайн)». Структура специальной компетенции педагога профессионального обучения в области дизайна включает:

1. технологического-методического компонента (ТМК), предполагающий владение технологией и методикой процесса проектирования и создания объектов предметно-пространственной и визуально-коммуникативных сред;
2. художественно-проектного компонента (ХПК), предполагающий владение мастерством в дизайн-проектировании и изготовлении объектов предметно-пространственной и визуально-коммуникативной сред;
3. историко-контекстного компонента (ИКК), предполагающий владение историческим контекстом проектирования и создания объектов предметно-пространственной и визуально-коммуникативной сред;
4. рабоче-профессионального компонента (РПК), предполагающий владение рабочей профессией и готовность к предпринимательской деятельности в области дизайна.

Формирование всех компонентов специальной компетенции педагога профессионального обучения в области дизайна позволяет говорить о подготовке компетентного специалиста. В совокупности с компетенциями педагогической составляющей деятельности будущего специалиста они составляют профессиональную компетентность педагога профессионального обучения в области дизайна.

Изучение педагогического опыта преподавания спецдисциплин в ведущих зарубежных дизайнерских школах и вузах России подтвердило наше предположение о важности таких компонентов специальной компетенции, как: художественно-проектный, поскольку данный вид деятельности является доминирующим для дизайнера; технологический, так как деятельность дизайнера базируется на знании технологии дизайнерских процессов и методики проектирования предметно-пространственных объектов; историко-контекстный, потому что объекты дизайнерского проектирования связаны с историческими и социальными особенностями среды; рабоче-профессиональный, поскольку деятельность дизайнера заключается в воплощении в материале проекта или объекта дизайна.

В педагогической диагностике оценивание уровня сформированности компетенции может проходить в целом или по компонентам. Мы считаем более обоснованным диагностику уровня сформированности специальной компетенции по компонентам, поэтому предлагаем следующие критерии сформированности специальной компетенции у будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна (таблица 1). При обосновании выделения этих критериев мы опирались на труды В. Г. Каширина, А. В. Коржуева, А. Маслоу, В. А. Сластенина, А. М. Новикова, В. А. Попкова.

Таблица 1

**Критерии сформированности специальной компетенции
у будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна**

Критерий	Дескрипторы
Потребностно-мотивационный	Потребность, цель, мотивационная готовность
Когнитивный	Знания, интеллектуально-познавательная готовность
Деятельностный	Умения, навыки, опыт, способность, операционно-деятельностная готовность
Ценностно-результативный	Ценностные ориентации, ответственность, возможность, самостоятельность, самоконтроль и самоанализ

Профессиональная деятельность в области дизайна обусловлена, с одной стороны, высшими человеческими потребностями в самоактуализации и саморазвитии [8], с другой – желанием работать в данной области, осознанием своих способностей, потребностью в самоутверждении. Потребностно-мотивационный критерий определяет профессиональную направленность личности и силу прилагаемых ею усилий, степень усердия в деятельности (*мотивационная готовность*) [11, 460]. Он основывается на положительной мотивации к профессиональной деятельности в области специализации.

По мнению А. М. Новикова, актуальным становится соединение теоретических знаний студентов с их практическими потребностями, ценностными ориентациями, создание таких условий учебно-практической деятельности, когда студентам необходимо активно применять имеющиеся теоретические знания для решения практических задач [10, 50]. Когнитивный критерий специальной компетенции описывается, во-первых, через дескриптор «профессиональные знания» как результат усвоения (ассимиляции) информации в процессе обучения, который определяется набором фактов, принципов, теорий и практик в соответствующей области профессиональной деятельности [2, 12], главное назначение которых – организация и регулирование практической деятельности; во-вторых, через определенный уровень развития познавательной сферы личности специалиста: профессионального восприятия, мышления, воображения, памяти, внимания. В совокупности это составляет интеллектуально-познавательную готовность личности специалиста [11, 460].

Дескрипторами деятельностного критерия специальной компетенции выступают навыки, умения, опыт деятельности в области специализации. Деятельность будет выполнена квалифицированно, если человек овладел навыками. Продемонстрированную способность применять знания для решения профессиональных задач представляют собой умения. Устойчивые, многократно подтвержденные умения успешно решать задачи в области профессиональной или иной деятельности – навыки – определяют опыт. Операционально-деятельностная готовность включает в себя профессиональное мастерство (совокупность профессионально важных качеств, знаний, умений, навыков, привычек профессионального поведения), необходимый уровень развития профессионально важных способностей и волевой подготовленности специалиста [11, 460].

Ценностно-результативный критерий включает ценностные ориентации, которые охватывают понимание профессиональной важности, значения собственной профессии для индивида. В профессиональной сфере они определяют программы и стратегии деятельности, контролируют и организуют средства достижения целей. Ценностные ориентации в профессиональной сфере проявляются и раскрываются через оценки, которые человек дает себе, другим, обстоятельствам, через его умение структурировать профессиональные ситуации, принимать решения в проблемных ситуациях, умение выходить из конфликтных ситуаций, умение задавать и изменять основные направления собственной жизнедеятельности [9].

Исходя из вышесказанного, уточняя сущностные характеристики специальной компетенции, мы предлагаем показатели сформированности компонентов специальной компетенции у будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна (таблица 2). Выведенные нами критерии и показатели сформированности специальной компетенции требуют уточнения процедур диагностики, разработки форм и методов измерения, которые в совокупности позволят провести диагностику исследуемого процесса.

Таблица 2

**Показатели сформированности специальной компетенции
у будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна**

Критерии Компоненты	Потребностно-мотивационный критерий	Когнитивный критерий	Деятельностный критерий	Ценностно-результативный критерий
ТЕХНОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ	Готов к технологичному и методичному проектированию объектов дизайна. Готов к созданию экологичной, эргономичной, эстетичной среды	Знает технологию проектирования дизайнерской продукции. Знает методы проектирования объектов дизайна. Формулирует цели предпроектного и проектного анализа. Разъясняет дизайн-концепцию проекта	Проводит предпроектный анализ. Проводит проектный анализ. Применяет технологию проектирования. Применяет методы проектирования. Применяет строительные и санитарно-гигиенические нормы и требования	Способен осуществлять анализ и самоанализ, оценку и самооценку технологии и методов проектирования дизайнерской продукции. Ответственен за эффективность выбранных технологий и методов проектирования и изготовления. Самостоятелен в выборе окончательного варианта художественного проекта объекта
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОЕКТНЫЙ КОМПОНЕНТ	Способен разрабатывать эскиз-проект на высоком демонстрационном уровне. Обладает собственным почерком визуальной подачи эскиз-проекта. Участствует в студенческих и профессиональных выставках и конкурсах	Знает основы художественного проектирования, формообразования, колористики, материаловедения, эргономики, инженерной и проектной графики, макетирования	Владеет техниками рукотворной графики и программами двумерного и трехмерного моделирования проектируемого объекта. Разрабатывает эскизные проекты на высоком демонстрационном уровне	Способен проводить анализ и самоанализ, оценку и самооценку демонстрационного уровня эскиз-проекта. Ответственен за качество демонстрационной подачи эскиз-проекта. Имеет собственный почерк визуальной подачи эскиз-проекта
ИСТОРИКО-КОНТЕКСТНЫЙ КОМПОНЕНТ	Способен выполнять историческую реконструкцию стиля, стилиобразующее формообразование, акцентную стилизацию объектов предметно-пространственной и визуально-коммуникативной сред	Знает исторические архитектурные и художественные стили. Знает средства и способы достижения стиливой реконструкции, стилиобразующего формообразования и акцентной стилизации	Владеет приемами исторической реконструкции стиля. Владеет стилиобразующим формообразованием. Владеет приемами акцентной стилизации	Понимает точность передачи исторического контекста в художественном проектировании объектов дизайна. Создает конкурентоспособные проекты в любых исторических стилях

окончание таблицы

РАБОЧЕ-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ	Способен управлять процессом проектирования и производства объектов предметно-пространственной и визуально-коммуникативной сред	Знает основы рабочей профессии. Знает структуру и организацию производств, технологических процессов проектирования и изготовления дизайнерской продукции	Умеет работать специальными инструментами, на специальном оборудовании. Организовывает и проводит проектные работы	Берет ответственность за изготовление дизайнерской продукции
-----------------------------------	---	--	---	--

Резюме. Подводя итог вышесказанному о сущности специальной компетенции, ее компонентах, критериях и показателях, следует отметить, что все эти понятия носят деятельностный характер, проявляются в действии в условиях квазипрофессиональной и реальной профессиональной деятельности. Задачей высшего профессионального образования в процессе формирования специальной компетенции у будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна является создание такого учебного процесса, который был бы приближен к реальным условиям, в которых будет осуществляться профессиональная деятельность выпускника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байденко, В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) / В. И. Байденко // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 3–13.
2. Беспалько, В. П. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов : учеб.-метод. пособие / В. П. Беспалько, Ю. Г. Татур. – М. : Высш. шк., 1989. – 144 с.
3. Борытко, Н. М. Методология и методы психолого-педагогического исследований : учеб. пособие для вузов / Н. М. Борытко, А. В. Моложавенко, И. А. Соловцова ; под общ. ред. Н. М. Борытко. – М. : Изд. центр «Академия», 2008. – 320 с.
4. Гершунский, Б. С. Концепция самореализации личности в системе обоснования ценностей и целей образования / Б. С. Гершунский // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 3–7.
5. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования от 27.03.2000 г. Специальность 030500.04 – Профессиональное обучение (дизайн). Квалификация – педагог профессионального обучения. – М., 2000.
6. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учеб. пособие / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб. – М. ; Воронеж : Моск. психол.-соц. ин-т ; МОДЭК, 2003. – 479 с.
7. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.
8. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу ; пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухиной. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 351 с.
9. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с.
10. Попков, В. А. Дидактика высшей школы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Попков, А. В. Коржув. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 192 с.
11. Сластенин, В. А. Психология и педагогика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Сластенин, В. Г. Каширин. – 5-е изд., стереотип. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 480 с.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлениям подготовки 050800 – Профессиональное обучение (по отраслям) [Проект].

УДК 947.083.7

**ВЫБОРЫ ВО II, III, IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ**

**ELECTIONS TO II, III, IV STATE DUMA IN THE MIDDLE AND
THE LOWER VOLGA REGION**

В. Н. Кузнецов

V. N. Kuznetsov

*ГОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова», г. Ульяновск*

Аннотация. Показана тактика политических партий на выборах в II, III, IV Государственную думу. Выясняется, что на выборах во II Государственную думу популярна была идея левого блока кадетов, РСДРП и ПСР. В свою очередь близкие позиции занимали октябристы и черносотенцы. Большинство депутатов занимали левые позиции. Последующие выборы проходили в жестких административных и полицейских условиях, что привело к доминированию умеренных и правых депутатов.

Abstract. The tactics of political parties during election campaigns to II, III, IV State Duma is shown. It is found out that at elections to II State Duma the idea of the left block of cadets, RSDRP and PSR was popular. In turn oktyabrists and Black-hundreders had close positions. The majority of the deputies had left views. The subsequent elections passed in rigid administrative and police conditions that led to domination of the moderate and right deputies.

Ключевые слова: Государственная дума, социал-демократы, эсеры, кадеты, октябристы, черносотенцы.

Keywords: State Duma, social democrats, socialist-revolutionaries, cadets, oktyabrists, Black-hundreders.

Актуальность исследуемой проблемы. Выборы в дореволюционные Государственные думы привлекали к себе внимание историков. Однако в основном их работы оставались на уровне изучения ситуации в той или иной губернии. В этой связи актуально представить панорамную картину думских выборов в четырех губерниях Среднего и Нижнего Поволжья, что приобретает особый интерес в связи с современными выборами в Государственную думу.

Материал и методика исследований. Для написания статьи были использованы данные Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Кроме того, важную роль сыграли материалы периодической печати изучаемого периода. Основой исследования явились принципы научности, объективности и историзма. Работа выполнялась в два этапа. На первом этапе мы использовали эмпирический метод поиска конкретных исторических фактов, связанных с целью исследования, на втором – использовался системный подход, метод обобщения, анализа и синтеза.

Результаты исследований и их обсуждение. Выборы во II Государственную думу. Крупнейшее политическое и общественное событие начала 1907 г. – предвыборная кампания во II Государственную думу. Большинство политических партий и организаций (за исключением эсеров-максималистов и анархистов) приняли в ней активное участие.

В Саратове первоначально среди левых объединились трудовики и эсеры. Саратовский общегородской комитет социал-демократов, где преобладали большевики, решительно выступил против блока с трудовиками, которых он не считал революционерами. Однако, призвав голосовать за своих кандидатов, составить собственный список выборщиков социал-демократы не смогли. Выручил социал-демократов раскол в блоке левых. Эсеры внезапно потребовали себе 33 места среди выборщиков по Саратову и, когда им отказали, вышли из блока. Это факт, а также неуспех переговоров блока с кадетами и шаткость позиций позволили социал-демократам войти в блок с трудовиками. В списке «трудовиков» социал-демократы получили 24 места из 80. В Царицыне по городской курии победили блоки эсеров, социал-демократов и кадетов, а по рабочей курии из одиннадцати выборщиков восемь принадлежали к партии социалистов-революционеров.

Саратовские кадеты пытались объединить под своими лозунгами все левые силы. На избирательном собрании 29 декабря 1906 г. В. Н. Поляк говорил: «Теперь не время партийным спорам. Нужно объединение всех оппозиционных элементов под общим лозунгом ответственного министерства» [1]. Но лишь в Царицыне кадетам удалось войти в соглашение с левыми партиями. Условия были таковы: по одному выборщику полагалось социал-демократам и трудовикам, два – эсерам и четыре получали сами кадеты.

Саратовские октябристы в общей атмосфере «левости» также были вынуждены несколько «полеветь». По поводу выступления лидера октябристов кн. А. А. Крапоткина кадетская «Народная свобода» отметила: «У оратора заметно стремление поддаться под явно оппозиционное настроение публики. Он против репрессий и хищений бюрократии...» [2].

Со своим списком выступил и саратовский отдел СРН. Черносотенцы активно посещали предвыборные собрания и выступали на них. На одном из них союзник В. Д. Заикин отмечал: «Мы лишены спокойствия, каждый рискует быть убитым... Такие акты в собраниях многих партий, в том числе и «Народной свободы», не только не осуждались, но и одобрялись... От левых партий спокойствия не будет».

В итоге депутатами от Саратовской губернии стали по четыре эсера (крестьяне Н. С. Киринос, И. П. Хворостухин и др.), энеса и социал-демократа (большевик – учитель В. М. Серов; три меньшевика – учителя В. А. Анисимов, С. В. Аникин и рабочий И. А. Лопаткин).

В Самаре социал-демократы, деятельно вступив в выборы, к началу февраля отпечатали 6 листовок от имени местной организации РСДРП, представители которой активно выступали на предвыборных собраниях, в том числе в профсоюзных обществах. В ходе собраний наметился блок с кадетами, но осуществиться соглашению двух партий не удалось. Причиной оказалось разногласие по вопросу о количестве своих и чужих кандидатов в избирательных списках.

Положение кадетов было достаточно сложным. Власти препятствовали их собраниям, были закрыты редакция и типография кадетской газеты «Волжское слово», арестован ее фактический редактор А. А. Васильев. На заседании комитета за распространение выборгского воззвания властями был схвачен член партии Г. Н. Костромитинов.

Октябристы хорошо организовали свою предвыборную кампанию. Энергично проводились собрания отдела. Бузулукские октябристы так сформулировали принципы своей деятельности: «Кто желает для нашего Отечества деловой, работоспособной Государственной думы, которая бы обновила всю нашу жизнь мирным путем и воскресила бы Родину, исстрадавшуюся от революций, кто идет против анархизма и насилия со стороны революционных партий, кто желает утверждения основ нашего государственного строя на началах манифеста 17 октября, пусть отдает свои голоса (кандидатам союза). Союз 17 октября вменяет себе первейшую обязанность: улучшение положения трудящегося люда рабочих и крестьян и установление контроля над деятельностью министров» [3].

Предвыборная кампания Союза русского народа проходила под лозунгом: «За веру (православие), Царя (самодержавного) и Отечество (Россия для русских)!». В дальнейшем расклад сил предвыборной кампании заставил союзников поддерживать октябристов с тем, чтобы провести в Государственную думу хотя бы одного правого кандидата, который рассматривался ими и как свой. Избрание октябриста И. С. Клюжева было встречено членами СРН с воодушевлением.

Итогом выборов по Самарской губернии явилось избрание восьми трудовиков (крестьянин Я. Ф. Вьюшков и др.), двух кадетов, двух социал-демократов-меньшевиков (рабочие Н. В. Комарь и К. Ф. Рубан) и одного октябриста.

В Симбирской губернии состоялось предвыборное соглашение между эсерами, социал-демократами и народными социалистами. Кандидат левого блока, эсер Д. Л. Зимин, выступая в феврале в помещении городской думы, говорил, что «Государственная дума должна представить счет с процентами Высокому лицу за все хищения Его и его дворни, и если счет не будет им оплачен сполна, то народ должен ответить кровавой баней – беспримерной в истории» [4].

Более умеренную позицию занимали кадеты. На предвыборные собрания, устраиваемые кадетами, приходило немало народу, но настроение публики было радикальнее их взглядов в пользу левого блока. На одном из предвыборных собраний, состоявшихся в начале января, выступил кадет Я. Е. Шостак. Он говорил: «Я не верю в успех оружия. Строить жизнь будет буржуазия. Мы убеждены, что дальше кадетской программы народ не пойдет» [5].

К кадетам симбирская публика относилась критически, но, по крайней мере, давала им высказаться. Положение октябристов было значительно хуже, им даже не давали говорить. Например, на собрании 13 января член «Союза 17 октября» А. В. Годнев успел только произнести, что октябристы – умеренные люди, как был встречен свистом и выкриками «долой» и «палачи». Слабость собственных позиций заставила членов «Союза 17 октября» согласиться с предложением местных черносотенцев о предвыборном блоке. Те, в силу слабости и непопулярности, не решились выступить на выборах со своей политической платформой. Они поддерживали октябристов, но и те оказались не на высоте.

Итогом такой избирательной кампании в масштабе губернии явилось избрание шести левых кандидатов: двух трудовиков (А. А. Нежеметдинов, О. М. Сытин), двух социал-демократов (А. А. Кузнецов, М. С. Татарин), одного эсера (Д. Л. Зимин) и одного неопределенной социалистической ориентации (Л. В. Карташев).

Меньшевики Астрахани приняли участие в выборах, выставив в качестве основных кандидатов одного из своих лидеров – Р. А. Аствацатурова и проживающего в Петербурге В. Ф. Тотомиянца. Неожиданно в выборщики прошел большевик, член профсоюза булочников Е. С. Лопатков.

Астраханские кадеты не переставали убеждать, что только занимаемая ими центристская позиция – залог успешной работы будущей думы. Кадеты утверждали: «Конституционно-демократическая партия, защищая интересы народа и трудового крестьянства, не дает несбыточных обещаний, вроде установления демократической республики и т. п. Она стремится к установлению законным путем свободы слова, собраний, стачек, союзов, равенства всех перед законом, установления всеобщего и равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов, она требует справедливой земельной реформы, охраны труда» [6].

Монархисты сформировали свой список сравнительно поздно, за две недели до выборов. По предложению Н. Н. Тихановича-Савицкого в него вошли он сам, священники Добронравов, Голубинский, служащий банка Ренненкампф, брат известного генерала, и другие лица. Чтобы не допустить прохождения правых, кадеты и социал-демократы (меньшевики) заключили предвыборное соглашение. В результате были избраны 49 кадетов, 10 монархистов и 21 «прочих», в том числе социал-демократов.

Выборы депутата состоялись 8 февраля, победил кадет Л. А. Шмарин. Кроме того, губерния выбрала трудовика В. А. Белавина (от крестьян), правого А. Г. Полякова (от казаков) и эсера В. В. Евреинова (от общего состава).

Выборы в III Государственную думу.

В Саратове в конце июля 1907 г. губернская конференция РСДРП приняла резолюцию, где говорилось: «Выборов в III Думу не производить ни в одной из стадий... Разъяснять отсталым слоям пролетариата и демократии непригодность и вредность бюрократии III Думы и необходимость вооруженной борьбы за Учредительное собрание» [7].

В конце сентября начали предвыборную думскую кампанию социал-демократы Самары. Направлял ее С. Я. Елькин. Именно он предложил в качестве кандидата М. Т. Елизарова (муж сестры В. И. Ленина Анны). Хотя его постигла неудача, и из-за репрессий властей организация предвыборной агитации в значительных масштабах не велась, тем не менее выборщиками от рабочих стали в основном члены РСДРП.

Аресты сентября 1907 г. серьезно ударили по социал-демократическому движению Симбирска. Поэтому партийцы не смогли провести свою агитацию во время думских выборов. Астраханские меньшевики рассматривали выборы в Государственную думу как одно из основных направлений своей деятельности. Работа с избирателями шла через профсоюзы и с помощью прокламаций. Провести своих кандидатов в выборщики социал-демократам не удалось, они значительно уступили не только победившим кадетам, но и черносотенцам [8].

В августе 1907 г. был проведен Поволжский съезд ПСР. Принятая единогласно резолюция «О III Государственной думе» гласила: «Принимая во внимание, что манифестом 3 июня из Думы создано учреждение, которое может иметь только реакционное значение, областной съезд высказался за бойкот Думы. (Необходимо) агитировать за бойкот и пропагандировать вооруженное восстание для созыва Учредительного собрания».

Изменение ситуации в стране заставляло кадетов отрешиваться от слова «революционный». Отвечая на подобные «обвинения», саратовский кадет С. П. Красников во время предвыборного собрания 30 августа доказывал, что «партия народной свободы – не революционна, так как настоящие революционные партии в буквальном смысле ненавидят кадетов; и социал-демократы в своей последней резолюции поставили целью бороться

ся с контрреволюционным влиянием партии народной свободы». Провести в Думу кадетам удалось лишь одного своего представителя – А. М. Масленникова.

Значительную активность во время думских выборов проявили ардатовские кадеты Симбирской губернии, чей лидер А. Е. Березовский оказался единственным конституционным демократом от Симбирской губернии в III Государственной думе.

Астраханские кадеты уступили только по первому русскому съезду, где победили монархисты. Кадет М. А. Дайхес объяснял это не слабостью партии, а особенностью нового избирательного закона. Закономерным стало избрание в Государственную думу от Астрахани кадета присяжного поверенного В. А. Виноградова. По губернии избранными также оказались монархист М. В. Барыбин (от волостей), прогрессист Г. П. Пурпуров (от землевладельцев) и беспартийный М. Г. Лебедев (от казаков).

На выборы саратовские октябристы стремились идти вместе с черносотенцами. На предвыборных собраниях члены отдела нападали, прежде всего, на кадетов. Октябрист М. Ф. Волков доказывал, что эта партия «не конституционна, не демократична, а революционна... Кадеты обещали народу землю, а дали меньше, чем это сделал Столыпин, деятельность которого в аграрном отношении правильна и блестяща» [9]. Агитация партии не воспринималась избирателями, и в Думу от губернии прошел один октябрист. В этот раз даже симбирские члены «Союза 17 октября» смогли опередить саратовских единомышленников, послав от Симбирской губернии двух своих депутатов А. Г. Быкова и А. Д. Протопопова.

Октябристы как Самары, так и губернии организованно и дисциплинированно приняли участие в предвыборной кампании. На встречу 16 сентября с бывшим членом II Думы И. С. Клюжевым собрался полный зал городской Управы. 21 октября состоялось новое собрание октябристов под председательством И. С. Клюжева, где присутствовало около 200 человек. Успешно действовали уездные отделы. В итоге губерния послала в думу 11 октябристов (вторично И. С. Клюжев, В. Н. Львов, М. Д. Чельшев, А. А. Ушаков, А. И. Ковзан и др.).

Черносотенцы наиболее активно действовали в Саратове. Нехватка средств на предвыборную кампанию подтолкнула отдел СРН к единению с «Православным братским союзом». Общими силами черносотенцы деятельно участвовали в предвыборных собраниях. Так, на собрании 9 сентября В. Ф. Савенков утверждал: «Здесь гроза идет... Неча смеяться, я простой русский человек, я чувю, что гибель от этой самой интеллигенции. Да когда же мы, русские люди, проснемся и перестанем садить себе на шею разных иноверцев. Ведь могила совсем подошла от нехристей да интеллигенции» [10]. Результатом этой кампании явилось избрание в Думу председателя отдела СРН Э. А. Исаева.

Председатель самарского отдела СРН С. П. Шустов заявил, что черносотенцы должны сделать все, чтобы ни один еврей не прошел в думу, и выбрать таких людей, которые не позволили бы волю царя искажать «нерадивой и корыстной бюрократией» [11]. Вскоре черносотенцы, увидев свою относительную слабость, решили пойти на сближение с октябристами. Однако это не помогло черносотенцам провести в думу ни одного кандидата.

Монархисты Астрахани составили предвыборный список, включавший известных в городе людей: промышленника И. Ф. Скрепинского, председателя сиротского суда, гласного Городской думы С. М. Буткова, мещанского старосту А. З. Сиротина, присяжного поверенного Л. В. Куприянова. Они полностью доминировали по первому русскому избирательному объединению, но выборы по городу вновь были проиграны.

Рассматривая итоги выборов, необходимо учитывать обстановку, в которой они проходили: административное и полицейское давление, «черные» избирательные технологии, применявшиеся властью.

Выборы в IV Государственную думу. В них приняли участие все партии кроме эсеров и, естественно, максималистов и анархистов. Предвыборная кампания проходила под еще более жестким контролем властей.

Ректор недавно открытого в Саратове университета профессор В. И. Разумовский возглавил предвыборный список СРН. Кроме него туда вошли почетный мировой судья И. Я. Славин, купец Н. И. Селиванов, частный поверенный Н. М. Лизюков, купец И. А. Колесников, протоирей В. Н. Воробьев, подполковник А. И. Дуплицкий.

Список явно означал очередное поражение демократического крыла в СРН и вызвал бурю возмущения среди низов организации. На ближайшем собрании отдела разразился скандал. Мнение большинства выразил один из выступивших: «Два человека в Совете сидят и все решают сами. Сами себя назначают. Кто выбрал Дуплицкого и Разумовского?». В. И. Разумовский стал всячески отделять себя от СРН, заявляя, что он октябрист, что в список союзников его фамилию включили без его ведома, хотя на выборы он так и дошел кандидатом черносотенцев. И. Я. Славин прямо фигурировал в списке «Союза 17 октября». Кроме него кандидатами октябристов были М. Ф. Волков, Н. М. Лызлов, Г. Г. Дубов, П. М. Репин.

Кадеты как всегда со своим списком определились быстро. В него вошли врачи В. И. Алмазов и А. Е. Романов, Б. Б. Арапов, инженер А. А. Дубровин, присяжные поверенные С. П. Красников и А. М. Масленников, купец-заводчик А. И. Шумилин. Кадеты же и задавали тон в думской гонке, большинство предвыборных собраний было организовано ими, они активно принимали участие и во всех других собраниях.

2 сентября 1912 г. в Саратове состоялось первое предвыборное собрание (по первой городской курии), организованное кадетскими кандидатами. Председателем собрания избрали другого кадета А. Е. Романова. Первым начал говорить А. М. Масленников, заявивший, «что все, что возвещал манифест 17 октября, все не исполнилось до настоящего времени и что III Государственная дума отражает интересы землевладельцев и крупных должностных лиц» [12]. На этом пристав закрыл собрание.

11 сентября прошло собрание по второй городской курии, устроенное октябристами. Однако самыми заметными людьми на собрании стали кадеты. О. В. Португалов вновь призвал к объединению всех левых сил и к прекращению, как он выразился, «братоубийственной войны» [13].

Октябристы 16 сентября устроили новое собрание по второй курии. На него сошлись представители всех политических сил: от РСДРП до СРН. Первым выступил октябрист Г. И. Исупов, сделавший акцент на вопросе защиты труда, напомнив, что III Дума, где важную роль играли октябристы, приняла закон о государственном страховании рабочих. Уничтожение общины должно пойти на пользу всем крестьянам, как бедным, так и богатым.

В итоге по первой курии со значительным отрывом прошел кадетский список. По второй курии на первом месте оказался представитель левого блока Малинин (1645 голосов), на втором — кадет Б. Б. Арапов (1037), затем — шедший по списку СРН В. Н. Разумовский (529). Отрыв этих кандидатов от остальных был весьма значителен. Руководитель отдела СРН А. И. Дуплицкий получил один голос.

Совместно Саратов и уезды дали такие результаты. В IV Государственную думу прошли: три октябриста (волостной писарь С. А. Рыблов, землевладелец дворянин

М. Х. Готовицкий, землевладелец дворянин М. Л. Киндяков), три прогрессиста (землевладелец дворянин Н. Н. Львов, царицинский купец В. В. Клецов, присяжный поверенный А. М. Масленников), один кадет (инженер А. А. Добровольский), один националист (генерал Л. Н. Лихачев), один умеренно-правый (землевладелец дворянин И. Н. Лихарев) и один крайне левый (присяжный поверенный А. Ф. Керенский).

В Самаре социал-демократы не упускали случая на предвыборных собраниях заявить о себе. Как и раньше, они не исключали возможность блокирования с кадетами. Те, в свою очередь, тоже не отвергали такую возможность. Однако конституционные демократы и социал-демократы вышли на выборы самостоятельно, что ослабило и тех, и других.

У октябристов практически все их заметные деятели захотели стать депутатами Государственной думы. Это вносило разброд в предвыборную деятельность партии. Но, пожалуй, бледнее всех выглядели черносотенцы, одно из собраний которых вообще не состоялось за малочисленностью. Самара свои голоса отдала по первой курии за октябриста И. С. Клюжева, по второй – за кадета Н. А. Гладыша и большевика рабочего Е. П. Курмаева, но последний оказался административно исключен из числа депутатов.

В итоге от Самарской губернии оказались выбраны в думу: четыре прогрессиста (землевладелец дворянин А. П. Сидоров, председатель Новоузенской уездной земской управы статский советник В. С. Ободовский, священник из Николаевского уезда С. А. Крылов, врач А. И. Новиков (вторично), три октябриста (статский советник И. С. Клюжев (в третий раз), дворянин А. И. Ковзан (вторично), председатель Бугурусланской уездной земской управы дворянин Н. Н. Рычков, два правых (землевладелец дворянин А. М. Наумов, священник николаевского уезда В. И. Немерцалов), один кадет (секретарь губернского акцизного управления надворный советник Н. А. Гладыш), один левый (крестьянин Новоузенского уезда Л. М. Поздняков), один националист (землевладелец дворянин В. Н. Львов (вторично) и один неизвестной политической ориентации (председатель волостного суда в Бугурусланском уезде М. Мингалеев).

В Симбирске 25 августа 1912 г. состоялось первое предвыборное собрание, на котором присутствовало всего 22 избирателя. Председателем избрали социал-демократа В. Н. Ксандрова. Собравшиеся избрали «Всепартийное бюро избирателей» из пяти человек, в том числе В. Н. Ксандрова.

Городские октябристы делали акцент на заслуги партии: проведение аграрной реформы и уравнивание в правах Финляндии. 8 сентября 1912 г. свое собрание провели члены правого Национального русского союза, собрались 321 человек. Их лидер А. А. Мотовилов (депутат III Государственной думы) прочитал лекцию, в которой говорилось: «Мы, русские националисты, в четвертой Государственной думе будем руководствоваться следующими началами: 1. Величие и достоинство господствующей Православной церкви. Укрепление и расширение свободного начала в жизни церкви. 2. Всемерное содействие росту боевой мощи России. 3. Национально-патриотическое и религиозное направление народного образования. Широкое содействие низшему, ремесленному, техническому и сельскохозяйственному образованию. 4. Широкое развитие мелкого кредита. 5. Обслуживание средствами Государственного Банка дешевым и подвижным кредитом преимущественно русской промышленности. 6. Недопущение какого-либо расширения прав евреев. Пересмотр законов в целях более действенной борьбы с евреями» [14].

Симбирское отделение Всероссийского национального союза развернуло, пожалуй, самую активную пропагандистскую деятельность в губернии. Сам А. А. Мотовилов объехал почти все уездные центры, было отпечатано несколько тысяч предвыборных листовок.

23 сентября 1912 г. в Симбирске состоялось собрание по второй курии, которое устроили социал-демократы В. Н. Ксандров и И. П. Кузин. Пришли на него 123 человека. Активную роль на собрании играли кадеты М. Ф. Бонч-Осмоловский и В. П. Волков. Выборщиком избрали меньшевика Н. А. Вологина.

Первоначально левые доминировали и в Сызрани. В итоге же в Думе оказались три правых (протоиерей С. С. Медведков, председатель уездной земской управы С. И. Самойлов, купец И. Е. Пулин) и по одному националисту (А. А. Мотовилов), октябристу (вторично А. Д. Протопопов) и кадету (П. С. Петров).

В Астрахани основная борьба разгорелась между кадетами и правыми. При этом монархисты Н. Н. Тихановича-Савицкого выборы бойкотировали, но отдельные правые приняли в них самое активное участие. В первой городской русской курии лидировали кадеты. Пять их кандидатов набрали больше 300 голосов каждый. Наиболее успешный результат среди правых составил 132 голоса. Подобная же ситуация сложилась по второй городской русской курии. Два кадета прошли в выборщики и по первой городской инородческой курии.

Сравнительно неплохой результат оказался у социал-демократов. По первой городской русской курии прошел рабочий-большевик В. Е. Иванов. По второй городской инородческой курии прошел доктор Н. Н. Нариманов. По второй русской курии в выборщики прошли приказчик социал-демократ и доктор эсер. Из-за противодействия власти левые практически не вели агитации. Социал-демократы смогли распространить одну предвыборную прокламацию, за что поплатились несколькими арестами.

Четыре левых выборщика на депутатских выборах, опасаясь прохождения правого, отдали свои голоса за кадета, но, как написал один большевик в «Правду», «опасения эти были напрасны. Можно было не пачкаться и не голосовать за кадета» [15]. Победу от Астрахани одержал депутат III Государственной думы кадет В. А. Виноградов. Губерния дала: от волостей – попечителя банка прогрессиста К. К. Фирсова, от землевладельцев – прогрессиста С. И. Франгулова.

Резюме. Анализ тактики политических партий в Поволжье во время думских выборов 1907–1912 гг., особенностей их воздействия на электорат свидетельствует о том, что партийное делегирование в Государственную думу с 1907 г. сместилось к 1912 г. вправо. Это было связано, главным образом, с новым избирательным законом, административным нажимом и изменением настроений «среднего» избирателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Саратовский вестник*. – 1907. – 5 января.
2. *Народная свобода*. – 1907. – 5 января.
3. *Голос Самары*. – 1907. – 18 января.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. 855. – Оп. 1. – Д. 619. – Л. 2 об.
5. *Симбирские вести*. – 1907. – 16 января.
6. *Астраханская речь*. – 1907. – 26 января.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 5. – Ч. 52. – Л. 39 об.
8. *Астраханская речь*. – 1907. – 25 сентября.
9. *Саратовский вестник*. – 1907. – 1 сентября.
10. *Саратовский вестник*. – 1907. – 11 сентября.
11. *Голос Самары*. – 1907. – 1 августа.
12. *Саратовский вестник*. – 1912. – 4 сентября.
13. *Саратовский вестник*. – 1912. – 13 сентября.
14. ГАУО. – Ф. 855. – Оп. 1. – Д. 1136. – Л. 44.
15. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 242. – 1912. – Д. 5. – Ч. 5л. – Г.Л. 1 об.

УДК 947.083.7

**МАКСИМАЛИСТЫ И АНАРХИСТЫ В СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ
ПОВОЛЖЬЕ В 1907–1913 гг.**

**EXTREMISTS AND ANARCHISTS IN THE MIDDLE AND THE LOWER
VOLGA REGION IN 1907–1913**

В. Н. Кузнецов

V. N. Kuznetsov

*ГОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова», г. Ульяновск*

Аннотация. В статье показывается, что в изучаемом регионе в начале 1907 г. существовали две анархистские и три максималистские группы. Это были малочисленные экстремистские сообщества, практически игнорирующие пропаганду и легальную деятельность. Их деятельность сводилась к проведению экспроприаций, нередко сопровождающихся убийствами. Опоры на какой-либо социальный слой у них не было, поэтому постоянно проводимыми арестами властям удалось полностью ликвидировать максималистов в 1909 г., а анархистов, чьим последним оплотом осталась Астрахань, – в 1913 г.

Abstract. It is shown in the article that in the region under investigation in the beginning of 1907 there were two anarchist and three extremist groups. These were **small** extremist communities practically ignoring **propaganda** and legal activity. Their activity was restricted to carrying out expropriations, often accompanied by murders. They had no support of any social group, therefore due to constant arrests the authorities managed to liquidate extremists completely in 1909. And anarchists, whose last stronghold was Astrakhan, were liquidated in 1913.

Ключевые слова: максималисты, анархисты, террор, пропаганда.

Keywords: *extremists, anarchists, terror, propaganda.*

Актуальность исследуемой проблемы. Анархисты и максималисты Среднего и Нижнего Поволжья еще не являлись объектом научного исследования, между тем без изучения истории этих организаций невозможно представить репрезентативную картину политической истории региона в начале XX в.

Материал и методика исследований. Источником исследования явились материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), фонда особого отдела департамента полиции и Государственного архива Самарской области (ГАСО), фонда губернского жандармского управления. Документы, хранящиеся в ГАРФ, дают достаточно полное представление об организационной структуре и методах деятельности региональных анархистов и максималистов. Данные ГАСО позволили конкретизировать отдельные аспекты истории этих политических сил. Основой исследования явились принципы научности, объективности и историзма. При написании статьи нами был использован эмпирический метод поиска конкретных исторических фактов, связанных с целью исследования, методы обобщения, анализа и синтеза.

Результаты исследований и их обсуждение. Среди революционных сил России начала XX в. наиболее экстремистские позиции занимали максималисты и анархисты,

кровавым фейерверком промчавшиеся по Поволжью и «сгоревшие» в 1913 г. Крайний радикализм их касается видения и методов политической борьбы. Они боролись не столько с существующим строем, который не сокрушишь отдельными убийствами и ограблениями, сколько с ненавистными им его представителями. Анархисты и максималисты были весьма схожи. Их объединяла общность социальной базы, а точнее отсутствие опоры на какой-то конкретный класс или сословие. Программы их не отвечали насущным требованиям ни рабочих, ни крестьян, ни тем более зажиточных слоев, а опорой являлись одиночки из городских низов, не выражающие ничьих социальных интересов. Отдельных людей привлекали в эти группы жестокость и крайность методов, отсутствие дисциплины, вседозволенность, ненависть к любому подчинению.

Средний возраст анархистов составлял 24,5 года. О профессиональной принадлежности анархистов мы можем судить на примере Самары. В жандармских делах встречаются следующие профессии: фельдшер, письмоводитель, ювелир, вышивальщица, мальчик в магазине, певица, коммерческий агент, фотограф, учащийся (по одному представителю); конторщик, приказчик, белошвейка, зубной техник, чулочница, папиросница (по два представителя); трое портных. Какую-то социальную базу увидеть здесь довольно сложно. Отсутствие прочной опоры общественных слоев не могло не сказаться на устойчивости данного антигосударственного политического течения. Эти же выводы можно сделать и о максималистах.

Максималисты и анархисты были слабы в организационном плане. В начале 1907 г. в Поволжье действовали три максималистские группы: в Саратове во главе с А. М. Сентарецким (15 человек); в Самаре под руководством служащего губернской земской управы В. М. Владимирова (20 человек); в Алатыре Симбирской губернии (10 человек). Анархисты объединились в Самаре (26 человек) и Астрахани (около 10 человек).

В Саратове 29 декабря 1906 г. жандармы ликвидировали группу максималистов, но полиция почему-то освободила одного из активистов – А. М. Сентарецкого, несмотря на то, что при обыске у него нашли револьвер. Оказавшись на свободе, в начале января 1907 г. он создал новую группу, которая быстро себя проявила: 16 января 4 человека ограбили владельца бакалейной лавки, взяв 290 рублей и на 200 рублей золотых и серебряных изделий; 23 января 8 боевиков в масках ворвались мелочную лавку, нанесли хозяину колотое ранение, затем связали его, жену и дочь и скрылись, унеся 70 рублей [1]. Несколько боевиков выехали в Сердобский уезд для проведения ограблений помещичьих имений.

На основе агентурных данных в феврале 1907 г. жандармы обыскали двух максималистов, нашли пистолет, карточек и накладную бороду. Один из них был арестован. В апреле оказался схвачен руководитель сердобской группы, что сорвало намеченные экспроприации.

В середине мая 1907 г. в Саратове состоялся съезд максималистов, на который съехались делегаты из Москвы, Екатеринослава, Харькова, Одессы и Киева. В числе прочих в Саратов приехал член Союзного бюро максималистов Н. А. Шишло, родной брат секретного сотрудника саратовского охранного отделения И. А. Шишло – «Николаева». Это значительно упрощало работу для начальника отделения ротмистра Мартынова, который 3 мая телеграфировал заведующему Поволжским районным охранным отделением начальнику самарского ГЖУ, подполковнику Боброву: «Все сведения по съезду имею. Наблюдение установлено над шестью участниками для ликвидации» [2].

В начале мая 1907 г. два максималиста на 200 рублей ограбили трактирщика, но это оказалась последняя их акция. В ночь на 8 мая аресту подверглись 2 члена группы, у которых нашли несколько десятков экземпляров максималистской литературы. 9 мая на

Волге были схвачены 3 экспроприатора, оказавших вооруженное сопротивление полиции с нанесением двум городовым и околоточному пулевых ран. Затем секретный сотрудник вывел охранное отделение на квартиру, где проживали еще 3 боевика. В ночь на 11 мая их арестовали и нашли список с именами 15 максималистов. В ночь на 12 мая арестовали и их. Н. А. Шишло, вероятно, по агентурным соображениям арестован не был. Во второй половине 1908 г. он значился в числе членов эсеровского комитета Астрахани и в начале октября 1908 г. попал под крупную ликвидацию.

Все эти события переполнили чашу терпения оставшихся максималистов, и они начали искать того, кто их выдал. После недолгих раздумий выбор пал на 19-летнего бывшего ученика тамбовского реального училища Н. И. Ирошникова. Ему вынесли смертный приговор только исходя из того, что при обыске квартиры, где он жил вместе максималистом В. И. Герлицем, 23-летним студентом харьковского технологического института, его там не оказалось. Обвинители не только не провели партийного суда, но даже не предъявили Н. И. Ирошникову никакого обвинения. В результате 15 мая 1907 г. он был задушен В. И. Герлицем [3].

Но это убийство не помогло саратовским максималистам. После серии арестов в первой половине 1907 г. они смогли вновь объединиться в сентябре этого же года. Во главе их встал М. Груданов. Группа имела обширные экспроприаторские планы: 20 сентября 8 максималистов ограбили лесопромышленника И. Орлова, после чего были схвачены сами и М. Груданов. Из тюрьмы ему удалось 1 октября бежать и вновь сплотить группу из 20–25 человек. Для предотвращения «эксов» охранное отделение в ночь на 27 октября арестовало 20 максималистов, в числе которых вновь оказался лидер группы. При этом были изъяты оружие, патроны, кастет, грим и революционные издания. По словам ротмистра Мартынова, «организация потерпела полный урон, и в рядах ее членов значилось незначительное число лиц, оружия в руках организации нет, денег также» [5].

В 1908 г. максималисты Саратова вели себя достаточно миролюбиво. Когда в город приехал некий «Иван-солдат» и предложил убить пристава, то его отговорили от этого. В ноябре этого года несколько безработных бывших эсеров с завода Беринга создали свою небольшую группку, но к концу года и она перестала существовать.

Самарские максималисты, ведомые В. М. Владимировым и бывшим социал-демократом по кличке «Пролетарий», с января по февраль 1907 г. также совершили целый ряд экспроприаций: 26 января ограбили на 435 руб. мучную лавку; 15 февраля совершили нападение на заведующего общежитием реального училища, захватив 126 руб. и ценности; 18 февраля произвели частное ограбление. В дальнейшем В. М. Владимиров увлекся анархизмом, группа едва не развалилась, но была возрождена бывшим эсером Головным. Впоследствии группа была ликвидирована в результате серии арестов, проведенных в июле этого же года с целью недопущения готовящейся экспроприации в Самарском уезде.

Самарские максималисты в 1908 г. так и не смогли организовать. В 1909 г. в Самаре Н. С. Кузнецов объединил под своим руководством 6 человек. Было намечено проведение ряда терактов и «эксов», но 24 ноября всю группу арестовали. Вплоть до начала 1917 г. максималисты исчезли с политического горизонта Поволжья.

В отличие от саратовских и самарских максималистов их единомышленники в Алатыре Симбирской губернии занимались преимущественно пропагандой среди крестьян своего уезда. Не имея достаточных сил, в течение 1907 г. они не провели ни одной насильственной акции, а после обысков в начале 1908 г. прекратили свою деятельность.

Для максималистов и анархистов с их небольшими разрозненными группами период реакции обернулся поражением в деле сохранения хотя бы небольшого влияния на массы. Была напрочь забыта агитационная и пропагандистская работа, и все силы оказались брошены на проведение экспроприаций и терактов. Но анархисты оказались для властей более крепким «орешком».

Анархистских сообществ в Саратовской и Симбирской губерниях в начале 1907 г. не существовало. В мае-июле 1907 г. в Царицыне возникла анархистская группа, объединившая около 10 человек, но просуществовавшая недолго, лишь до конца лета. Астраханские анархисты пока бездействовали.

В Саратове организация анархистов возникла из остатков максималистской группы. Численность ее составляла 20–30 человек, она делилась на 2 района (городской и горный), во главе стоял В. И. Вдовин, бежавший из Саратовской тюрьмы. После арестов в сентябре 1907 г. трех боевиков организация распалась. Во второй половине 1907 г. в городе возникли две новые анархистские группы А. С. Грачева и В. А. Рыкова, нацеленные, прежде всего, на экспроприации. «Если деньги будут, то и все будет», – говорил один из анархистов [6]. Попытка В. А. Рыкова с товарищами ограбить земскую больницу, мучную лавку и коммерческое училище оказалась неудачной.

15 декабря из тюрьмы сбежал анархист А. П. Павлинов, во время последней экспроприации убивший топором всю семью, в том числе детей. 24 декабря 1907 г. он с несколькими сообщниками совершил аналогичное убийство и в этот же день вместе с 3 подельниками был арестован. Так закончилась анархистская деятельность в Саратовской губернии.

В октябре 1907 г. в Астрахань прибыли два анархиста из Баку: Мухин и Зуев. Они установили связь с местными единомышленниками (19-летним казаком А. Я. Мордвинцевым, 20-летним Ф. Ф. Фомичевым, 18-летним А. В. Губаревым и др.) и провели серию «эксов». Но им не все удавалось. После серии неудачных нападений они изменили свою тактику. Так, 16 ноября поздним вечером они ограбили возвращавшихся из театра кассиршу Розанову с мужем, добыча составила 50 рублей; 30 ноября совершили нападение на магазин Павлова; 11 декабря ограбили винную лавку, отняв дневную выручку в 36 рублей.

Через свою агентуру астраханская полиция вышла на след группы, сведения передали начальнику ГЖУ, и тот в декабре 1907 г. провел ликвидацию. Арестовали 10 человек (Мухина, Ф. Ф. Фомичева, А. В. Губарева, М. Н. Букаева и др.). При попытке задержания застрелили Зуева, самого старшего в группе. Скрывшегося А. Я. Мордвинцева убили оставшиеся на свободе анархисты по подозрению в провокации [7].

Несколько более прочными были позиции анархистов в Самаре. Постоянный приток новых участников в течение всего периода поддерживал их деятельность. В основном это были недавние эсеры. Самарскую группу возглавил бывший максималист В. М. Владимиров. Анархистами стали и ушедшие от эсеров члены рабочего центра во главе с его руководителем Я. М. Кожевниковым, которых не устраивало то, что центральные и местные партийные органы пытались ограничить теракты и экспроприации, а частные экспроприации вообще запретить. Анархист Попов указывал в написанной им листовке: «Централизация террора и эксов в такое время, когда сама жизнь этого требует в как можно больших размерах – не что иное, как то же самодержавие, только в другой форме... Поведение думской фракции показывает, что эсеры хороши были только на словах». Цель анархизма определялась так: «Полное освобождение человеческой личности от всякой власти, как мешающей полному проявлению воли». Для достижения этого предлагалось «как можно в больших размерах развивать террор и партизанскую войну» [4].

Самарские анархисты летом 1907 г. усиленно занимались пропагандой и самообразованием. В июле объявил о своем выходе из ПСР местный активный социалист-революционер И. А. Козорез, перешедший на позиции анархизма. Войдя в группу анархистов, он нацелил ее на ряд «эксов»: хлебной конторы М. Л. Бобермана, жигулевской пивной, почты в селе Каменка. Входило в планы и убийство подполковника Боброва. Но произведенный арест дезорганизовал группу и не дал осуществиться ее планам.

В октябре 1907 г. анархисты организовались вновь. Это были 10 железнодорожных служащих, видное место из них занял исключенный за неуспеваемость из фельдшерской школы В. А. Рыков. В конце октября власти арестовали 6 человек, и группа прекратила свое существование. В ноябре в Самаре возникла новая анархистская группа во главе с прибывшим из Саратова в Самару А. С. Грачевым. Ее лидеры решили убить жандармского офицера Орлова. Но вскоре выяснилось, что это убийство связано с интересами известной банды Лбова, и рядовые анархисты, не желая подвергать себя риску для достижения чьих-то целей, выступили против предполагавшейся акции [9]. В конце этого же года группа распалась.

В начале января 1908 г. небольшую группу (до 5 человек) организовал прибывший из Казани В. И. Сурудин. Заметное место в ней принадлежало фальшивомонетчику И. Г. Ильясову. После ареста 12 января 5 человек во главе с В. И. Сурудиным руководство перешло к В. Д. Лабуцкой и А. С. Грачеву. В феврале аресту подверглись 8 человек, власти нашли бомбу и 300 фунтов пороха, в апреле вместе со своим лидером В. П. Елатанцевым была ликвидирована возникшая незадолго до этого Николаевская группа.

Летом 1908 г. довольно крупное и относительно прочное объединение анархистов организовал бывший эсер Н. И. Данчин. Под его руководством они ограбили кондуктора конки и запланировали грабеж с убийством почтальона с. Красный Яр Самарского уезда, а также кражу чтимой иконы Богородицы из Раковского женского монастыря. К осени планы расширились за счет предполагаемых терактов против начальника тюрьмы, его помощника и командира Эстляндского полка. Анархисты оборудовали мастерскую по производству бомб, но аресты расстроили все эти начинания. Лишь в ноябре власти вышли на след группы и арестовали 17 человек. В декабре были схвачены еще 10, среди них оказались такие активные анархисты, как Л. Слиозберг и Д. Бешенова [9]. Тем не менее группа не была разбита, и в январе – марте 1909 г. власти были вынуждены арестовать еще 13 человек, в том числе Т. Ф. Эфрус и П. А. Шаляпина, державшего связь с единомышленниками других городов. Новая группа во главе с Н. С. Кузнецовым запланировала ряд «эксов» и убийств, в том числе губернатора. В декабре 1909 г. в Самаре были произведены новые аресты анархистов, и ничего из задуманного осуществить не удалось.

В октябре 1910 г. в город прибыли 2 члена боевого летучего отряда, поставившие целью поднять антиправительственную работу от Самары до Иркутска. В их планы входило создание на местах автономных, строго законспирированных групп по 3–4 человека. В Самаре прибывшие боевики организовали подобную группу из 6 человек и уехали в Уфу. Ведущую роль в ней занял В. В. Анищенко, участник «эксов» и убийств в нескольких городах России. ГЖУ внимательно следило за анархистами-уголовниками, в частности за В. В. Анищенко, и докладывало в Петербург, что в случае малейшего стремления к активной деятельности он будет ликвидирован. Анархисты намечали частные и казенные «эксы», при этом стоит отметить такие нереализованные задумки, как грабеж в поездах и сбыт фальшивых денег. В начале 1911 г. группа распалась.

В августе 1909 г. в Астрахани секретный сотрудник ГЖУ «Николаев» (А. И. Мельников) провокаторским приемом организовал в городе из безработных и ссыльных группу анархистов, подавал начальнику ГЖУ весьма дозированные сведения. Членом этого сообщества стал и другой сотрудник «Апрельский» (М. М. Селиванов). В сентябре жандармы арестовали 12 человек. Начальник ГЖУ полковник Бураго считал, что с группой покончено, но в ноябре по Астрахани были разбросаны анархистские прокламации, взорвана бомба у дверей дома владельца бондарного завода Лунина непосредственно А. И. Мельниковым, который вскоре, спасая жизнь, бежал из города.

В феврале и марте 1910 г. власти арестовали 8 анархистов, но группа продолжала существовать. Заведующий районом начальник Саратовского ГЖУ полковник Семигановский строго отчитал полковника Бураго. Началась взаимно оскорбительная переписка. Начальник Астраханского ГЖУ писал коллеге: «Дерзких и неприятных бумаг, в которых Вы стараетесь играть роль начальника, у меня в последнее время собралось достаточное количество... Допускаю, что сотрудник «Николаев» мог знать о группе анархистов-коммунистов на форпосте, но мне о ней не докладывать. Не могу же я быть ответственным за то, что тот или иной сотрудник не говорит все, что знает. Ведь не поставлено же и Вам, и ротмистру Мартынову в вину то обстоятельство, что Вами был рекомендован полковнику Карпову сотрудник «Воскресенский», который в действительности служил партии и погубил Карпова» [8]. Департамент полиции встал на сторону Семигановского. Наконец в апреле 1910 г. последовали новые аресты, и с группой было покончено.

В 1911 г. анархистская жизнь теплилась только в Астрахани, где 1 марта 6 боевиков во главе с В. Булатовым совершили ограбление кассира предприятия Нобеля. Всех грабителей арестовали. Защищать их собрался Р. А. Аствацатуров, но впоследствии отказался от этого.

Приехавший в 1913 г. с Кавказа в Астрахань 23-летний Джапаридзе уже не нашел здесь анархистов. Пришлось пригласить 6 человек со своей родины. Они запланировали ограбление почты, но в марте 1913 г. сначала арестовали Джапаридзе, затем боевиков И. Микадзе и Д. Цилосани. Практически к концу 1913 г. анархистская деятельность в регионе в дореволюционный период прекращается.

Резюме. Анархисты и максималисты Среднего и Нижнего Поволжья в период с 1907 по 1913 г. не были объединены в хорошо сплоченные организации. Они существовали лишь в форме небольших самостоятельных групп, в которых практически не велась печатная или устная пропаганда, предпочитались более агрессивные методы борьбы – экспроприации и акты террора. Отсутствие прочной опоры в обществе, четкой программы своих действий и конечной цели политической борьбы способствовали властям относительно быстро покончить с экстремистскими группами данных социально-политических течений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 10. – Ч. 52. – ЛЛ. 8, 10.
2. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 10. – Ч. 52. – Л. 21 об.
3. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 10 – Ч. 52. – Л. 55.
4. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 9. – Ч. 50. – Л. 68 об.
5. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 10. – Ч. 52. – Л. 100.
6. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 10. – Ч. 50. – Л. 16 об.
7. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 237. – 1907. – Д. 12. – Ч. 2. – Л. 1–4.
8. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 239. – 1909. – Д. 12. – Ч. 2л. А. – ЛЛ. 15 об., 52.
9. Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. 469. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 23.
10. ГАСО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Д. 1239. – Л. 12.

УДК 37.032

**ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
У БУДУЩЕГО РАБОТНИКА СИСТЕМЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ВУЗА**

**FORMATION OF CORPORATE CULTURE OF THE FUTURE WORKER
OF SYSTEM OF CONSUMERS' COOPERATIVE SOCIETY AS THE PEDAGOGICAL
PROBLEM OF THE HIGHER EDUCATION**

Г. М. Лохонова

G. M. Lokhonova

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал) АНО ВПО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье рассмотрено формирование корпоративной культуры у будущего работника потребительской кооперации как совокупность принятых личностью ценностей, норм и правил поведения, обеспечивающих ему чувство сопричастности к этой организации.

Abstract. Formation of corporate culture of the future worker of consumers' co-operative society as set of values, norms and rules of the behaviour, accepted by a person, providing him with the feeling of participation to this organisation is considered in the article.

Ключевые слова: корпоративная культура, потребительская кооперация, ценности, работник системы потребительских обществ.

Keywords: corporate culture, consumers' cooperative society, values, a worker of system of consumer societies.

Актуальность исследуемой проблемы. В последние годы наблюдается волна научного и практического интереса к феномену корпоративной культуры с целью создания эффективной команды для повышения производительности труда и гармонизации социально-трудовых отношений. Молодые специалисты, обладающие достаточным уровнем корпоративной культуры, смогут позитивно повлиять на решение этой задачи. Поэтому формирование корпоративной культуры у будущих специалистов является актуальной задачей системы высшего профессионального образования.

Изучение корпоративной культуры личности сталкивается с определенными трудностями. В отечественной науке до сих пор нет однозначного определения данного понятия и ясного понимания того, каков потенциал этого феномена, можно ли на него воздействовать и если да, то с помощью каких механизмов.

В настоящее время не накоплено достаточной информации о содержании и специфике корпоративной культуры российских организаций, не изучены проблемы фор-

мирования ее в аспекте профессионально-личностных качеств специалиста, в том числе и в системе потребительской кооперации. Это актуализирует потребность раскрытия сущности и структуры корпоративной культуры, а также степень формирования элементов данной культуры у студентов в процессе обучения в вузе.

Материал и методика исследований. При изучении данной проблемы нами были проанализированы труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам формирования корпоративной культуры. Использовались общенаучные методы исследования, такие как сравнение, анализ, синтез, моделирование. Объективная оценка и конкретизация данных ориентируют рассматриваемую работу на использование наиболее значимых принципов и методов научно-исследовательской деятельности.

Результаты исследований и их обсуждение. Наличие в организации «корпоративного духа» нашло отражение в трудах начала XIX века. А. Файоль называл укрепление и поддержание корпоративного духа одним из базовых принципов управления предприятием [1, 88]. Формулируя значение корпоративного духа, он писал: «Союз – это сила. А она является результатом гармонии персонала» [3, 14]. Большинство исследователей склонно считать, что исторически термин «корпоративная культура» появился в XIX веке и связан с именем немецкого фельдмаршала Хельмут фон Мольтке [5]. Он применил функциональный принцип организации армии, который затем был перенят промышленностью, трансформировавшейся позже в создание специализированных подразделений предприятий, и зародил основы «корпоративной культуры».

Исторически понятие «корпоративная культура» возникло в аспекте совместной деятельности людей и связано с необходимостью их объединения с целью эффективного решения конкретных задач. Изначально термин «корпоративный» возник от латинского «corporation» – объединение, сообщество, а не от «корпорации» как организационно-правового типа предприятия.

Корпоративная культура – это не только культура корпораций, это понятие может применяться к любой организации, объединяющей людей для совместного достижения целей.

Анализ научных публикаций показал, что в определении понятия «корпоративная культура» имеется широкий спектр мнений авторов. Отсутствие единого понимания явилось для нас одной из методологических сложностей и привело к необходимости обозначения нашего подхода. Речь идет о попытке обосновать наиболее приемлемое для исследования определение этого феномена.

Можно выделить следующие подходы к корпоративной культуре [2]:

1. По признаку влияния корпоративной культуры на организационную эффективность каждый из существующих подходов может быть определен как «оптимистический» (корпоративная культура рассматривается как инструмент повышения эффективности деятельности организации и проводник организационных изменений) или как «пессимистический» (корпоративная культура не может быть источником повышения эффективности и тормозит попытки нововведений).

2. По признаку понимания механизмов возникновения и формирования корпоративной культуры подходы можно разделить на «рациональный» (культура привносится

в организацию ее руководством или ее основателями) и «генетический» (культура представляет собой результат всей истории организации).

3. По признаку влияния среды на образование и формирование корпоративной культуры можно разделить подходы на «экстерналистский» (корпоративная культура формируется в тесной зависимости от национальной культуры и следует требованиям окружающей среды) и «интерналистский» (культура формируется в соответствии с организационной структурой, традициями и т. п.).

4. По признаку влияния корпоративной культуры на поведение членов организации теоретические подходы можно разделить на «направляющие» (культура рассматривается как определяющая индивидуальное поведение с помощью совокупности усвоенных ценностей и норм) и «ограничивающие» (культура – это репертуар способов восприятия и интерпретации ситуации, который оставляет индивиду некоторую свободу в этих рамках).

5. В соответствии с пониманием влияния корпоративной культуры на организационные изменения и способность организации к адаптации можно выделить «кондуктивный» подход (рассматривающий культуру как препятствие для изменений) и «резистивный» подход (рассматривающий ее как проводник изменений).

По общим признакам вышеуказанные подходы можно объединить в две группы: рационально-прагматический и феноменологический. Рационально-прагматический подход может быть охарактеризован как рациональный, интерналистский, направляющий и кондуктивный. Феноменологический же рассматривает корпоративную культуру как надрациональный феномен, сопротивляющийся изменениям и оказывающий влияние на эффективность организационной деятельности в процессе восприятия и интерпретации ситуации.

Мы придерживаемся рационально-прагматического подхода, воплощенного в работах М. Алвессона, У. Бенниса, Р. Киллмана, Э. Шейна, в России – А. Агеева, М. Грачева, В. Рудницкого, отличительной чертой которого является ориентация на возможность управления корпоративной культурой. Феноменологический подход в России к исследованию корпоративной культуры развит мало.

Корпоративная культура рассматривается как одна из подсистем, выполняющая функции адаптации организации к окружающей среде и идентификации ее сотрудников внутри самой корпорации. Мы согласны с авторами, которые данный термин описывают как атрибут или свойство группы, представляющее собой «совокупность поведений, символов, ритуалов и мифов, которые соответствуют разделяемым ценностям, присущим предприятию» [2, 58].

Несмотря на разнообразие версий трактовки корпоративной культуры в рамках рационально-прагматической концепции, их общей чертой является то, что корпоративная культура рассматривается как фактор, который может быть использован для максимизации эффективности деятельности организации, укрепления ее целостности, улучшения механизмов социальной сплоченности работников, повышения их производительности и мотивации труда.

На наш взгляд, корпоративная культура осуществляет следующие функции:

1. Формирование определенного имиджа организации. Корпоративная культура будущих работников потребительской кооперации выражается через ценности, которые организация поддерживает не только внутри, но и во вне себя. Работник, которого удовлетворяют не все условия труда в системе потребкооперации, может, тем не менее, продолжать свою деятельность на предприятии, принадлежность к которому вызывает во внешней среде уважение, трудиться на котором престижно.

2. Поддержание ценностей, присущих данной организации. Корпоративная культура через артефакты, миссию, историю, традиции поддерживает ценности системы потребительской кооперации и обеспечивает их преемственность от одного поколения к другому.

3. Создание и поддержание у членов коллектива чувства причастности к общему делу, что придает смысл их работе в системе потребкооперации.

4. Воспитание сотрудников в духе преданности организации, ограничение от нежелательных влияний, т. е. охранная функция. Корпоративная культура работников потребкооперации представляет собой систему, которая может устойчиво развиваться только при наличии консервативного ядра, обеспечивающего ее устойчивость за счет восприятия основной массой сотрудников идеологии кооперации во имя удовлетворения запросов потребителей.

5. Содействие социализации новых работников, т. е. адаптационная функция. Социализация нового работника на предприятиях потребкооперации во многом связана с тем, насколько успешно он сможет «влиться» в существующую культуру, примет ли господствующие ценности.

6. Формирование и контроль форм поведения, характерных для данной организации, т. е. регулирующая функция. Если работник потребкооперации видит, что поощряется реализация права потребителя через формулу «потребитель всегда прав», повышение заработной платы и карьерный рост связываются с уровнем реализации им этого требования, то имеет место реальная ценность, которая и формируется как регулятивная система.

Корпоративная культура направлена на построение определенного имиджа организации, поддержание ее ценностей, создание и поддержание у сотрудников организации чувства причастности к общему делу.

По мнению большинства исследователей, правомерно говорить о корпоративной культуре только в том случае, когда выполняются важные условия труда персонала, а именно: работники удовлетворены работой в целом, условиями труда, отношениями в коллективе, заработной платой, обеспечением социальными благами, обстановкой в коллективе.

Корпоративная культура личности может быть условно представлена основными элементами: знанием, отношением, действием и их взаимным влиянием друг на друга. Для сотрудника организации действует формула: «знаю это» (когнитивный критерий: знание ценностей, норм и правил поведения), «выстраиваю свое отношение к ним» (ценностно-мотивационный критерий: принятие ценностей, норм и правил поведения); «делаю так, так как это ценно для меня» (поведенческий критерий: совпадение поступков с ценностями, нормами и правилами поведения). Когнитивный критерий позволяет

оценить знания личностью корпоративных ценностей, норм и правил поведения через такие показатели, как объем и глубина знаний. Ценностно-мотивационный критерий дает возможность оценить отношение личности к корпоративной культуре организации и выявить мотивы поведения работника через такой показатель, как принятие ценностей, норм и правил корпорации. Поведенческий критерий через показатель совпадения поступков личности с корпоративными ценностями, нормами и правилами поведения позволяет оценить действия сотрудника корпорации, соответственно выявить наличие у него одного из важных элементов корпоративной культуры.

Опираясь на вышесказанное, мы можем определить корпоративную культуру будущего работника потребительской кооперации как совокупность принятых личностью ценностей, норм и правил поведения, обеспечивающих ему чувство сопричастности к этой организации.

Потребительская кооперация – система потребительских обществ и их союзов разных уровней, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов. Она основывается на таких кооперативных принципах и ценностях, как добровольность, демократия, независимость, равенство, взаимопомощь, взаимная ответственность, справедливость и солидарность. По своей природе она уникальна: имеет свою историю, организационную структуру, виды коммуникаций, системы и процедуры постановки задач, внутриорганизационные ритуалы и мифы, которые в своей совокупности и образуют ее корпоративную культуру.

Изучение кооперативного права и истории кооперативного движения, прохождения учебно-ознакомительной практики, участие в выездных занятиях в организации потребительской кооперации, а также выполнение научно-исследовательских работ по актуальным проблемам кооперации способствуют возникновению у студентов чувства сопричастности к общему делу. Ритуалы, традиции и праздники (например, Международный день кооперативов), связанные с важными историческими событиями, многократно усиливают эмоции и чувственные переживания будущего работника системы потребкооперации [4, 15]. Элементы корпоративной культуры потребительской кооперации являются важным звеном этой культуры будущего работника организации.

Процесс научно-исследовательской деятельности в вузе направлен на формирование корпоративного духа и складывания элементов корпоративного мышления. Научно-исследовательская работа студентов служит развитию их как творческих личностей, способных обоснованно и эффективно решать возникающие теоретические и прикладные проблемы. Студент должен четко понимать структуру своей науки, видеть любой конкретный вопрос в свете этой структуры, владеть логикой научного знания, логикой исследования, в том числе логикой эксперимента и т. д. Включенность студентов в научно-исследовательскую работу в процессе обучения в вузе носит обязательный характер и предполагает их творческую самореализацию в соответствии с индивидуальными интересами и возможностями каждого из них. Взаимодействие студентов и научного руководителя в процессе совместной работы над научно-исследовательским проектом направлено на формирование корпоративной культуры и воспитание корпоративного духа. Ничто так не объединяет единомышленников, как совместное научное творчество.

Несомненно, будущий специалист должен быть готов к осуществлению научно-исследовательской деятельности, что позволит в дальнейшем в его профессиональной работе и на научном уровне, используя исследовательские методы, решать возникающие задачи.

Кроме того, на формирование корпоративной культуры будущего работника системы потребительской кооперации большое влияние оказывают условия труда. В качестве основных из них можно выделить следующие: преимущества работы в организации и сопричастность общему делу; возможность работать в команде и вера во взаимопомощь; возможность самореализации; защищенность интересов и прав работника. Речь идет об удовлетворенности работника реализуемой профессиональной функцией в данной корпорации и соответствии получаемых всевозможных материальных и нематериальных выгод с ожиданиями работника.

Резюме. В исследовании проанализированы наиболее значимые аспекты корпоративной культуры работника потребительской кооперации. Выделенные критерии и показатели рассмотрены нами как признаки формирования элементов корпоративной культуры у будущих работников системы потребкооперации, обучающихся в системе высшего профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Занковский, А. Н. Организационная психология / А. Н. Занковский. – М. : Флинта-МПСИ, 2000. – С. 288.
2. Липатов, С. А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики / С. А. Липатов // Вестник Московского университета. Сер. 14, психология. – 1997. – № 5. – С. 55–65.
3. Остаркова, И. Победа разума над хаосом / И. Остаркова // Сообщение. – 2001. – № 11. – С. 14–17.
4. Пригожий, А. И. Организационная культура и ее преобразование / А. И. Пригожий // Общественные науки и современность. – 2003. – № 5. – С. 12–23.
5. Спивак, В. А. Корпоративная культура: теория и практика / В. А. Спивак. – М. : Питер, 2001. – С. 42.

УДК [378.016:811.161.1'271]:004

**ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
У СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ**

FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF BILINGUAL STUDENTS

О. М. Лукичева

O. M. Lukicheva

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Установлено, что эффективность формирования коммуникативной компетентности у студентов-билингвов в процессе обучения русскому языку и культуре речи обеспечивается созданием определенных педагогических условий.

Abstract. It's determined that the effectiveness of forming communicative competence of bilingual students in the process of teaching the Russian language and standard of speech is ensured by certain educational conditions.

Ключевые слова: культура речи, коммуникативная компетентность, блочно-модульная система обучения, лингводидактическая компьютерная программа.

Keywords: standard of speech, communicative competence, block-module system of education, linguo-didactic computer program.

Актуальность исследуемой проблемы. Инновационные процессы, происходящие в социально-экономической жизни общества, предъявляют новые требования к уровню образованности и компетентности современного учителя. Выпускник педагогического вуза, которому предстоит работать в школе нынешнего тысячелетия, должен обладать определенными коммуникативно-речевыми навыками. Для будущего учителя важно знать не только учебный материал и методику преподавания дисциплины, но и в совершенстве владеть русским языком как важнейшим средством обучения и воспитания подрастающего поколения в условиях активного двуязычия и диалога культур. Поэтому первостепенной задачей обучения будущего педагога становится формирование у него коммуникативной компетентности как интегративного свойства личности, обеспечивающего успешность действия в типовых и неординарных педагогических ситуациях в силу осведомленности в широком круге вопросов культуры речи.

Важность совершенствования навыков иноязычной речи для профессионального становления творческой личности отмечают не только ученые-педагоги (С. Б. Елканов, Н. М. Зверева, Е. Г. Злобина, Л. Я. Зорина, А. В. Мудрик и др.), но и известные психологи (И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, Б. Ф. Ломов и др.), лингвисты (Б. Ю. Городецкий, О. Б. Сиротина и др.), философы (М. М. Бахтин, М. С. Каган и др.).

В самом деле, ни один из видов педагогической деятельности учителя не может осуществляться вне его профессиональной речевой культуры. Но формирование коммуникативной компетентности в условиях национального педвуза сопряжено с преодолением

ем немалых препятствий, обусловленных своеобразием грамматического строя русского языка и интерферентным влиянием родного языка обучаемых. Безупречное владение русской речью является залогом успешной работы учителя в школах Чувашии, где преподавание учебных дисциплин ведется не на родном языке, а на русском.

Студенты нефилологических факультетов испытывают немалые трудности в овладении культурой русской речи. Результаты анкетирования этих студентов свидетельствуют, что для них трудным является, прежде всего, овладение нормами литературного произношения, интонирование русских фраз, конструирование разнотипных простых и сложных предложений, построение связных высказываний, различение функциональных стилей речи.

В силу сложившихся обстоятельств заметно возрастает роль курса «Русский язык и культура речи», который ведется на нефилологических факультетах для развития речевых умений будущих учителей-предметников, проявляющихся в знании и соблюдении литературных норм языка, в искусном владении его стилистическими и выразительными средствами, в умении создавать разнотипные и разножанровые тексты, отвечающие требованиям классической риторики.

Анализ состояния преподавания русского языка и культуры речи на нефилологических факультетах национального педвуза показывает, что в обучении этой дисциплине наряду с традиционными способами активизации речемыслительной деятельности студентов широко используются активные методы работы с ними (дидактические ролевые игры, проектная работа, мозговой штурм, диспут, решение олимпиадных лингвистических задач). Кроме того, преподаватели стремятся применять на своих занятиях и различные технические средства обучения (магнитофон, видеопроектор, компьютер, интерактивная доска). Они осознают, что высокий уровень развития компьютерных технологий обеспечивает им использование ресурсов сети Internet, но преподаватели не располагают добротными обучающими программами.

Действительно, в настоящее время все острее ощущается необходимость в разработке и активном использовании новых компьютерных технологий, способствующих решению актуальных проблем индивидуализации и активизации процесса обучения двуязычию, эффективной организации самостоятельной работы студентов, повышению интереса к секретам умелой, искусной, хорошей русской речи.

Результаты проведенного автором социолингвистического обследования школ республики и изучения опыта преподавания русского языка и культуры речи студентам-билингвам нефилологических специальностей позволили выявить противоречия между:

- современными запросами школьного преподавания учебных дисциплин в условиях двуязычия и несовершенством теории и методики обучения русскому языку и культуре речи на нефилологических факультетах национального педвуза;

- необходимостью педагогического обеспечения компьютерной технологии обучения русскому языку и культуре речи как средству повышения качества формирования у студентов-билингвов коммуникативной компетентности и неразработанностью теоретических основ и педагогических условий применения в учебном процессе компьютерных технологий.

Для снятия этих противоречий необходимо было теоретически выявить и обосновать педагогические условия, обеспечивающие успешное формирование у студентов-билингвов коммуникативной компетентности при обучении русскому языку и культуре речи с применением компьютерных технологий и научно-теоретических достижений современной педагогики, психологии, теории речевой деятельности, лингводидактики.

Материал и методика исследования. Диагностическое исследование проводилось на базе факультетов Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева: физической культуры, исторического, художественно-графического, естествознания и дизайна среды.

В процессе исследований был использован комплекс теоретических методов (анализ научно-методической, психолого-педагогической и специальной литературы по проблеме исследования, материалов по компьютеризации образования; изучение государственных образовательных стандартов, рабочих программ, учебных пособий, методических материалов по русскому языку и культуре речи), эмпирических (наблюдение, анкетирование, тестирование, констатирующий и формирующий эксперименты) и методов математической статистики (количественная и качественная обработка результатов).

Результаты исследований и их обсуждение. Многие ученые сходятся во мнении, что основополагающей частью современных образовательных систем является компетентностный подход. В понятиях «компетенция» и «компетентность» определяющим является опыт деятельности личности, ее активная позиция, готовность к целеполаганию и осуществлению профессиональной деятельности «со знанием дела». Под профессиональными компетенциями мы подразумеваем готовность и способность личности целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически организованно и самостоятельно решать профессиональные задачи и проблемы. Эти компетенции закладываются в образовательный процесс благодаря системному подходу к обучению лингвистическим дисциплинам и развитию творческой компетентности будущих учителей с учетом национально-регионального компонента [1, 174].

Успешность формирования коммуникативной компетентности средствами учебной дисциплины «Русский язык и культура речи» зависит от осознания ее специфики и педагогического потенциала, заложенного в ней. Культура речи предполагает правильное и уместное употребление языковых средств в определенной речевой ситуации и обеспечение наибольшего эффекта в достижении поставленных коммуникативных целей. В воспитании такой культуры выделяют две основные стороны педагогического процесса: 1) выработку у обучающихся умения говорить правильно – в соответствии с нормами литературного языка; 2) формирование у них умения говорить и писать хорошо, искусно – с соблюдением требований практической стилистики и риторического канона. Следовательно, правильность и коммуникативная целесообразность речи составляют два приоритетных направления в разработке инновационных лингводидактических технологий обучения русскому языку и культуре речи на современном этапе.

На наш взгляд, коммуникативная компетентность, формируемая у студентов-билингвов в процессе обучения русскому языку и культуре речи на нефилологических факультетах, является сложным образованием, включающим в себя такие подструктуры, как:

– *языковая компетентность* – овладение основами науки о языке, основными умениями и навыками анализа явлений и фактов языка; совершенствование способности обучающихся употреблять слова, их формы и синтаксические структуры в соответствии с нормами литературного языка, использовать ресурсы русского языка; способность понимать чужие мысли и выражать собственную точку зрения как в устной, так и в письменной форме;

– *коммуникативно-речевая компетентность*, включающая два аспекта:

1) *речевой аспект* – формирование у будущих учителей коммуникативных качеств современной русской речи с опорой на практическую стилистику и риторiku (точность, краткость, логичность, чистота, богатство, выразительность, уместность), овладение всеми

видами речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо); способность понимать и продуцировать устные и письменные высказывания на уровне предложения, сверхфразового единства, текста; способность ориентироваться в ситуации общения и строить высказывание в зависимости от коммуникативного намерения говорящего и ситуации;

2) *социокультурный (культуроведческий) аспект* – знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка, включающих обычаи, этикет, социальные стереотипы, историю и культуру народа, а также умение пользоваться полученными знаниями в процессе общения; владение нормами русского речевого этикета, культурой профессионального и межнационального общения.

Выделение указанных аспектов культуры речи носит условный характер, ибо в процессе обучения студентов русскому языку они проявляются в неразрывном единстве.

Проведенный нами констатирующий эксперимент позволил выявить уровни сформированности коммуникативной компетентности у студентов-билингвов. В качестве заданий студентам предлагалось выполнить тесты, определяющие уровень владения нормами русского литературного языка, и творческие задания, рассчитанные на выявление сформированности коммуникативных качеств хорошей речи. Результаты констатирующего эксперимента свидетельствуют о наличии в речи студентов-билингвов речевых ошибок (стилистических и нестилистических), классификация которых обоснована Г. А. Анисимовым [2, 62].

Нестилистические ошибки возникают при нарушении норм, основанных на системных отношениях между единицами каждого из уровней языковой структуры. Как показывает исследование, наибольшую трудность для студентов-билингвов представляют прежде всего грамматические нормы русского языка. Основные причины распространенности и устойчивости грамматических ошибок в русской речи студентов-билингвов кроются в сложностях грамматического строя русского языка и влиянии их родного языка. К грамматическим ошибкам относятся: отклонение от норм формообразования имен существительных (нарушения в родовой принадлежности, ошибки в выборе форм числа, неправильный выбор варианта падежного окончания существительного), прилагательных, числительных, местоимений, глагольных слов (неверное образование неопределенной формы глагола, возвратных глаголов, видовых форм, повелительного и сослагательного наклонений и др.), ошибки в построении простых и сложных предложений.

Стилистические ошибки порождаются нарушением норм стилистики (неумением выбрать из ряда синонимов наиболее удачное слово; немотивированным употреблением слов и конструкций одного стиля в другом; смешением стилистически отмеченных языковых средств; неоправданным повторением одного и того же слова или однокоренных слов; тавтологией, плеоназмами, неудачными образными средствами, злоупотреблением штампами, неблагозвучием, бедностью словаря и фразеологии, громоздкостью или однообразием синтаксических построений).

Анализ выявленных ошибок позволил определить основные трудности в формировании грамотной и хорошей речи студентов и составить систему коммуникативно-речевых упражнений, направленных на совершенствование у студентов-билингвов языковых и коммуникативно-речевых умений, что нами учитывалось при создании лингводидактической компьютерной программы на основе блочно-модульного изучения лексико-грамматических тем. Именно блочно-модульное обучение способствует реализации принципа оптимального структурирования учебного материала вокруг ключевой идеи курса – формирования коммуникативной компетентности.

Поскольку формирование коммуникативной компетентности студентов-билингвов проходило поэтапно, теоретический и практический материал курса «Русский язык и культура речи» был разбит на два тематических блока. Первый блок лингводидактической компьютерной программы направлен на формирование языковой (базовой) компетентности и содержит такие модули, как орфоэпические нормы, лексические нормы, морфологические нормы, синтаксические нормы, стилистические нормы. Система упражнений этого блока нацелена, главным образом, на закрепление норм русского литературного языка. Второй блок позволяет решить главную задачу курса – сформировать у студентов-билингвов коммуникативно-речевые умения. Он включает следующие модули: коммуникативные качества хорошей речи, условия успешной коммуникации, публичное выступление, речевой этикет.

Каждый блок и каждый модуль содержат соответствующие разделы: цель и задачи изучения блока (модуля), результаты обучения, научно-терминологический аппарат, уровни освоения, требования к объекту оценки, критерии оценки результата, нормативная продолжительность обучения, оценочные материалы, учебные материалы, организация самостоятельной работы [6, 10]. Блочно-модульное построение курса способствует определению объема (дозы) информации, подлежащей усвоению, а также проведению среза знаний по каждому модулю с помощью контрольных тестов. Разработанная нами компьютерная программа позволяет использовать различные формы работы, в том числе интерактивные лекции с применением проектора для демонстрации учебного материала на большом экране, а также обучающие и контрольные тесты.

Особую содержательную часть данной программы составляет система упражнений по каждому модулю. Упражнения носят аналитический, аналитико-конструктивный и конструктивный характер и используются в учебном процессе в зависимости от уровня развития у студентов навыков построения текстов разных типов (описательного, повествовательного или рассуждения) и разных жанров и стилей. Аналитические упражнения связаны с восприятием образцовых фрагментов текстов. Так, при изучении функциональных стилей языка студентам предлагаются в качестве примера для синтаксического разбора и комментирования тексты официально-делового стиля (заявление, автобиография, письмо, доверенность, резюме и др.), научного (рецензия, аннотация, реферат и др.), публицистического (очерк, интервью и др.). Студенты сначала анализируют образцы речевых произведений, извлеченных из классической русской литературы, выявляют изобразительно-выразительные средства языка, которыми пользуются художники слова, затем тренируются в конструировании собственных связных высказываний сообразно коммуникативным намерениям.

Содержание лингводидактической компьютерной программы как важной части созданной и реализованной в учебном процессе модели формирования коммуникативной компетентности отвечает Государственному образовательному стандарту специалиста и способствует удовлетворению потребностей обучаемых в овладении нормами русского литературного языка и правилами речевого этикета.

Как показывают результаты обучающего эксперимента, использование лингводидактической компьютерной программы обеспечивает мониторинг языковой и коммуникативной подготовленности студентов-билингвов. Разработаны критерии, определены показатели уровней сформированности у них коммуникативной компетентности:

- *мотивационный критерий* (его показателями являются положительная мотивация к изучению русского языка, стремление использовать полученные знания в практике речевого общения в учебно-профессиональной сфере);

- *когнитивный критерий* (объем и качество знаний орфоэпических, лексических, морфологических, синтаксических норм русского литературного языка и стилистики, знание коммуникативных качеств хорошей речи, правил речевого этикета);

- *практическо-деятельностный критерий* (сформированность грамотной речи в широком ее понимании, отсутствие в продуцированных высказываниях речевых ошибок, способность составлять связные тексты на русском языке с опорой на практическую стилистику и риторiku; проявление коммуникативных качеств хорошей речи – точности, краткости, чистоты, богатства, выразительности и уместности языковых средств);

- *конструктивно-коммуникативный критерий* (высокий уровень речевой культуры, соблюдение норм речевого этикета; способность строить целостные высказывания (диалоги и монологи) в зависимости от ситуации и коммуникативного намерения говорящего или пишущего; умение действовать характерно нестандартной коммуникативной ситуации, творчески применять свои знания адекватно учебно-профессиональной деятельности).

Выделяются три уровня сформированности коммуникативной компетентности у студентов-билингвов. *Высокий уровень* имеет следующие качественные характеристики: наличие устойчивого интереса к изучению русского языка; высокий уровень теоретической подготовки; отсутствие речевых ошибок в связных высказываниях; владение навыками конструирования разнотипных и разножанровых текстов; активность и инициативность в речевом взаимодействии; владение нормами этикета (делового, национального, профессионального); эффективность в решении коммуникативных задач или проблем, гибкость, оригинальность мышления; ощущение себя творческой языковой личностью, для которой русский язык является надежным инструментом в разных сферах будущей педагогической деятельности.

Для *среднего уровня* сформированности коммуникативной компетентности характерны такие качества, как достаточный уровень теоретической подготовки, способность обучаемых употреблять слова, их формы, синтаксические моно- и полипредикативные конструкции в соответствии с нормами литературного языка; допущение в речи некоторых лексико-грамматических и интонационных недочетов, обусловленных интерферирующим влиянием родного языка; умение конструировать связные тексты, в которых спорадически проявляются случаи отклонения от норм практической стилистики и речевого этикета; возникновение некоторых трудностей при самодиагностике собственного речевого опыта.

Для *низкого уровня* сформированности коммуникативной компетентности характерны низкий уровень лингвистической подготовки; неумение осознавать текстообразующие возможности самостоятельных и служебных слов; нечеткое представление норм русского литературного языка; допущение в продуцированной речи грамматических ошибок; нахождение неточностей по подсказкам преподавателя или всплывающим подсказкам компьютерной обучающей программы; недостаточная сформированность коммуникативных качеств речи.

Экспериментальное обучение русскому языку и культуре речи на основе разработанной автором лингводидактической компьютерной программы позволило повысить качество усвоения студентами-билингвами норм русского литературного языка и стилистики, что подтверждается не только заметным уменьшением в их высказываниях речевых ошибок, но и уровнем сформированности у них коммуникативной компетентности (см. табл. 1).

Таблица 1

Анализ результатов исследования по формированию коммуникативной компетентности у студентов-билингвов

Уровень	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Первоначальный результат	Итоговый результат	Первоначальный результат	Итоговый результат
Низкий	54,55	13,64	52,17	26,09
Средний	45,45	59,09	47,83	60,87
Высокий	-	27,27	-	13,04

Резюме. Таким образом, высокий уровень сформированности коммуникативной компетентности в двуязычной среде достигается при соблюдении следующих педагогических условий:

О усиление мотивации преподавателя к использованию инновационных подходов в обучении дисциплине «Русский язык и культура речи»;

О создание и реализация в учебном процессе модели формирования у студентов коммуникативной компетентности благодаря применению компьютерных технологий, отвечающих требованиям Государственного образовательного стандарта специалиста и способствующих удовлетворению потребностей обучаемых в овладении нормами русского литературного языка и правилами речевого этикета;

О разработка лингводидактической компьютерной программы обучения, включающей помимо лекционных и справочных материалов систему коммуникативных упражнений, построенных на разнотипных и разножанровых текстах и отражающих социально-культурные и духовно-этические традиции народов, проживающих на территории современной Чувашии;

О осуществление мониторинга сформированности у студентов навыков правильной и хорошей речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, Г. А. Речевое развитие билингвальной личности в свете компетентностного подхода в филологическом образовании / Г. А. Анисимов // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. – 2009. – № 3–4. – С. 174–177.
2. Анисимов, Г. А. Русский язык в чувашской школе: проблемы, поиски, опыт / Г. А. Анисимов. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1990. – 175 с.
3. Головин, Б. Н. Основы культуры речи : учеб. для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Б. Н. Головин. – М. : Высш. шк., 1988. – 320 с.
4. Зайнутдинова, Л. Х. Создание и применение электронных учебников / Л. Х. Зайнутдинова. – Режим доступа : <http://www.ido.edu.ru/open/ikt/chrest9.htm>.
5. Русский язык и культура речи : учеб. для вузов / А. И. Дунев и др. ; под ред. В. Д. Черняк. – М. : Высш. шк. ; СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 509 с.
6. Современный русский литературный язык : блочно-модульный подход к его изучению : учеб. пособие / сост. Г. А. Анисимов и др. ; под ред. проф. Г. А. Анисимова. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. – 160 с.
7. Трайнев, В. А. Новые информационные коммуникационные технологии в образовании / В. А. Трайнев, В. Ю. Теплышев, И. В. Трайнев. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2009. – 320 с.

УДК [811+004.9]:378.016

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛОГ-ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

THE USE OF BLOG-TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

О. И. Михеева

O. I. Mikheeva

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье проанализированы основные характеристики и виды блогов, рассматриваются методические возможности их использования в обучении иностранным языкам.

Abstract. The article deals with the main characteristics and types of blogs. The paper considers the methodological potential of blog-technologies in teaching foreign languages.

Ключевые слова: веб 2.0, блог-технологии, обучение иностранным языкам.

Keywords: web 2.0, blog-technologies, teaching foreign languages.

Актуальность исследуемой проблемы. Обучение иностранным языкам в вузе приобретает новое звучание в связи с переходом к открытому информационному обществу, интернационализацией образования и широким использованием информационных технологий во многих сферах человеческой деятельности. Информатизация профессиональной деятельности и науки вызвала необходимость обмениваться сообщениями в телекоммуникационных сетях, работать с информацией, которая представлена на иностранном языке. Обучение иностранному языку в современных условиях должно обеспечивать вхождение в чужую культуру и информатизированную практику деятельности. Это может быть достигнуто с помощью информационных технологий, которые обеспечивают динамичность и мобильность обмена информацией. Современное общество требует от будущих специалистов, помимо общепрофессиональных знаний, еще и знания, овладение которыми осуществляется в условиях иностранного общения с использованием всевозможных источников информации, что невозможно без обращения к глобальной сети Интернет [1], [2].

Сегодня Интернет проник во все сферы жизнедеятельности общества. По данным Фонда «Общественное мнение», к марту 2009 года количество интернет-пользователей в России достигло 37,5 миллионов человек, что составляет треть (33 %) населения страны. Как показали исследования, наиболее активными пользователями глобальной сети являются молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет с незаконченным высшим или высшим образованием.

Развитие Интернета за последние годы в значительной степени осуществляется путем активного внедрения Веб 2.0-технологий. С помощью социальных сервисов Веб 2.0 (блоги, социальные сети, медиарепозитории, вики) можно организовать совместный поиск и хранение информации; создание и совместное использование медиаконтента, гипертекста; совместное редактирование и использование в сети текстовых документов, таблиц, презентаций и других документов; совместное использование карт и схем. Вышесказанное актуализирует проблему изучения теоретических и технологических основ использования блог-технологий в обучении иностранным языкам.

Материал и методика исследований. В процессе разработки исследуемой проблемы были использованы методы анализа психолого-педагогической и методической литературы, синтеза, моделирования путей применения блог-технологий в обучении иностранному языку.

Результаты исследований и их обсуждение. Блог (сетевой дневник) представляет собой веб-пространство, ориентированное на организацию персонального информационного пространства пользователя в виде журнала, позволяющего публиковать, хранить, обрабатывать, передавать информацию различного формата (текстовые сообщения, изображения или мультимедиа) и осуществлять ее поиск во всем массиве данных. Блог ведется усилиями одного или нескольких пользователей [3]. Большинству сетевых дневников свойственны следующие общие черты:

- обратный хронологический порядок – последние сообщения размещены в начале веб-страницы;
- наличие архива для доступа к прошлым сообщениям;
- раздел для читателей, предназначенный для комментариев;
- ссылки на другие сайты, называемые «blogroll»;
- синдикация информации, позволяющая пользователям подписаться на блог.

Технические возможности и ограничения блогов определяются общими технологиями сети Интернет. Ведение блога предполагает наличие программного обеспечения, позволяющего обычному пользователю добавлять и изменять записи, публиковать их во Всемирной паутине. Такое программное обеспечение называется системой управления блогами и является частным видом системы управления контентом (CMS). Помимо основополагающей функции блога – добавления автором записей – стандартными для систем управления блогами являются также функция вставки мультимедиа, функция добавления читательских комментариев, функция создания автоматически обрабатываемых списков обновлений (RSS, Atom).

Системы управления блогами предполагают организацию в личном веб-пространстве пользователя (автономный блог) или в рамках деятельности блог-платформ (блог-хостингов, блог-сервисов), предоставляющих место специально для ведения блогов. Каждый из вариантов имеет свои особенности, которые следует учитывать, проектируя использование блога в образовательном процессе.

Автономный блог – это блог, издаваемый частным лицом, группой лиц или организацией, система управления которым находится в ведении его владельца. К преимуществам автономного блога можно отнести: полный контроль владельца блога за контентом; возможность гибкого технологического развития блога; дизайн блога находится полностью в руках его владельца; лучшая индексация поисковыми системами; ведение подробной статистики посещаемости. Существенными недостатками автономно-

го блога являются высокие требования к уровню технических знаний владельца; необходимость платы за возможность размещения собственных сайтов и техническое обслуживание.

Блог-платформа – веб-сервис, предоставляющий пользователю готовую систему управления блогом, не требующий особых технических навыков. Создание блога на этих сайтах занимает не больше 5 минут, блог можно редактировать в режиме онлайн, создавать открытые и закрытые блоги, использовать дополнительные возможности (например, добавление комментариев), применять различные шаблоны оформления. На большинстве подобных сайтов есть разделы, в которых представлены ответы на типичные вопросы пользователей (FAQ – frequently asked questions – часто задаваемые вопросы) и информация для начинающих блоггеров по проблемам технического плана. Обратная сторона такого удобства – ограничение в свободе самовыражения, в связи с тем что контент пользователя с правовой точки зрения находится под контролем владельца блог-платформы и принадлежит пользователю лишь номинально. Однако неоспоримым достоинством массовых блог-платформ является возможность построения на их основе полноценных социальных сетей.

В Интернете предоставлено большое количество веб-сервисов, позволяющих без особых усилий завести блог. В списке наиболее популярных блог-платформ – Blogger, LiveJournal, WordPress. Среди других ресурсов для создания учебных блогов можно назвать SchoolBlogs, Blogosphere.us и Weblogged. На этих сайтах размещается информация, связанная с современными тенденциями развития блогов и их применением в образовании. Авторы публикаций – преподаватели, использующие блоги в учебном процессе. Ежегодно проводятся конференции для исследователей, участники которых обсуждают социальные аспекты использования информационных технологий: международная конференция в Вене BlogTalk и конференция Гарвардского университета BloggerCon.

С точки зрения использования блога как инструмента преподавателя можно выделить следующие возможности его использования:

- размещение материалов и ссылок на веб-ресурсы (сетевой блокнот);
- размещение электронных публикаций (веб-газета);
- ведение дискуссий на различные темы и организация обратной связи;
- презентация проектной работы;
- ведение электронных портфолио (тексты, фотографии, видео);
- инструмент управления учебным процессом (электронная доска объявлений);
- инструмент управления студенческими блогами.

В учебном процессе используются следующие виды блогов:

1. *Блог преподавателя*, в котором может размещаться информация о предмете:

- программа учебного курса;
- информация об изученном на конкретном занятии материале;
- учебные задания;
- список рекомендуемых источников для дополнительного изучения, в т. ч. ссылки на учебные Интернет-ресурсы по изучаемым темам;
- ссылки на онлайн-тесты для самостоятельной работы.

Студенты при работе с блогом преподавателя будут развивать умения чтения на иностранном языке. В этой связи блог будет выступать в качестве функционального типа текста, на основе которого студенты смогут развивать умения выделять необходимые сведения, извлекать необходимую, интересующую информацию, оценивать важность информации.

2. *Индивидуальный учебный блог*, в котором студент размещает выполненные задания. По желанию блог может содержать сведения личного характера: информацию о семье, друзьях, увлечениях, своих достижениях; интересные ссылки; фото- и видеоматериалы. Ввиду того, что ресурсы сети Интернет доступны всем пользователям из различных уголков планеты, при необходимости владелец блога может ограничивать доступ к личной информации. Индивидуальные учебные блоги могут выступать в качестве электронных портфолио студентов, содержащих коллекцию материалов, демонстрирующих личный прогресс за определенный промежуток времени.

При работе с индивидуальным учебным блогом студенты развивают *умения письменной речи*:

- использовать необходимые языковые средства для самопрезентации;
- использовать необходимые языковые средства, с помощью которых возможно представить свою страну и культуру в иноязычной среде;
- использовать необходимые языковые средства для выражения мнения, проявления согласия или несогласия (при комментировании);
- аргументировать свою точку зрения, используя языковые средства;

умения чтения:

- выделять необходимые факты и сведения;
- извлекать необходимую, интересующую информацию;
- оценивать важность информации.

3. *Коллективный учебный блог*, предназначенный для организации внеаудиторной работы в группе. В блоге преподаватель размещает учебные задания, справочную информацию, материалы для комментирования (текстовый, аудио-, видеоформат). В отличие от индивидуальных учебных блогов в коллективном учебном блоге комментарии студентов размещаются последовательно на одной странице, что значительно облегчает знакомство с мнениями других и стимулирует обсуждение. Каждый участник может выразить собственную точку зрения по обсуждаемому вопросу, услышать мнения других и научиться воспринимать плюрализм мнений и культурное разнообразие как норму сосуществования в современном поликультурном мире, развить умения критического мышления. При организации работы в коллективном учебном блоге важно привлечь к дискуссии максимальное число людей. Для повышения мотивации общения на иностранном языке рекомендуется привлечь также к обсуждению участников из других стран.

При работе в коллективном учебном блоге студенты развивают *умения письменной речи*:

- излагать содержание прочитанного/прослушанного иноязычного текста в тезисах или кратких сообщениях;
- использовать необходимые языковые средства для выражения мнения, проявления согласия или несогласия в некатегоричной и неагрессивной форме;
- проводить аналогии, сравнения, сопоставления доступными языковыми средствами;
- аргументировать свою точку зрения, используя языковые средства;

умения чтения:

- выделять необходимые факты и сведения;
- отделять основную информацию от второстепенной;

- определять временную и причинно-следственную связи между событиями и явлениями;
- обобщать описываемые факты и явления;
- оценивать важность, новизну, достоверность информации.

Необходимо отдельно отметить, что, несмотря на особый акцент в развитии умений письменной речи и чтения, блоги могут быть использованы и при формировании грамматических и лексических навыков [4]. Например, каждому автору блога может быть дано задание использовать наибольшее количество лексических единиц при составлении рассказа о проведенных каникулах, обсуждении просмотренного фильма или прочитанной книги; каждому студенту может быть дано задание написать автору блога (функция комментариев) по два специальных вопроса в прошедшем времени (грамматика) и т. п.

Блоги позволяют создать оптимальные условия для обучения студентов письменной речи на иностранном языке: для развития умений писать личное письмо; излагать сведения о себе в форме, принятой в стране изучаемого иностранного языка (автобиография, резюме); расспрашивать о новостях и сообщать их; рассказывать об отдельных событиях своей жизни; выражать свои суждения и чувства; описывать свои планы на будущее.

К основным трудностям использования блог-технологий в образовательном процессе можно отнести отсутствие в свободном доступе Интернета и зачастую недостаточный уровень ИКТ-компетенции преподавательского состава. При использовании блог-технологий в работе со студентами рекомендуется оговаривать частоту и объем размещения обязательных сообщений по теме, регулярность комментирования и количество гиперссылок. Особое внимание следует обратить на требования, касающиеся использования языковых норм и соблюдения сетевого этикета, а также правил оформления цитат и ссылок. К преимуществам же можно отнести простоту, бесплатность, доступность, интерактивность и высокий уровень индивидуального взаимодействия обучающего и обучаемого.

Резюме. Блог-технологии способствуют интенсификации коммуникационного процесса, высокой мотивации к саморазвитию и постижению нового, что делает целесообразным их применение в процессе обучения иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Информационные и коммуникационные технологии в образовании : учебно-методическое пособие* / И. В. Роберт и др. – М. : Дрофа, 2008. – 312 с.
2. *Новые педагогические и информационные технологии в системе образования* / под ред. Е. С. Полат. – М. : Академия, 2000. – 272 с.
3. *Патаракин, Е. Д.* Социальные сервисы Веб 2.0 в помощь учителю / Е. Д. Патаракин. – М. : Интуит.ру, 2007. – 64 с.
4. *Сысоев, П. В.* Технологии Web 2.0 в создании виртуальной образовательной среды для изучения иностранного языка / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 3. – С. 26–31.

УДК 378, 147. 88:6

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ
В ОБЛАСТИ ЭТНОЭСТЕТИКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИХ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**STUDENTS' RESEARCH IN THE FIELD OF ETHNOAESTHETICS AS A MEANS
OF FORMATION OF TECHNOLOGICAL CULTURE**

Г. А. Никитин

G. A. Nikitin

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена проблеме вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу в области этноэстетики в целях формирования у них технологической культуры.

Abstract. The article is devoted to the problem of encouraging students' research in the field of ethnoaesthetics in order to form their technological culture.

Ключевые слова: *этноэстетика, естественность, этноэстетическая дидактика, формирование технологической культуры, этносоциализация.*

Keywords: *ethnoaesthetics, naturalness, ethnoaesthetic didactics, formation of technological culture, ethnosocialization.*

Актуальность исследуемой проблемы. Качество формирования технологической культуры будущих учителей технологии во многом зависит от приобретения ими навыков научно-исследовательской работы. Однако необходимо отметить, что само по себе образовательное пространство не может обеспечить активность студентов в данной области. На этом фоне процесс вовлечения студентов технологического факультета в научно-исследовательскую работу в рамках профессиональной подготовки связан с трудностями и тем самым ориентирует педагогов на инновационные преобразования. В связи с этим выявим некоторые причины, приводящие к недостаточной активности будущих учителей технологии в научной деятельности.

Одной из причин является слабая ориентация на научно-исследовательскую работу в школе, где в лучшем случае делается попытка выявлять одаренных учеников и развивать их индивидуальные способности. При этом в педагогическом обществе бытует мнение, что детей с творческой активностью только единицы. Следует заметить, что это мнение подтверждается и результатами научных исследований американских психологов, которые утверждают, что нестандартно мыслящих людей среди взрослых только 2 %. Полностью согласиться с этим невозможно, т. к. способности в той или иной степени заложены природой в каждом человеке.

С другой стороны, каждая школа хочет видеть такого учителя технологии, который наделен ярко выраженными творческими способностями, технологическим мышлением, морально-этическими и другими положительными качествами. Без них современная школа, в том числе и высшая, не найдет своего места в этносоциальной среде, не будет конкурентоспособной в выполнении национального проекта «Образование».

Кроме того, одним из важных критериев сформированности технологической культуры будущих учителей технологии является выработка потребности учиться в течение профессиональной жизнедеятельности. Тому подтверждение – анализ многолетней педагогической практики, в ходе которой выпускники технолого-экономического факультета приумножают свои технологические знания, умения и навыки в отраслях образования, производства, бизнеса, предпринимательства и т. д.

Отсутствие на сегодняшний день единой системы научно-исследовательской работы, ее тесной взаимосвязи с учебно-воспитательным процессом, жизненными реалиями в рамках формирования технологической культуры изначально ориентирует студентов лишь на освоение учебного материала, предусмотренного образовательным стандартом. Традиционно активность в научно-исследовательской работе у недавних абитуриентов выше, чем у студентов старших курсов. Это естественное желание первокурсников проявить себя, самореализовать свои способности в новых условиях образовательного пространства. Поэтому их мотивы к учебе следует поддерживать с позиции познавательного интереса к профессиональным наукам и на этой основе вызывать потребность овладения принципами и методами научного психолого-педагогического исследования, начиная с младших курсов.

Методика исследований. Исследование проводилось на базе технолого-экономического факультета ГОУ ВПО «ЧГПУ им. И. Я. Яковлева» г. Чебоксары. В качестве диагностических средств использовалась система таких методов, как конструктивный анализ психолого-педагогических, этнографических, археологических, искусствоведческих трудов по теме исследования; прогнозирование и моделирование; обучающий эксперимент, основанный на деятельности проблемных групп, самостоятельной работе в ходе выполнения докладов, рефератов, курсовых и дипломных исследований; наблюдение за студентами 1–5 курсов; беседы, опрос, анкетирование, анализ нормативных документов, учебных планов профессиональной подготовки учителей технологии по специальности «Технология и предпринимательство».

Результаты исследований и их обсуждение. Для выявления отношения студентов к научно-исследовательской работе провели опрос: «Как Вы относитесь к участию в научной работе и как оцениваете свои исследовательские способности в области обучения технологии?». В ходе анализа ответов получены следующие результаты:

1. *Хочу участвовать в научно-исследовательской работе студентов (НИРС) и уверен, что у меня есть исследовательские способности* – 29,3 %.
2. *Хочу участвовать в НИРС, но не уверен, что у меня развиты исследовательские способности* – 59,7 %.
3. *Не хочу участвовать в НИРС, но буду стараться самостоятельно развивать исследовательские способности* – 2,9 %.
4. *Не определился, хочу ли участвовать в НИРС и есть ли у меня исследовательские способности* – 6,2 %.

5. Не хочу участвовать в НИРС, так как у меня нет исследовательских способностей – 1,9 %.

По результатам ответов видно стремление большинства студентов-первокурсников к научно-исследовательской работе. На наш взгляд, среди причин нежелания некоторых студентов участвовать в НИРС следует отметить отсутствие у них опыта в поисковой, исследовательской работе, связанное с недостатком внимания школ к целенаправленной учебно-воспитательной деятельности по развитию у учеников интереса к этой области, неразработанность системы отбора объектов исследования, связанных с жизнью. Здесь уместно привести мнение известного педагога А. Н. Колмогорова, который считал, что одаренность проявляется и развивается только «в результате активного участия хотя бы в самой маленькой поисковой исследовательской работе» [2, 3].

С учетом вышесказанного наши усилия были направлены на выявление интереса у студентов к исследовательской работе. Было проведено анкетирование среди студентов как младших, средних, так и старших курсов с целью выявить области, в которых студенты хотели бы заниматься научно-исследовательской работой. Из 267 опрошенных 64,8 % студентов выразили желание испытать себя в декоративно-прикладной деятельности, 23,4 % – в области техники, 9,6 % – в педагогической сфере, а 3,2 % студентов не смогли назвать сферу интереса.

Анализируя ответы студентов, можно отметить, что приоритетным является желание осваивать технологии посредством декоративно-прикладной деятельности. Наш многолетний педагогический опыт показывает, что интерес студентов к народному искусству достаточно высок. В связи с этим повышается значимость использования этноэстетической дидактики как фактора, способствующего росту интереса студентов к научно-педагогической исследовательской деятельности в рамках формирования технологической культуры.

Для определения научных направлений исследования нами проанализирована учебно-методическая документация. В учебном плане профессиональной подготовки учителей технологии предусмотрено использование комплекса блоков учебных дисциплин. Каждый из них позволяет включать в учебное содержание элементы национально-регионального компонента. Здесь характерной особенностью педагогического потенциала этноэстетики как области науки выступает естественность. Под естественностью мы понимаем закономерные проявления этноэстетической дидактики, выраженные в народных традициях добра и любви в виде принципов природосообразности, культуросообразности, методов моральной и психологической подготовки к труду, формирования трудолюбия.

Как видим, естественность обладает чувственной сущностью установок, способных психологически воздействовать на студентов не только в активизации поисково-познавательной деятельности, но и в целостном процессе формирования технологической культуры. Профессор Г. Н. Волков утверждает, что «естественность народной педагогики проявляется во всем – в естественности целей воспитания, процесса, содержания и методов обучения» [1, 13].

С целью вовлечения студентов в НИРС и создания условий естественности по исследованию педагогических составляющих этноэстетики с учетом специфики учебных дисциплин на кафедре методики преподавания технологии и предпринимательства были организованы такие проблемные группы, как «Основы теории и методики обучения учащихся технологии», «Народные промыслы», «Основы дизайна», «Технологический прак-

тикум». В них будущие учителя пытались самостоятельно определить, как естественность целей этноэстетической дидактики в обучении детей технологиям различных рукоделий, ремесел можно сопоставить с закономерностями психолого-педагогической науки, с принципами технологического образования, такими как научность, природосообразность, культуросообразность и т. д.

Наблюдения за работой проблемных групп показывают, что естественность содержания этноэстетической дидактики способна усиливать эффективность формирования технологической культуры в процессе научно-исследовательской работы по разработке методик изучения школьниками архаичных технологий.

Поэтому при вовлечении студентов в научно-исследовательскую работу следует ориентировать их на выявление дидактической параллели в этноэстетической и технологической культурах. В ходе исследования их сущностей они замечают, что объединяющим началом в них является преобразовательная деятельность человека, в ходе которой проявляются индивидуальные качества, чувственный опыт и знания, практика и умение, развитие творческих способностей и мастерства.

По результатам научно-исследовательской работы будущие учителя технологии осуществляют проектирование методик систем уроков технологии, воспитательных мероприятий, выполняют творческие проекты, изготавливают по ним изделия народных художественных промыслов. Отсюда вывод: результаты научно-исследовательской работы проблемных групп по выявлению дидактических компонентов этноэстетики и технологической культуры учат студентов видеть связь решаемых проблем с реалиями жизни, пробуждают у них творческие идеи и замыслы, позволяющие им использовать основные положения исследования не только в учебно-творческой деятельности, но и с пониманием осваивать содержание учебных дисциплин, предусмотренных учебным планом.

Таким образом, в процессе формирования технологической культуры студентов, где доминирует естественность научно-исследовательской работы в области этноэстетики, происходит:

- мотивация к изучению содержания учебных дисциплин, особенно по видам технологий декоративно-прикладной деятельности;
- выявление и поддержание интереса, склонностей и способностей студентов к этноэстетическому направлению исследовательской деятельности;
- определение места архаичных технологий в творческом подходе к проектированию изделий народного искусства с учетом современного дизайна;
- обогащение знаниями, умениями и навыками из области воспитательных возможностей этноэстетики, технологий и других областей культуры, необходимых в будущей профессиональной деятельности;
- формирование технологических знаний, умений и навыков на основе трансформации теории на практике;
- совершенствование этико-эстетических, технологически важных личностных качеств;
- укрепление у студентов психологической уверенности в себе осуществлять и проектировать альтернативные педагогические технологии в процессе исследовательской работы.

Как видно, естественность дидактической сущности этноэстетики раскрывает студентам широкие возможности в исследовательской работе. Среди научных направлений,

способных обеспечить успех формирования технологической культуры студентов, следует назвать: изучение технологий художественной обработки материалов с архаичных времен до современности, преемственность технологий как фактора развития этноэстетической культуры, развитие межличностных отношений между взрослыми и детьми, старшими и младшими, углубление межнациональных отношений и диалога этнокультур, интеграция опыта традиционной культуры трудового и эстетического воспитания в структуру технологического образования, методика использования элементов этноэстетики в обучении школьников технологии и т. д.

Внимание студентов направляется также на то, что естественность как основа этноэстетической дидактики складывалась из многовекового жизненного опыта, ментальных понятий и чувств к красоте, вере, любви к ближним, окружающим, природе, малой родине и т. д. Научное ориентирование позволило будущим учителям сделать попытку самостоятельно использовать эти перечисленные компоненты для этносоциализации содержания методики формирования технологической культуры школьников и совмещать их с такими областями наук, как эстетика и искусство (дизайн), духовная культура этносов, педагогика (обучение и воспитание).

В многолетнем педагогическом опыте успех апробации естественности этноэстетической дидактики в учебно-воспитательной деятельности позволил нам обосновать научно-исследовательскую работу студентов в концепции формирования технологической культуры [5]. В ней важным критерием выступает развитие творческого, активного в жизненных позициях учителя технологии через индивидуальный подход к формированию личностных качеств в виде Я-концепции, сходный с направлением методики самовоспитания традиционной педагогической культуры, по принципу «Я Сам» и «Я Взрослый».

С целью эффективного осуществления преемственности научно-исследовательской работы на базе вышеназванного направления этноэстетического самовоспитания в процессе формирования технологической культуры нами были разработаны модели «Я – студент» и «Я – учитель технологии». Базовым содержанием структуры модели «Я – студент» является действующая модель нашего исследования. Действенность модели «Я – учитель технологии» основывается на индивидуальности студента с учетом компонентов этноэстетического идеала в образе будущего учителя технологии.

Реализация моделей как фактора вовлечения студентов в НИРС в рамках формирования технологической культуры осуществлялась на нескольких этапах, где решались следующие задачи:

- 1–2 курсы. Выявление склонностей, способностей, мотивации интереса к поисково-исследовательской работе в области прикладного искусства, этноэстетики, педагогики;
- 3 курс. Формирование устойчивого профессионально-исследовательского интереса к педагогическим компонентам этноэстетики, методике обучения технологии и предпринимательству;
- 4 курс. Формирование научно-исследовательского самосознания с учетом лично-профессионального интереса к педагогическому потенциалу этноэстетики;
- 5 курс. Укрепление готовности к творческой самореализации по использованию этноэстетической дидактики в педагогической деятельности.

Ниже подробнее рассмотрим поэтапную реализацию задач научно-исследовательской работы студентов в ходе формирования технологической культуры. В процессе преподавания предметов общепрофессиональной подготовки на занятиях, в содержании которых отражаются вопросы дидактической сущности этноэстетики, ставится задача по выявлению склонностей, способностей, мотивации интереса к поисково-исследовательской работе в области прикладной этноэстетики, педагогики. Для этого студенты 1–2 курсов на занятиях по дисциплине «Технологический практикум», «Художественная обработка металлов» составляют «дизайн-папку». В нее они собирают материалы по архаичным технологиям металлообработки, народному декоративно-прикладному искусству в виде рисунков, фотографий, вырезок из газет и журналов, полевых материалов и т. д. Собранные материалы позволяют будущим учителям обобщать процесс развития технологий металлообработки, выявлять и осмысливать педагогические элементы этноэстетики, варианты использования архаичных технологий художественной обработки металлов в изготовлении современных декоративно-прикладных изделий, а также систематизировать их для использования на занятиях. Это позволяет повышать интерес к поисково-исследовательской деятельности, учебным занятиям, проявлять способности в творческом решении педагогических ситуаций.

Для тренировки волевых усилий к учебно-исследовательской деятельности по формированию устойчивого профессионально-исследовательского интереса к педагогическим элементам этноэстетики, методике обучения технологии и предпринимательству студентами 3 курса выполнялись рефераты, научные доклады, приуроченные к юбилейным датам просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева и деятеля этнопедагогики, профессора с мировым именем Г. Н. Волкова. Можно выделить следующие характерные темы исследований:

- «Симбирская чувашская учительская школа И. Я. Яковлева как этноэстетическая среда формирования будущего учителя»;
- «Этноэстетический аспект в обучении женским рукоделиям воспитанниц в Симбирской чувашской учительской школе»;
- «Этноэстетическое содержание трудовой подготовки Симбирской чувашской школы в технологическом образовании учащихся»;
- «Общность эстетических взглядов И. Я. Яковлева и Г. Н. Волкова по использованию чувашских трудовых традиций в подготовке учащихся к жизни»;
- «Мать и отец – первые учителя трудового воспитания в этнопедагогике Г. Н. Волкова»;
- «Эстетический аспект трудового обучения в этнопедагогических исследованиях Г. Н. Волкова»;
- «Народный идеал трудовой семьи в этнопедагогике Г. Н. Волкова» и др.

Полнота содержания рефератов, докладов подтвердила наше предположение о том, что устойчивость интереса студентов к исследовательской работе во многом исходит от естественности дидактической сущности этноэстетики, ставшей в этот момент эффективной психологической направляющей для изучения педагогического наследия учителей. Для характеристики сложных связей интереса как важного психологического инструментария, способного обеспечить целостность процесса формирования технологической культуры студентов, обратимся к понятию «интерес», данному психологом С. Л. Рубинштейном: «Интерес – это проявление направленности личности. Являясь общей направ-

ленностью личности, интерес охватывает и направляет все психические процессы – восприятие, память, мышление. Направляя все психические процессы по определенному руслу, интерес вместе с тем и активизирует деятельность личности» [8, 184].

Этноэстетическая сущность традиционной культуры воспитания, как и научная психология, «различает непосредственные и опосредственные интересы» (Я. Л. Коломинский). Например, студенты, любящие декоративно-прикладную деятельность, расширяют эстетическую область познания дополнительными занятиями, которые вызваны непосредственным интересом. Так, в ходе исследования студенты самостоятельно углубляют этнографические, технологические знания по материаловедению, осваивают технологии художественной обработки материалов, ведут проектирование творческих изделий. Осознание практической значимости технологии обработки металла в профессиональной деятельности вызывает у студента опосредованный интерес. Поэтому в развитии интереса к исследовательской деятельности следует уделить внимание осуществлению естественности этноэстетической дидактики как средства формирования трудолюбия, эстетического отношения к учебно-творческому труду, как критерия формирования технологической культуры.

Непосредственные и опосредственные интересы студентов 4 курса в виде апперцептивных явлений в поисково-исследовательской деятельности нами использованы для формирования научно-исследовательского самосознания с учетом личностно-профессионального интереса к педагогическому потенциалу этноэстетики. В психологии «апперцепция – это зависимость восприятия от прошлого опыта, запаса знаний и общего содержания психической деятельности; акт перехода бессознательных психических состояний в отчетливо осознаваемые» [6, 467]. Под апперцептивным явлением в научно-исследовательской работе нами подразумевается субъективное восприятие студентом этноэстетической информации, используемой им для разработки моделей-образов учебно-воспитательной деятельности в рамках формирования технологической культуры учащихся.

Например, интерес, вызванный с осознанием проблемы и цели курсового исследования, действенности воспитательного потенциала этноэстетики в современных реалиях жизни как фактора формирования технологической культуры, был реализован студентами 4 курса в следующих темах:

– «Этноэстетические традиции в подготовке учащихся сельских школ к трудовой жизни» (Иванов Э. Г.). По теме разработан фрагмент сценария праздника труда «Ака-туй», проводимого в Яльчикском районе Чувашии, апробирована система уроков по использованию основ этноэстетики на уроках технологии, осуществлен проект «Этнографический уголок»;

– «Организация этноэстетической среды в учебных кабинетах сельской школы» (Майоров С. М.). Был реализован проект «Художественное оформление учебного кабинета теории и методики обучения технологии и предпринимательства» и др.

Наблюдения и эксперимент подтверждают, что эффективность научно-исследовательской работы студентов 5 курса усиливается благодаря преемственности тем определенного исследования, начатого в курсовой и продолженного в дипломной работе. Преемственность этих исследований просматривается в том, что они направлены на укрепление у будущего учителя технологии готовности к творческой самореализации по использованию этноэстетической дидактики в педагогической деятельности.

В качестве примеров самосовершенствования профессионального мастерства можно назвать следующие дипломные работы:

- «Этноэстетика в проектировании современного национального костюма на уроках технологии» (проект «Современный чувашский мужской национальный костюм»);
- «Использование интерактивных методов обучения в изучении чувашских архаичных технологий вышивания» (проект «Шторы в современном национальном стиле»);
- «Методика этноэстетического воспитания учащихся профессиональных училищ на кружковых занятиях» (проект «Современный женский чувашский национальный костюм»);
- «Формирование имиджа на уроках технологии на традициях этноэстетики»;
- «Использование основ этноэстетики в проектном методе обучения» (проект «Современный чувашский девичий национальный костюм») и др.

Анализ тематики дипломных работ показывает, что в качестве фактора, побуждающего студентов к научно-исследовательской работе, выступает эстетика народного искусства, где функцию зрительного восприятия выполняет декоративно-прикладное мастерство, а слухового – народная музыка, сказания.

Формированию технологической культуры будущих учителей технологии и предпринимательства способствует также выявление в ходе научно-исследовательской деятельности элементов этноэстетической дидактики в содержании пословиц, поговорок, мотивирующих на:

– освоение педагогических знаний и мастерства: *«Аслă-тăнлă çын халăхран вĕренсе халăха вĕрентет»* – «Умный человек, осваивая народную мудрость, учит народ» (пер. Г. Н.) [3, 71], *«И швец, и жнец, и в дудку игрец»*, *«Не тот молодец, кто нашел себе дело, а тот молодец, кто исполняет его умело»*, *«Умей быть умней»*, *«У умной головы сто рук»* [7, 254];

– творческое саморазвитие: *«Талант трудом добывают»*, *«Смелый талант скоро растет, ленивый – не лезет, не ползет»* [там же, 291];

– формирование трудолюбия: *«Трудолюбие талант растит»* [9, 291], *«Тонко прясть – посидеть, а мелко молоть – постоять»*, *«Держись сохи плотнее, так будет прибыльнее»* [7, 252–254];

– формирование технологических умений и навыков: *«Песня поется не как придется, а надо лад знать»*, *«Аста аллине пин ал ситмен»* – «Один умелый превосходит и тысячу рук», *«Аста аллинче тăм та чечек»* – «В умелых руках и глина – цветок», *«Асталăх – пурнăç илемĕ»* – «Мастерство – красота жизни» (пер. Г. Н.) [3, 75];

– этноэстетическое воспитание: *«Илем вăтантарать»* – «Красота вводит в смущение», *«Илеме илем кĕрет»* – «Красота красоте несет», *«Илем çынна сăн кĕрет»* – «Красота придает человеку красивое обличье», *«Илемлĕ ан пул та, аслă пул»* – «Красивым можешь не быть, а умным должен быть», *«Илемлĕ ёç çынна илем кĕрет»* – «Доброе дело человека красотой облакает», *«Илемлине сын курать»* – «Красивое человек увидит» (пер. Г. Н.) [4, 82].

Существенную роль в формировании технологической культуры играет участие студентов в традиционной Межрегиональной конференции-фестивале научного творчества учащейся молодежи «Юность Большой Волги», во Всероссийском открытом конкурсе на лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам, в международных научно-практических конференциях, в выставках декора-

тивно-прикладного искусства, народных промыслов, ремесел и т. д. Здесь будущие учителя представляют результаты научных исследований по применению этноэстетической дидактики в системе уроков, внеклассных мероприятий по технологии, проектировании новых педагогических технологий, способствующих реализации профессиональной самостоятельности. Например, студентка 5 курса В. Яковлева по результатам работы в проблемной группе «Технологический практикум» выступила на конференции «Юность Большой Волги» по теме «Методика организации внеклассных занятий по технологии художественного войлоковаляния» и удостоилась диплома лауреата (научный руководитель А. В. Казаков).

Резюме. Наши исследования показывают, что эффективность приобщения студентов к научно-исследовательской деятельности усиливается при таких условиях, как:

- учет индивидуального интереса студента к определенному виду технологий в прикладной деятельности;
- определение места педагогического потенциала этноэстетики в архайке технологий рукоделий, ремесел, промыслов;
- согласование перспективных, текущих и конечных целей исследования;
- создание преемственности от младших курсов к старшим в решении проблемы исследования;
- стимулирование самостоятельности в выявлении педагогического потенциала этноэстетики;
- подведение к использованию основ этноэстетики в разработке методики организации занятий по технологии;
- использование сквозной линии дидактического аспекта этноэстетики в формировании профессиональной самостоятельности.

Экспериментальная работа подтверждает, что компоненты этноэстетической дидактики способны вызывать интерес студентов к педагогическим проблемам, тем самым вовлечь их в научно-исследовательскую работу в целостном процессе формирования технологической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, Г. Н. Современное функционирование народной педагогики как феномена демократии и гуманизма в сфере воспитания / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чуваш. РИПКРНО, 1999. – 86 с.
2. Дереклеева, Н. И. Научно-исследовательская работа в школе / Н. И. Дереклеева. – М. : Вербум-М., 2001. – 48 с.
3. Народная мудрость: пословицы и поговорки, солдатские песни : в 2 ч. Ч. 1 / сост. И. А. Патмар, Э. И. Патмар ; под. ред. О. Д. Федоровой. – Канаш : Цивильская типография Мин-ва информ. и печ. ЧР, 1994. – 110 с.
4. Народная мудрость: пословицы и поговорки, солдатские песни : в 2 ч. Ч. 2 / сост. И. А. Патмар, Э. И. Патмар ; под. ред. О. Д. Федоровой. – Канаш : Цивильская типография Мин-ва информ. и печ. ЧР, 1994. – 110 с.
5. Никитин, Г. А. Концепция формирования технологической культуры учащейся молодежи в контексте педагогической составляющей этноэстетики / Г. А. Никитин. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – 92 с.
6. Общая психология : учебник для студентов педагогических институтов / под. ред. А. В. Петровского. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Просвещение, 1977. – 479 с.
7. Пословицы и поговорки. – Минск : Харвест, 2005. – 320 с.
8. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1975. – 631 с.
9. Русские пословицы и поговорки / сост. К. Г. Бесеньева. – М. : Центрполиграф, 2005. – 383 с.

УДК 37.034+37.017.92

**ЭКСКУРСИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ**

**EXCURSION AS A MEANS OF DEVELOPING SPIRITUAL AND MORAL
CULTURE OF FUTURE TEACHERS**

В. И. Павлов

V. I. Pavlov

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Духовно-нравственная культура учителя рассматривается как интегральное качество личности и ее устремленность к духовно-нравственному саморазвитию. Раскрывается роль экскурсий в развитии духовно-нравственной культуры будущих учителей, приобщения их к общечеловеческим ценностям.

Abstract. The spiritual and moral culture of teachers is seen as an integral quality of the individual and his aspiration to spiritual and moral self-development. The role of excursions in the development of moral and spiritual culture of future teachers, bringing them to the universal values is under consideration.

Ключевые слова: *духовно-нравственная культура, православная культура, экскурсия, духовные ценности.*

Keywords: *spiritual and moral culture, the Orthodox culture, excursion, spiritual values.*

Актуальность исследуемой проблемы. В государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования обозначено, что учитель должен уметь решать типовые задачи формирования у учащихся духовных, нравственных ценностей и патриотических убеждений с использованием различных форм, методов, средств обучения и воспитания.

Вместе с тем содержание подготовки будущего учителя к решению этой задачи в этом базовом документе не получило должного отражения. Дидактические единицы курсов по педагогике, психологии не отражают значимости формирования духовно-нравственной культуры студента, его подготовки к духовно-нравственному воспитанию учащихся. Так, в учебной дисциплине «Педагогика» не отражены такие важные категории, как дух, душа, духовность, духовно-нравственные ценности, духовно-нравственная культура учителя. Совершенно не рассматривается в них православная культура, являющаяся составной частью духовно-нравственной культуры человека, в которой воплощен накопленный человечеством опыт ценностного отношения к обществу, природе, родине, людям и самому себе. «В основе православной культуры лежат вера, любовь, нравственные нормы, принципы, идеалы» [1, 18].

В результате проведенного нами опроса 498 студентов четвертых курсов различных факультетов педвуза, проходивших педагогическую практику в образовательных учреждениях г. Чебоксары, 78 % затруднялись планировать и проводить работу по духовно-нравственному воспитанию учащихся. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в разработке и внедрении в учебный процесс педагогического вуза спецкурса «Духовно-нравственная культура учителя», помогающего приобщать будущих учителей к духовно-нравственным ценностям общества, подготовить их к духовно-нравственному воспитанию учащихся.

Целью данного исследования является изучение влияния экскурсий в православные храмы республики на развитие духовно-нравственной культуры будущих учителей в процессе изучения спецкурса «Духовно-нравственная культура учителя».

Материал и методика исследований. Нами был проведен анализ отечественной научной литературы, в том числе педагогической и психологической, использованы опросные (анкетирование, беседа, интервьюирование) и продуктивные (результаты деятельности студентов – сочинения, доклады, рефераты) методы исследований.

Результаты исследований и их обсуждение. Организация исследования потребовала от нас выявления сущности и содержания понятий «дух», «духовность», «духовно-нравственная культура учителя», «ценность». Анализ научной литературы показал, что существуют различные трактовки этих понятий.

В философской литературе термин «духовность» рассматривается как производное от слова «дух», которое, в свою очередь, определяется как понятие, означающее невещественное начало, в отличие от природного, материального [6, 179]. Для материализма дух – вторичное, производное, «высший цвет материи» [5, 417]. Понятие духа в идеалистических учениях выступает как первоначало мира, как особая инстанция, как синоним слову «личность».

Категория «духовность» в современной психолого-педагогической литературе определяется как отражение ценностей, чувств и убеждений человека, связанных с самовоспитанием, саморазвитием, самосовершенствованием личности (В. И. Андреев, С. К. Бондырева, С. И. Гессен, И. М. Ильичева, А. И. Кочетов, Н. А. Пархоменко, Н. Д. Никандров и др.). Целью духовного совершенствования человека является стремление к гармонии (С. И. Гессен, А. Я. Данилюк, иеромонах Киприан (Яценко) и др.). Данная категория определяется двумя концепциями духовности: светской (ценностные качества личности) и религиозной (стремление к Богу, Истине и Любви). Светское понимание духовности рассматривается как интегральное качество личности на основе активного становления его «самости», которая объединяет в себе нравственные и интеллектуальные, этические и эстетические, ценностные и поведенческие установки человека. При этом стыд и совесть являются духовным механизмом, корректирующим поведение человека в рамках морально-этических норм.

Духовность является системообразующим фактором человеческой личности, ведущей силой в построении собственной жизни, «главным условием и итогом духовно-нравственного становления человека» [4, 214]. Духовно-нравственную культуру учителя мы рассматриваем как интегральное качество личности и ее устремленность к саморазвитию, духовно-нравственному росту. Проявляясь через иерархическую систему общечеловеческих и национальных ценностей, упорядоченную идеалом, она является «ядром» самосозидательной деятельности. Это ядро интегрирует целостность лич-

ности учителя. «Интерииоризованные личностью духовные ценности, выступая в роли идеала и целей жизни, являются ценностными ориентациями» [2]. Ценность – это категория красоты, категория эстетическая. Главная цель духовно-нравственного воспитания студентов педвуза – формирование будущего учителя, способного к принятию ответственных решений, к проявлению нравственного поведения в любой жизненной ситуации [3, 499].

Духовно-нравственная культура будущего учителя не усваивается автоматически, а вырабатывается в процессе разнообразной, социально ценной деятельности, зависит от определенных условий: нравственно-психологического климата в коллективе, высоконравственной среды учебного заведения, стимулирования самовоспитания и активной позиции, диалогового открытого общения, взаимопонимания педагогов, кураторов и студентов, от характера ценностных ориентаций.

Для целенаправленного развития духовно-нравственной культуры будущих учителей, формирования у них теоретической и методической подготовки к духовно-нравственному воспитанию учащихся нами был разработан и внедрен в учебный процесс вуза спецкурс «Духовно-нравственная культура учителя». Программа спецкурса включает следующие темы: «Современные концепции духовно-нравственного воспитания учащейся молодежи», «Сущность и содержание понятий “религиозная и светская культура”», «Ведущие религии мира и их роль в духовно-нравственном воспитании личности», «Историко-философские истоки духовной культуры», «Этическая культура личности», «Духовно-нравственная культура учителя», «Эмоциональная культура учителя», «Культура педагогического общения», «Культура поведения учителя», «Система работы школы по формированию духовно-нравственной культуры учащихся», «Особенности формирования духовно-нравственной культуры учащихся на уроках и во внеклассной работе».

Важной частью этого спецкурса стало изучение православной культуры, являющейся частью общечеловеческой культуры. Программой предусмотрена организация экскурсий в различные музеи, в том числе в православные храмы во внеаудиторное время, встречи с деятелями науки, культуры и искусства, священниками.

Несколько экскурсий студентов были посвящены теме «Православное зодчество и живопись». Местом проведения была избрана историческая часть г. Чебоксары.

Задачами экскурсий явились:

1. Ознакомление с архитектурой православных церквей и соборов.
2. Знакомство с внутренним устройством храмов.
3. Изучение основных типов икон Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы, святых и др., символики храмов и живописи.

Готовясь к экскурсиям, студенты на занятиях спецкурса изучали происхождение различных мировых религий. Они обращали внимание на то, что на протяжении многих столетий Россия была православной державой, в которой формировались и крепились христианские традиции воспитания. Слово «Православие» в переводе с греческого означает правильное (правое) вероучение. Именно в этом значении оно употребляется с эпохи Вселенских Соборов (IV–VIII вв.), когда представители всех церквей, ограждая христианское учение от искажающих его идей, доктрин, формулировали положения православной веры. Вера обеспечивала живую и крепкую связь между народами всей Руси, укрепляла любовь к родной земле. После принятия Русью христианства все вос-

питание, культура и искусство воздвигались на базе православной веры. С именем Бога растили хлеб, детей, отражались неприятельские атаки, сохранялась, приумножалась и крепла вся Российская держава. Люди мерили свою жизнь не по богатству, не по знатности, не по преуспеванию, а по святости угодников Божиих, людей, живших праведной жизнью. Они служили примером и вдохновляли русских на добрые дела на протяжении многих веков.

Православная Церковь укореняла в русском народе такие добродетели, как самоотверженность, жертвенность, терпимость, благословляла на священный долг перед Отечеством, его защиту. «Служить России, отвечать Богу» – таков был девиз наших предков, потому что для всех Отечество было понятием священным. Православная церковь всячески поддерживала и охраняла нравственные устои, духовное начало в русском человеке-христианине. Церковь объединяла людей, народы. При церквях строились школы для детей, дома для сирот и престарелых. Храм строили всем миром, его стены расписывали выдающиеся художники. В церквях зародилась письменность, литература, музыка, живопись, духовная культура.

В результате коллективного обсуждения на занятиях спецкурса студенты пришли к выводу, что православная культура – это составная часть духовно-нравственной культуры человека, в которой воплощен накопленный человечеством многовековой опыт ценностного отношения к обществу, природе, родине, людям и самому себе. В основе православной культуры лежат вера, любовь, нравственные нормы, принципы, идеалы.

Во время первой экскурсии студенты ознакомились с историей православных храмов старых Чебоксар, архитектурными особенностями собора Введения во храм Богородицы (1651), церкви Св. Архангела Михаила (1702).

На следующей экскурсии они познакомились с устройством и архитектурными стилями, символикой православного зодчества и живописи Чебоксарского Троицкого мужского монастыря, основанного в 1566–1774 гг.

Надолго осталась в памяти экскурсия в Цивильский Тихвинский Богородицкий монастырь г. Цивильска. Они встретились с настоятелем монастыря и прихожанами. Экскурсию провела доцент Сергеева О. Ю., которая много лет изучает историю создания и развития этого монастыря. Из ее рассказа студенты узнали, что история Тихвинского Богородицкого монастыря в Цивильске связана с крестьянской войной 1670–1671 гг. под предводительством Степана Разина. В октябре 1670 г. восставшие крестьяне окружили Цивильск. Попытка взять город-крепость штурмом не удалась, и «разбойники» решили захватить его измором. Когда жизненные припасы и порох истощились, а силы защитников крепости были на исходе, они решили оставить город. Но в ночь на 17 октября некая вдова Иулиания Васильева призвала всех решительно встать на защиту города. Горожане вышли крестным ходом с хоругвями и иконами навстречу неприятелю, и враг отступил. В память этого события ежегодно 30 октября в монастыре проводится богослужение.

Много повидали на своем веку древние стены монастыря – это и потоки богомольцев, и шумные, многолюдные, богатые ярмарки, названные народом в честь обители Вознесенскими; и посещение града императрицей Екатериной II, в годы правления которой г. Цивильск получил статус уездного центра. Не прошли стороной обитель и испытания: бунты окрестных крестьян, царские реформы, секуляризация монастырских земель

и другое. Но самым тяжелым испытанием стали для обители ежегодные разливы реки Большой Цивиль. Все это в совокупности привело монастырское хозяйство в полное расстройство, кельи и храм пришли в ветхость.

Посетивший в 1868 г. оскудевшую обитель Владыка Казанский и Свияжский Антоний дал указание упразднить монастырь, причислить имущество ко вновь устроенному Михаило-Архангельскому монастырю Козьмодемьянского уезда. Однако жители Цивильска обратились к духовным властям с просьбой сохранить монастырь. Владыка Антоний уважил прошение горожан. С 1871 г. начался новый период в жизни монастыря. За короткий срок были восстановлены обветшавшие здания и храм.

Будущим учителям интересно было узнать, что насельники монастыря, помимо многочисленных работ по хозяйству, занимались рукоделием: вязали, стегали одеяла, вышивали бисером, занимались живописью, ухаживали за больными, а главное, совершали ежедневный молитвенный подвиг.

Белась в монастыре и большая просветительская работа. Так, в 1872 г. при помощи миссионерской организации «Братство Святителя Гурия» в обители была открыта школа для девочек, где преподавание Закона Божьего велось и на русском, и на чувашском языках. Программа обучения была составлена известным миссионером Н. И. Ильминским. В монастырской школе девочки обучались письму, счету, чтению Псалтири, Закону Божьему, церковно-славянскому языку, церковному пению и рукоделию. При школе была создана библиотека. Школа содержалась на монастырские средства.

Из рассказа экскурсовода студенты узнали и убедились в том, что Цивильский Тихвинский монастырь играл значительную роль в развитии культуры чувашского народа, а также в деле распространения христианства и утверждения света православия среди чувашского населения. Неоценимый вклад в благородное дело просветительства внесли настоятели монастыря игумены Херувима, игумены Антония, игумены Асенефа, протоиерей А. П. Билетов, учительницы Ольга Христофорова, Людмила Афонская и другие.

Размеренную жизнь обители прервали события 1917 г., трагическая участь всей Русской православной церкви не миновала и Тихвинский Богородицкий монастырь. Последние службы в храмах монастыря прошли в июле 1925 года.

В 1998 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение о возрождении Тихвинского Богородицкого женского монастыря в г. Цивильске.

Вновь зажглась лампада в обители, постепенно стала возобновляться монашеская жизнь. Ныне свой молитвенный подвиг в Тихвинской обители несут 35 насельниц, в том числе: 5 мантийных монахинь, 1 схимонахиня, 4 инокини, 4 рясофорных послушницы, 21 послушница. Об этом рассказала игуменья монастыря Нина.

Студенты увидели, что при монастыре существует приют милосердия, где пожилые насельницы живут в непрестанном чтении Псалтири. Здесь открыта Воскресная школа, создана богатая библиотека православной литературы.

В 2002 и 2006 гг. Цивильский женский монастырь посетили Патриарх Всея Руси Алексей II и Президент Чувашии Николай Федоров. Они оказали материальную помощь в восстановлении построек монастыря.

Знакомство студентов с историей Тихвинского монастыря помогло им ощутить себя частью чувашского народа, прикоснуться к святыням православной культуры. Вот что написала студентка Ольга М. о Тихвинском монастыре г. Цивильска после экскурсии:

«Купола церкви Тихвинского монастыря возносятся к небу, призывая посетителей к новым духовным высотам, толстые стены вокруг монастыря говорят о незыблемости векового уклада жизни, о ее вечности, а раздающийся на много километров вокруг колокольный звон заставляет заглянуть человека в свою душу и спросить себя: «А все ли правильно в моей жизни?». И слышится мне в этом колокольном звоне далекая история небольшого чувашского городка на берегу реки Цивиль, а за его историей угадывается многовековая героическая история моей великой страны – России».

Резюме. Проведенный анализ педагогической практики студентов в школах показал, что после освоения программы спецкурса «Духовно-нравственная культура учителя» будущие специалисты не только узнали много нового и интересного о жизни верующих, углубили свои знания по истории и культуре родного края, России, но и более успешно стали планировать свою деятельность по духовно-нравственному воспитанию учащихся, со знанием дела рассказывая им о светской, православной культуре, различных конфессиях, жизни выдающихся людей, внесших значительный вклад в объединение Русского государства, ориентируя жить по нравственным нормам, делать добро окружающим людям.

Развитие духовно-нравственной культуры будущего учителя есть процесс освоения студентами высоких духовных и нравственных ценностей бытия, определения своего духовного идеала и стремление к нему, осознания высоких смыслов, саморазвития и самосовершенствования, в котором немаловажная роль принадлежит экскурсии как познавательной и воспитательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильичева, И. М. Введение в психологию духовности : учебное пособие / И. М. Ильичева. – М. : МПСИ, 2006. – 349 с.
2. Киселева, О. Ф. Традиции православного воспитания / О. Ф. Киселева. – М. : Книжкин Дом, 2008. – 286 с.
3. Павлов, В. И. Образовательный процесс в поликультурной школе / В. И. Павлов, И. В. Павлов, И. И. Павлова. – Чебоксары : АН ЧР, 2009. – 672 с.
4. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – 423 с.
5. Советский энциклопедический словарь. Изд. 3. – М. : Советская энциклопедия, 1984. – 528 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

УДК 94(470.344) «20/21»

**СТАНОВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ
В ЧУВАШИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ:
ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**FORMATION OF PEASANT FARMING IN CHUVASHIA AT THE TURN
OF THE XX CENTURY: GENERAL STAGES, PROBLEMS AND PROSPECTS**

П. П. Павлов

P. P. Pavlov

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Впервые в региональной историографии исследуются основные этапы становления, развития крестьянских (фермерских) хозяйств Чувашии на рубеже XX–XXI вв., показаны проблемы в реализации Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на примере национального региона Поволжья с привлечением статистических источников и материалов текущего архива Казенного унитарного предприятия Чувашской Республики «Агро-Инновации».

Abstract. Problems in realization of the priority national project «Development of agro-industrial complex» are illustrated by the data from a national Volga region on the basis of statistic sources and materials of the current archives of the State unitary enterprise «Agro-Innovation» in the Chuvash Republic.

Ключевые слова: *крестьянские (фермерские) хозяйства, историография проблемы, периодизация, перспективы развития, агропромышленный комплекс, приоритетный национальный проект.*

Keywords: *peasant farms, historiography of the problem, division into periods, prospects of development, agroindustrial complex, the priority national project.*

Актуальность исследуемой проблемы. Провозглашенный в 1990-х годах курс на многоукладность экономики в сельском хозяйстве потребовал комплекса мер, направленных на возрождение товарного частного крестьянского хозяйства в России. В аграрном секторе появились такие специфичные формы хозяйствования, как крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ). Они получили значительное развитие в последние годы, но многие вопросы до сих пор остаются нерешенными. Аграрные преобразования 90-х годов XX в. были начаты спонтанно, без правовой, организационной и экономической подготовки. Отсутствие обоснованной ценовой, финансово-кредитной и налоговой политики, а также односторонность аграрных преобразований, слабая защита отечественного товаропроизводителя и ряд других причин привели к тяжелым депрессивным последствиям в российском сельском хозяйстве. В связи с повышением внимания государства к аграрному сектору и необходимостью насыщения аграрного рынка сельскохозяйственной продукцией, произведенной отечественными сельхозпроизводителями, обеспечением продовольственной безопасности, решением социальных вопросов на селе, не прекращающимися дискуссиями о путях развития сельского хозяйства считаем весьма актуальным обращение к проблеме развития крестьянских (фермерских) хозяйств в конце XX – начале XXI в.

Автор в данной статье ставит целью исследование становления и развития КФХ в Чувашии в указанный период. Необходимо решить следующие задачи: проанализировать основные этапы развития КФХ, изучить влияние законов СССР, Российской Федерации и Чувашской Республики, касающихся создания и функционирования КФХ, начиная с 1990 г., определить роль приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в дальнейшем развитии и укреплении КФХ.

Материал и методика исследований. Объектом предпринятого исследования являются крестьянские (фермерские) хозяйства Чувашской Республики. Предметом исследования является поступательное развитие КФХ, а также комплекс мер, принятых государством для их развития.

Методика исследования основывается на использовании современных способов сбора, обработки и анализа информации. Эмпирическая база исследования включает статистические сборники Госкомстата РФ, данные монографических исследований и анкетирования крестьянских хозяйств республики, информацию собраний, конференций, ассоциаций крестьянских (фермерских) хозяйств ряда районов Чувашии.

Результаты исследований и их обсуждение. Изучение историографии проблемы показывает, что у истоков развития фермерства в России, оценки его роли в аграрном производстве стояли видные реформаторы и экономисты-аграрники первой четверти XX в.: П. А. Столыпин, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев и др. В советский период эта проблема учеными не рассматривалась, так как плановая экономика предусматривала только коллективные формы ведения хозяйства. В постсоветский период проблемы становления и развития КФХ освещены в работах ряда российских ученых-экономистов: В. Ф. Башмачникова [1], В. В. Казарезова [8], Д. В. Леонова [9] и других. Среди работ, посвященных проблеме КФХ, особо следует выделить работу В. В. Казарезова «Фермеры России (очерки становления)», в которой исследуется становление фермерского движения в стране. В книге сформулированы предпосылки, обусловившие аграрную реформу, отражена необходимость преобразований на селе, изменения отношения руководства страны к их осуществлению.

Проблемами становления и развития КФХ на территории Чувашской Республики занимались М. Н. Ергачев [3], В. И. Елагин [2], И. Е. Ильин [6] и другие. В монографии И. Е. Ильина «Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв.» автор на богатой эмпирической базе, которую составили материалы официальной статистики, результаты собственных социологических исследований, анализирует концептуальные модели аграрного реформирования России на рубеже XX–XXI вв. При этом за основу историко-социологического анализа берется Чувашская Республика – специфический полиэтнический регион Приволжского федерального округа.

Одним из главных направлений радикального реформирования аграрных отношений в России в начале 1990-х годов определялось создание качественно нового сектора сельхозпроизводства – КФХ.

Первым законодательным актом, ставшим юридической базой и определявшим понятие собственности в отношении КФХ, стал Закон СССР «О собственности», принятый 6 марта 1990 г. № 1305-1 [4]. Но он, к сожалению, не снял препятствий на пути создания полноправных КФХ.

Наиболее важным среди нормативных актов, регулирующих отношения в аграрной сфере, явился Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22 ноября 1990 г. № 348-1 [5]. Принятый в разгар острой политической борьбы, он заложил правовую базу для создания и осуществления деятельности КФХ. Однако в законе оказались нормы компромиссного характера, недостаточно четкие по содержанию.

Попытки внедрения фермерских хозяйств в Чувашском крае были предприняты еще в эпоху столыпинских реформ. Но результаты этих реформ были мизерные – не более 0,5 % чувашских крестьян выделились на хутора и стали полновластными собственниками средств производства. Вновь к идеям Столыпина вернулись в эпоху радикального реформирования аграрных отношений в России в 1990-е годы.

В процессе создания, становления и развития КФХ в Чувашии мы предлагаем выделить четыре этапа:

Первый этап, начальный этап – период с 1990 по 1993 г. В это время наблюдается бурный рост числа КФХ. В этот период реформ, несмотря на провозглашенный плюрализм форм хозяйствования, приоритет перед другими формами был отдан КФХ. Если на 1 января 1991 г. в Чувашии было зарегистрировано всего 7 КФХ, то в конце первого этапа число хозяйств достигло 863. Постановлением Правительства РФ был установлен срок (до 1 июля 1991 г.) создания земельного фонда для обеспечения вновь организуемых КФХ; выделены бюджетные средства для обеспечения экономической поддержки; предоставлены льготы в налогообложении; начато льготное кредитование хозяйств через Фонд развития и поддержки КФХ «Российский фермер». Однако несовершенство форм контроля за расходованием этих средств привело к тому, что большая часть этих денег была израсходована не по целевому назначению.

Неоднозначным было отношение к фермерству и сельского населения, привыкшего к условиям жизни в колхозах и совхозах. Нередки были случаи открытого противодействия руководителей сельскохозяйственных предприятий, из земель которых выделялись КФХ. Например, в ряде районов республики руководители районных администраций нарушали сроки рассмотрения заявлений на создание КФХ. Желая создать их были вынуждены обращаться в Антимонопольный комитет Чувашской Республики и в суды, решения которых, как правило, выносились в пользу фермеров. Среди объективных трудностей можно отметить отсутствие необходимой техники и невозможность приобрести ее в кредит, в счет будущего урожая, отсутствие натуральной семенной ссуды.

Таким образом, становление новых форм отношений в деревне шло с большим трудом. Связано это с тем, что на территории Чувашии общинная форма сельского хозяйства (землевладения) и общинная психология имеют многовековые корни. Сказались на этом процессе также просчеты и ошибки политиков и законодателей. Среди иных причин необходимо отметить отсутствие контроля над исполнением законов о земельной реформе, четких нормативных документов, определяющих порядок образования хозяйств, приватизации земель.

Второй этап – с начала 1994 г. по начало 2000 г. Этот период характеризуется частой сменой руководителей правительства России (И. С. Силаев, Е. Т. Гайдар, В. С. Черномырдин, С. В. Кириенко), в силу чего обещанная поддержка КФХ не выполнялась в полной мере. Вот как об этом периоде пишет знаток фермерского движения В. В. Казарезов: «Руководители коллективных хозяйств и местные начальники, и так-то в большинстве своем недоброжелательно относившиеся к фермерам, видя охлаждение к этому укладу со стороны правительства, стали самым бессовестным образом мешать

созданию новых КФХ. В результате состояться фермерами оказалось по плечу только людям, обладающим незаурядными личностными качествами» [7, 84]. В целом по России в этот период происходит уменьшение количества КФХ с 280,1 до 261,7 тыс. Чувашский крестьянин оказался более настойчивым и упорным, доказательством чего является тот факт, что количество КФХ в Чувашии в период с 1994 по 1999 г. увеличилось с 940 до 1286 хозяйств. Находились люди, которые, не боясь трудностей, организовывали КФХ.

Третий этап – с 2000 по 2005 г. Это период характеризуется относительной стабилизацией КФХ по численности (с 1471 до 1993 хозяйств) при быстром росте обрабатываемых фермерами земельных площадей (с 12,3 до 18,7 тыс. га). Растет удельный вес фермерской продукции в общем объеме производимого продовольствия. Наблюдается заметное расслоение КФХ по главному признаку – количеству обрабатываемой земли (от нескольких гектаров до нескольких сотен гектаров). Государство начало оказывать реальную поддержку сельскому хозяйству, в том числе и КФХ. 30 декабря 2000 г. была принята республиканская целевая программа «Развитие агропромышленного комплекса Чувашской Республики на 2001–2003 годы», включающий комплекс мероприятий по развитию отраслей агропромышленного комплекса, техническое оснащение и перевооружение, а также научное, кадровое и консультационное обеспечение. В феврале 2001 г. подписан Указ Президента Чувашской Республики Н. Федорова «О развитии реформ в агропромышленном комплексе», и этот год был им объявлен Годом агропромышленного комплекса, что говорит об особом отношении к этой отрасли и большом уважении к крестьянскому труду. В 2003 г. доля КФХ в структуре производства во всех категориях хозяйств составила 1,1 %, а индекс физического объема продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах в сравнении с предыдущим годом составил 133,3 %. При сокращении поголовья скота в республике в 2003 г. по сравнению с 2002 г. КФХ удалось сохранить поголовье коров, увеличить поголовье свиней, овец и коз, а также поголовье птицы. При росте общего объема производства валовой продукции сельского хозяйства на 1–2 % в год прирост объема производства в КФХ Чувашии в период с 2004 по 2006 г. составил 255,3 млн руб. (с 147,8 млн руб. до 403,1 млн руб.) [10]. Трудно назвать такую отрасль не только в Чувашии, но и в России, которая развивалась бы такими впечатляющими темпами.

Четвертый, современный этап – начался с 2006 г., с года начала реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», в котором в качестве базового выделен приоритет развития малых форм хозяйствования на селе со значительной государственной поддержкой. Страна и ее сельское хозяйство получили в виде национального проекта новый инструмент управления, позволяющий сконцентрировать ресурсы государства, бизнеса и общества на наиболее значимых для него направлениях.

Вышеназванный проект реализуется по трем основным направлениям: ускоренное развитие животноводства; стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе; обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе. Льготные долгосрочные кредиты в рамках программы развития АПК позволили не только пополнить оборотные средства КФХ, но и закупить новейшую технику и оборудование, новые элитные семена и высокопродуктивный скот. Принятие мер господдержки начало сказываться и на производительности КФХ. Несмотря на то, что доля КФХ в общем объеме продукции сельского хозяйства остается незначительной, она хоть медленно, но продолжает нарастать. При положительных сдвигах в развитии КФХ остается нерешенным ряд проблем в области правового положения, налогового законода-

тельства, обеспечения социальными гарантиями членов КФХ, что является причиной, по которой часть фермеров меняет статус КФХ на личные подсобные хозяйства (ЛПХ), преоформляются в общества с ограниченной ответственностью (ООО), акционерные общества (АО), сельскохозяйственные производственные кооперативы (СХПК). Особое беспокойство вызывает продажа собственниками своих земельных долей предпринимателям из других регионов. Чувашские фермеры не в состоянии составить должную конкуренцию в финансах и представителям банковских кругов. Все это в конечном счете может оказать негативное влияние на будущее чувашской деревни.

Резюме. Анализ современного состояния показал, что крестьянские (фермерские) хозяйства имеют большие возможности в своем развитии в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК», получив равный доступ ко всем финансовым ресурсам, предусмотренным в федеральном и республиканском бюджетах на поддержку агропромышленного комплекса, и к льготному кредитованию для усиления своей материально-технической базы.

Представляется необходимым осуществление всего комплекса мероприятий, направленных на:

- 1) финансовое оздоровление сельскохозяйственных предприятий и КФХ;
- 2) безусловное исполнение законов, обязывающих проведение определенных процедур при купле-продаже земель сельскохозяйственного назначения и их целевого использования.

Сегодня, опираясь на статистические данные, можно констатировать, что крестьянские (фермерские) хозяйства в отдельных отраслях сельского хозяйства смогли создать достойную конкуренцию сельскохозяйственным организациям иных форм собственности и темпы роста производства в них за последние годы настолько выросли, что их можно охарактеризовать как устойчиво-динамические.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башмачников, В. Ф. Российский фермер: собственник, управляющий, работник / В. Ф. Башмачников. – М. : Панорама, 1994. – 67 с.
2. Елагин, В. И. Фермерские хозяйства Чувашии: проблемы организации и опыт практики / В. И. Елагин. – Чебоксары, 1997. – 246 с.
3. Ергачев, М. Н. Современное состояние и перспективы развития фермерских хозяйств в Чувашии / М. Н. Ергачев // Социально-экономические проблемы реформирования народного хозяйства на современном этапе. – 1994 (1995). – С. 138–177.
4. Закон № 1305-1 «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. – Режим доступа : http://www.zaki.ru/docs_cccp.ph?id=4568.
5. Закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Режим доступа : <http://www.nalog.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=34764>.
6. Ильин, И. Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв. / И. Е. Ильин. – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – 254 с.
7. Казарезов, В. В. Очерки истории крестьянского вопроса в России / В. В. Казарезов. – Вологда : «ИПЦ «Легия», 2003. – 98 с.
8. Казарезов, В. В. Фермеры России (очерки становления) : в 2-х т. / В. В. Казарезов. – М. : Колос, 1999. – 359 с.
9. Леонов, Д. В. Крестьянские (фермерские) хозяйства в аграрной политике государства: конец XX – начало XXI вв. (На материалах областей Нижнего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. В. Леонов. – Саратов, 2003. – 186 с.
10. Чувашия – цифры и факты. 2008 / Статсб. – Чебоксары : Чувашстат, 2008. – 128 с.

УДК 82.09.

**КОМПОЗИЦИЯ И СЮЖЕТ РОМАНА Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛДА
«ПО ЭТУ СТОРОНУ РАЯ»**

**THE COMPOSITION AND THE PLOT OF
«THIS SIDE OF PARADISE» BY F. S. FITZGERALD**

Е. В. Павлова

E. V. Pavlova

*ФГОУ ВПО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва*

Аннотация. В статье анализируется композиционное построение первого романа американского писателя Ф. С. Фицджералда «По эту сторону рая». Публикация романа в 1920 г. в одночасье превратила Фицджералда в певца и предвозвестника «века джаза». В статье подчеркивается, что первое крупное произведение Фицджералда представляет собой неровно написанный роман «свободной композиции», в котором, при всем его литературном несовершенстве, писателю удалось передать ритмы эпохи джаза («jazz age»), «карнавал у моря» американской жизни 1920-х годов.

Abstract. The article deals with the compositional structure of the first novel «This Side of Paradise» by F. S. Fitzgerald. Publication of Fitzgerald's novel in 1920 transformed him overnight into a prophet of the Jazz Age. It is emphasized in the article that the first prominent work by Fitzgerald is a novel of «free composition» in which despite all literary imperfection the writer managed to depict the rhythm of the Jazz Age, «the carnival by the sea» of the American life in 1920 s.

Ключевые слова: сюжет, композиция, роман, Фицджералд, роман «насыщения», повествование.

Keywords: plot, structure, novel, Fitzgerald, novel of saturation, narration.

Актуальность исследуемой проблемы. Анализ композиции романов американского писателя Ф. С. Фицджералда является актуальной проблемой фицджералдоведения. Целью нашей работы явилось показать, что, несмотря на литературное несовершенство романа «По эту сторону рая», этот первый, во многом ученический, роман содержит идеи и образы, которые получают развитие в романах зрелого Фицджералда.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили романы Ф. С. Фицджералда. Основным методом явился литературоведческий анализ произведений писателя, также был использован сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследований и их обсуждение. Фицджералду было всего двадцать три года, когда вышел в свет его первый роман «По эту сторону рая» (This Side of Paradise, 1920). Будучи еще студентом Принстона, он провозгласил, что хочет стать одним из самых великих писателей, которые когда-либо существовали, но никто, может быть, кроме самого Фицджералда, не ожидал, что первый роман принесет ему такой успех. Мэтью Брукколи, самый авторитетный исследователь творчества Фицджералда, скончавшийся не так давно (в 2008 г.), отметил, что этот роман американского прозаика явил пример

романа со слабой и совершенно непродуманной композицией, романа, написанного человеком, который не знает, как пишется, и тем более, планируется роман [4]. Пять лет спустя, в 1925 году, автор «Великого Гэтсби» скажет, что любит свой первый роман за сильные эмоции, по большей своей части незрелые и искусственные.

Заглавие романа Фицджералда – строка из стихотворения рано погибшего английского поэта Руперта Брука «Тиара с острова Таити». Ей же Фицджералд открывает роман: первый эпиграф романа – это та же цитата, только расширенная («Well this side of Paradise! There's little comfort in the wise» – «По эту сторону рая мудрость – слабое утешение»). Название первого романа начинающего писателя по достоинству оценил друг Фицджералда по Принстону Джон Пил Бишоп, который писал, что самое поэтическое в романе – это его название. Фицджералд очень долго и внимательно подбирал названия для своих романов, часто выбирая для заглавий цитаты. Первое название романа «По эту сторону рая» было «Романтический эгоист», но в результате писатель предпочел более поэтичный вариант. Примечательно, что заглавие двух романов Фицджералда – это цитаты поэтические (цитата из Китса – заглавие романа «Ночь Нежна», как и цитата из Брука в первом романе Фицджералда, дается в эпиграфе). Цитата в заглавии романа «По эту сторону рая» совсем неслучайна. Фицджералд очень любил английскую поэзию, ставя ее выше прозы и очень сожалея, что сам не имел необходимого таланта писать стихи. Его любимым поэтом на протяжении всей жизни оставался Китс, любил он и поэзию Брука. По свидетельству подруги последних лет жизни Шейлы Грейхем, Фицджералд знал много английских стихов наизусть и утверждал, что может цитировать большие отрывки из Шекспира, Браунинга, Китса, Вордсворта, Колриджа. Составляя для Шейлы Грейхем список самых значительных, с его точки зрения, писателей, Фицджералд выделил несколько стихотворений Китса [5, 97]. Та же Шейла Грейхем писала, что сборник стихов Брука, который Фицджералд купил для нее (The Collected Poems of Rupert Brooke), имел загнутые концы страниц с определенными стихотворениями для того, чтобы нужные строчки всегда были под рукой.

Имена Китса и Брука неоднократно фигурируют и в самом романе Фицджералда. Так, главный герой Эмори влюблен в английскую поэзию, пробует писать стихи в Принстоне, сам читает и декларирует их (Эмори читает Китса своей первой возлюбленной Изабелле). Романтика (как он сам себя называет) Эмори не может не восхищаться личностью поэта Руперта Брука – красавца, любимца женщин. Однажды из любопытства Эмори решает обследовать библиотеки своих принстонских товарищей и выясняет с удивлением, что не он один читает Брука – все его однокурсники зачитываются английским поэтом. Последняя возлюбленная Эмори, Элинор, признает, что портрет Эмори похож на портреты Руперта Брука: «You look a good deal like the pictures of Rupert Brooke» [4, 185].

Проза Фицджералда всегда носила очень личный характер. Автобиографичность прозы – это неотъемлемая часть и романов, и рассказов «последнего романтика» Америки (так назвал Фицджералда анонимный обозреватель газеты «Таймс» конца 40-х гг. XX века). «По эту сторону рая» – самый автобиографичный из четырех законченных романов Фицджералда. К третьему изданию романа писатель написал предисловие (оно прилагалось к тексту в виде отдельного листа), где прямо сказал, что это книга о нем самом. И действительно, даже на первый взгляд, сходных черт судеб молодых Эмори Блейна (главного героя первого романа Фицджералда) и Френсиса Скотта Фицджералда необычайно много. Приведем некоторые из них:

1) Мать Эмори – Беатриса Блейн – ирландка, ирландкой была и мать Фицджералда;
2) Эмори привлекает литературная деятельность, он пишет для принстонского студенческого театра «Треугольник». Как известно, сам Фицджералд писал сценарии для «Треугольника» и несколько лет проучился в Принстоне;

3) Фицджералд был лейтенантом, хоть ему не довелось участвовать в Первой мировой войне, Эмори Блейн в 1917–1919 гг. служит лейтенантом пехотного полка;

4) Одевается Эмори так же, как и сам писатель. Биограф Ф. С. Фицджералда Ф. Тернбулл в своей книге о Фицджералде говорит, что писатель всю жизнь предпочитал носить костюмы от Братьев Брукс, в романе же подчеркивается, что мать Эмори очень трепетно относилась к туалету сына: «Тебе нужны костюмы от Брукса», – говорит она юному Эмори [4, 60];

5) Друзья Эмори списаны со сверстников Фицджералда, за ними угадываются студенты Принстона. Так, прототипом близкого друга Эмори по Принстону Томаса Д'Инвилльерса становится поэт Джон Пил Бишоп. Первая встреча Бишоп и Фицджералда в кафе у Принстона, описанная Бишопом в эссе, посвященном Фицджералду, очень напоминает знакомство Эмори и Томаса Д'Инвилльерса;

6) Даже год рождения писателя и его героя совпадает (1896 г.).

В романе показан жизненный путь Эмори Блейна с рождения до двадцати с небольшим лет – то есть крайне непродолжительный период времени, совпадающий по рамкам с жизнью самого писателя. Но за это время «романтический эгоист» (само слово «эгоист» все время фигурирует в названиях глав романа) Эмори успевает прожить целую жизнь. Нам поэтапно показан его жизненный путь, точнее этюды, зарисовки из его жизни. Одна из первых глав романа названа «Моментальные снимки юного эгоиста» (Snap-Shots of the Young Egoist). Это очень верно определяет жанр романа. Моментальные снимки, зарисовки из жизни Эмори мы и наблюдаем. В первом издании новеллы Генри Джеймса «Дэзи Миллер» был подзаголовок «A Study» – очерк, этюд, исследование. И первый роман Фицджералда – это своеобразный набор этюдов об одном герое, Эмори Блейне. Фицджералд как-то назвал свой первый роман «плутовской прогулкой» («picaresque ramble») и повествованием о современном Чайльд Гарольде в прозе («a prose, modernistic Childe Harolde»). И правда, роман может напомнить читателю прогулку – серию эпизодов, связанных между собой одним героем. Как написал один из современников Фицджералда в 1920 году для газеты «Publisher's Weekly», в романе нет ни завязки (кроме рассказа об Эмори Блейне, замечательном, богатом и очень красивым ребенке с экстравагантной матерью, которую он называет по имени), ни середины, ни конца [6, 55]. Это роман без единой линии сюжета, придающей ему целостность. Такая свободная композиция текста (loose structure) ведет к документальности изображения, к чему стремился английский викторианский роман «насыщения» и сам писатель. Все эпизоды вместе дают нам осознание того, чему учится персонаж, перед нами роман воспитания, так называемый Bildungsroman.

Каноном романа воспитания девятнадцатого века соответствует и время в данном произведении. Роман состоит из двух частей и интерлюдии. Действие первой части, которая называется «Романтический Эгоист» (The Romantic Egoist), развивается медленно и плавно. Повествование начинается с рождения героя и краткого описания его родителей – эксцентричной Беатрисы О'Хары и бесхарактерного и безликого отца (ineffectual, inarticulate man). Фицджералд подробно рассказывает об отрочестве Эмори, о его трудностях и успехах, первых любовных увлечениях. Романтизируя героя, повествователь наде-

ляет его красотой и богатством (которого герой потом лишается). Название первой части романа полностью себя оправдывает. Эгоизм, казалось бы, в крови у Эмори. Уже с детства сверстники Эмори в Миннеаполисе не любят «романтического эгоиста» именно за это качество. Школа не вызывает у юного честолюбивого Эмори никаких эмоций, кроме отращения и осознания того, что в школе испортили его французский (сам Фицджералд настаивал, чтобы его дочери Скотти наняли в качестве учительницы по французскому языку коренную француженку, так как считал, что в школе его могут только испортить). Эмори в школе присуще болезненное тщеславие, он хочет стать танцором или спортсменом, его одолевает желание во всем быть лучше всех. Повествователь говорит, что во сне Эмори «всегда становился кем-то великим» [2, 48], не являясь таковым наяву.

Во второй части романа (название – «Воспитание личности») описывается жизнь Эмори после войны. Сама война не показана писателем. Только в интерлюдии, которая разделяет две книги романа и события которой датируются 1917–1919 гг., из переписки Эмори с монсеньором и его принстонским другом Д'Инвельерсом читатель узнает об участии Эмори в Первой мировой войне. «Один этап закончен» [2, 167], – пишет монсеньор в письме к Эмори.

В начале романа повествователь составляет «таблицу» жизни юного Эмори во время его учебы в Принстоне: изначальный Эмори, Эмори плюс Беатриса, затем Эмори плюс Беатриса плюс Миннеаполис, Эмори плюс Сент-Реджис, Эмори плюс Сент Реджис плюс Принстон. Эту «таблицу» можно было бы продолжить и во второй части романа: Эмори плюс война, Эмори плюс Розалинда, Эмори плюс Элинора и, наконец, возвращение к «первоначальному Эмори». С последней страницей книги Фицджералда заканчивается лишь определенный этап в «воспитании личности» Эмори Блейна. Как отметил советский литературовед Ю. Я. Лидский, роман имеет открытый конец [1, 85].

Фицджералд говорил, что его первый роман представляет собой «романтическую историю и перечень прочитанных книг» [8, 158]. В отличие от последующих романов писателя, здесь перечисляются списки философов, писателей, поэтов, но нет анализа, переосмысления их идей, литературность романа формальна.

Описание романтических отношений с женщинами – главная сюжетная линия романа. Именно женщины во многом «воспитывают» Эмори. Он, как истинный романтический герой, всегда влюблен. Первая влюбленность юного героя – девочка из школы Миннеаполиса, красавица Майра Сен-Клер (в романе несколько раз говорится, что Эмори могут нравиться только девушки, которые лучше всех (в его понимании – самые красивые девушки)). Над первой любовью повествователь явно иронизирует: первый поцелуй с Майрой вызывает чувство отвращения (*revulsion, disgust*) у, вроде бы, испорченного мальчика Эмори. После того как остывает его юношеское чувство к Майре, он опять влюбляется.

В романе повествуется о четырех возлюбленных Эмори: Изабелле, Кларе, Розалинде, Элиноре, – это четыре «этапа» жизни Эмори. Главная любовь его жизни – это Розалинда. Именно тогда, когда Эмори узнает о помолвке Розалинды, он теряет все иллюзии, которые имел прежде, и, по мысли повествователя, становится настоящей личностью.

Главные женские персонажи книг Фицджералда похожи, что неоднократно отмечалось исследователями. Розалинда не способна представить себе замужнюю жизнь с бедным клерком из рекламного агентства. Двухсот семидесяти пяти долларов, которые зарабатывает Эмори, недостаточно для ее жизни, она даже не привыкла причесываться сама. Розалинда не представляет свою жизнь с Эмори в маленькой квартирке без сада, без слуг. Ее стра-

шит какая-либо ответственность, и ей в последнюю очередь хочется заниматься домашним хозяйством. Ей хочется думать о своих прекрасных волосах и загаре: «...I dread responsibility. I don't want to think about pots and kitchens and brooms. I want to worry whether my legs will get slick and brown when I swim in the summer» [2, 189]. Слова Розалинды Коннедж почти в точности повторяет Глория Гилберт, главная героиня второго романа Фицджералда – «Прекрасные и Проклятые». Мори Нобл, друг Энтони Пэтча, «прекрасного и обреченного» героя второго романа Фицджералда, в начале романа (вторая глава первой книги романа) рассказывает о своем знакомстве с Глорией Гилберт, кузиной их общего друга Дика Кэрмела. Весь вечер Глория развлекает его рассказом о своих ногах и загаре: «Well, this girl talked about legs. She talked about skin too – her own skin... She told me the sort of tan she'd like to get in the summer...» [3, 57]. Дэзи Фей, главная героиня романа «Великий Гэтсби» на вопрос Джея Гэтсби, почему она не дождалась его и вышла замуж, отвечает, что богатые девушки никогда не выходят замуж за бедных молодых людей («Rich girls never marry poor boys»). Этот «девиз» Дэзи разделяет и Розалинда.

У романа «По эту сторону рая» нет конца, заканчивается лишь определенный этап жизни Эмори. Повествователь оставляет своего разочарованного героя в период становления его личности. «Опытом люди называют свои ошибки» – один из двух эпиграфов романа Фицджералда, цитата из «Портрета Дориана Грея» – мысль, неоднократно высказанная Уайльдом в романе. Эмори учится на своих ошибках, с ними приходит опыт, с глаз спадает пелена, надежды уходят, остаются реальность и утраченные иллюзии. Он разочаровывается в любви, в работе, даже в «сотне лживых вымыслов» [4, 250], которые встречается в английской литературе. «Без Бога в сердце и с хаосом в мыслях» [2, 273] повествователь оставляет Эмори, чтобы продолжить развитие образа «романтического эгоиста» во втором романе – «Прекрасные и проклятые» (Энтони Пэтч, главный герой, – это во многом тот же Эмори через несколько лет).

Резюме. Первое крупное произведение Фицджералда представляет собой во многом наивный, неровно написанный роман «свободной композиции», тем не менее, запомнившийся читателю искренностью отражения истории американского поколения «эпохи джаза», описанием «потерянного поколения». Зрелый Фицджералд не раз подчеркнет недостатки своего романа и, придя к иной манере повествования (послефлорберовской манере письма), к роману «отбора», будет «протестовать против бесформенности» [7, 482] своих первых романов («По эту сторону рая» и «Прекрасные и проклятые»), написав через пять лет «Великого Гэтсби».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лидский, Ю. Я. Френсис Скотт Фицджеральд / Ю. Я. Лидский // Очерки об американских писателях XX века. – Киев : Наукова думка, 1968. – 268 с.
2. Фицджералд, Ф. С. Последний магнат // Ф. С. Фицджералд. – М. : Эксмо, 2002. – 539 с.
3. Fitzgerald, F. S. The Beautiful and Damned / F. S. Fitzgerald. – N. Y. : Signet Classic, 1998. – 368 p.
4. Fitzgerald, F. S. This Side of Paradise (with a new introduction by Brucoli) / F. S. Fitzgerald. – N. Y. : Signet Classic, 2006. – 272 p.
5. Graham, Sh. College of One / Sh. Graham. – N. Y. : Viking Press, 1967.
6. Miller, J. F. Scott Fitzgerald. His Art and His Technique / J. F. Miller. – N. Y. : Sew York University Press, 1964. – 173 p.
7. The Letters of Scott Fitzgerald / Ed. by F. Turnbull. – N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1963.
8. Notebooks of F. S. Fitzgerald / Ed. by M. J. Brucoli. – N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1963.

УДК 338. 24: 665. 6 /. 7 (470. 345)

**АДМИНИСТРАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА
МИНИСТЕРСТВА ТОПЛИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МОРДОВСКОЙ АССР
ПО РАЗВИТИЮ ТОПЛИВНОГО КОМПЛЕКСА В 1979–1989 гг.**

**ADMINISTRATIVE AND ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF THE MINISTRY
OF FUEL INDUSTRY OF MORDOVIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST RE-
PUBLIC ON THE DEVELOPMENT OF FUEL COMPLEX IN 1979–1989**

В. К. Пиксайкин

V. K. Piksaikin

*ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовии», г. Саранск*

Аннотация. В статье исследуется состояние топливной промышленности Мордовской АССР в 1979–1989 гг., деятельность Министерства топливной промышленности Мордовской АССР по развитию топливного комплекса. Уделяется внимание количественному составу предприятий, находящихся в ведении министерства, численному составу работников предприятий. Показано обеспечение районов и городов топливом.

Abstract. The article investigates the condition of the fuel industry of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1979–1989, the activity of the Ministry of fuel industry to develop the fuel complex. Attention is given to the quantitative structure of the enterprises under authority of the Ministry, number of the workers of the enterprises. The supply of rural districts and towns with fuel is shown.

Ключевые слова: *лесная промышленность, торфопеработки, министерство топливной промышленности.*

Keywords: *timber industry, peatery, Ministry of Fuel Industry.*

Актуальность исследуемой проблемы. В свете современной модернизации российской промышленности изучение регионального опыта министерства топливной отрасли и добычи торфа весьма актуально.

Материал и методика исследований. Методологическую основу исследования составляет диалектико-материалистический метод, основными научными принципами которого являются историзм, объективность, системность, предполагающие многоаспектный анализ исторических процессов в их формировании и развитии.

Результаты исследований и их обсуждение. Министерство топливной промышленности Мордовской АССР было создано 14 декабря 1979 г. Эта структура в своей деятельности подчинялась Министерству топливной промышленности РСФСР и Совету Министров Мордовской АССР. Министром был назначен А. И. Беляйкин, в 1983 г. его сменил А. И. Силютин, а летом 1984 г. на эту должность был назначен А. Д. Ледайкин.

Всего в ведении министерства было 14 предприятий и организаций: торфяные предприятия «Ардатовское», «Карасное», «Каргоньжй», «Чистое», «Пуркаевское», Чамзинский мастеровой участок, Симкинский хозяйственно-производственный участок (ХПУ), Инсарский лесопункт, Рузаевский и Ковылкинский гортопы, Торбеевский райтоп, Атюрьевский, Zubово-Полянский и Теньгушевский промкомбинаты.

В 1985 г. в подчинении Министерства топливной промышленности МАССР было 19 предприятий, на которых работал 731 человек, с ежегодным фондом заработной платы в 1 миллион 326 тыс. рублей. Наибольшее количество промышленно-производственного персонала трудилось на торфопредприятиях «Карасное», «Чистое» и Zubово-Полянском ПК. Однако по фонду зарплаты лидировали торфяные предприятия «Ардатовское», «Карасное» и Инсарский лесопункт [2].

На торфопредприятии «Ардатовское» (г. Ардатов) трудилось 127 работников, в том числе 55 человек промышленно-производственного персонала, 39 рабочих, 8 инженерно-технических работников, 5 служащих, 3 охранника и 17 человек непромышленного персонала. Общая численность работников на торфопредприятии «Ельниковское» (с. Ельники) составляла 33 работника, «Карасное» (Темниковский район) – 88, «Каргоньжй» – 60, «Пуркаевское» (с. Пуркаево Дубенского района) – 36, «Чистое» (Краснослободский район) – 85, на Атюрьевском промкомбинате (с. Стрельниково) – 48, Zubово-Полянском промкомбинате – 82, Теньгушевском промкомбинате – 73, Симкинском хозяйственно-производственном участке – 34, Инсарском лесопункте – 78, Чамзинском мастеровом участке – 42, в Ичалковском райтопсбыте – 21, Атяшевском райтопсбыте – 24 человека [2]. В целом на предприятиях и в организациях в середине 1980-х гг. работало 737–759 человек, в том числе 128 женщин. Среди промышленно-производственного персонала женщин было 118, а среди рабочих – 60 [3]. Управленческие штаты предприятий и организаций были небольшими.

Министерство топливной промышленности МАССР занималось и вопросами реализации услуг населению.

18 мая 1982 г. вышел приказ министра топливной промышленности Мордовской АССР А. И. Беляйкина, в котором подведомственным предприятиям и сбытовым организациям предписывалось обеспечивать развитие и улучшение торгового обслуживания населения, пресекать растраты и хищения, припрятывание дефицитных товаров.

Ежегодно издавались приказы о подготовке транспорта предприятий системы топливной промышленности к работе в зимних условиях. Речь шла о необходимости разработать и осуществить мероприятия по подготовке автотракторного парка, погрузочно-разгрузочных машин, средств механизации, зданий и пунктов для работы в зимних условиях, обеспечить запасы брикета, каменного угля на складах для бесперебойного снабжения котельных, до 25 октября 1983 г. завершить ремонт транспортного хозяйства, обеспечить запас запчастей и ГСМ, укомплектовать транспортные подразделения механизаторскими кадрами, ремонтниками и грузчиками, обеспечить работников теплой спецодеждой, утеплить гаражи, здания и пункты обогрева рабочих, подготовить подъездные пути для автотранспорта к местам погрузки продукции и заправкам [4].

Многие предприятия несли убытки от списания основных средств, срок амортизации которых еще не закончился, что свидетельствовало о ненадлежащей эксплуатации техники. На предприятие «Ельниковское» еще в 1977 г. поступило дорогостоящее оборудование для подготовительных работ на болотах (МТФ-13, МТФ-22Н, МТП-42, ТПШ-2),

но оно так и не нашло применения в работе и находилось в разукомплектованном виде. В 1982 г. было списано этого оборудования на 24 тыс. рублей. В течение 2 лет не работала на полную мощность дефицитная машина для сводки леса на торфяных массивах МТП-13 стоимостью 27 тыс. рублей и производительностью 0,65 га или 150–200 куб/м в смену, которая была способна выполнить годовой план по лесозаготовкам для этого предприятия за две недели. Кроме того, не работали машина для сплошной корчевки пней МТП-26А, гусеничный прицеп-самосвал МТП-24В, экскаватор ТЭ-3М и ряд другого оборудования. В Инсарском лесопункте с 1976 г. не использовались разгрузочно-растаскивающее устройство РРУ-10 и бревнотаскалка. В Теньгушевском ПК не по прямому назначению использовались лесовозы ЗИЛ-157 и трелевочные трактора ТДТ-55А, а в Атюрьевском ПК работу бревнотаскалки выполнял лесопогрузчик ПЛ-1А. Вывозка леса осуществлялась непроизводительно и без соблюдения технологии. В Ардатовском промкомбинате несколько лет не работал кран КТП-1. На торфопредприятии «Пуркаевское» не функционировала построенная котельная, и с 1978 г. не был установлен станок СФ-4. Часть болотно-подготовительной техники Zubovo-Полянского ПК и торфопредприятия «Пуркаевское» передавалась в другие организации и не работала по назначению, в результате чего не осваивались новые участки по добыче торфа. На торфяном предприятии «Карасное» длительное время не функционировала лесопильная рама РК и станок КПА-504 [5].

Часть добытого и заготовленного леса и торфа разворовывалась. Из года в год суммы недостач и хищений числились на балансе Рузаевского гортопа, Ичалковского райтопа, Теньгушевского ПК и Инсарского лесопункта, а со стороны бухгалтеров предприятий и организаций не принимались меры к взысканию с виновных лиц сумм причиненного ущерба, присужденных судом.

К середине 1980-х гг. для экономики СССР экстенсивный путь развития был исчерпан. В апреле 1985 г. политическая власть в стране вновь занялась экономическими экспериментами по совершенствованию методов управления народным хозяйством [3].

Первый этап горбачевских преобразований (1985–1988 гг.) начался с принятия организационно-административных мер и активации человеческого фактора. Предполагалось повысить темпы и эффективность развития экономики на «...базе ускорения научно-технического прогресса, технического перевооружения и реконструкции производства, интенсивного использования созданного производственного потенциала, совершенствования системы управления, хозяйственного механизма ...» [1]. На этой основе намеревались поднять уровень благосостояния народа. Но де-факто получился обратный результат: попытка резко увеличить темпы экономического роста разбалансировала экономику. Требовалась коренная реформа управления народным хозяйством, в том числе и индустрией, необходимо было создать принципиально новый хозяйственный механизм – рыночный.

Зимой 1986–1987 гг. в Мордовии сложилось напряженное положение с углем. Поэтому приказом Министерства топливной промышленности МАССР «Об обеспечении народного хозяйства Мордовской АССР и населения топливом и тепловой энергией в осенне-зимний период 1986–1987 гг.» от 12 декабря 1986 г. № 76 руководителям Zubovo-Полянского, Теньгушевского промкомбинатов, Симкинского хозрасчетного производственного участка, Чамзинского мастерового участка и Инсарского лесопункта к 1 января 1987 г. необходимо было завезти по 20 т угля и по 10 куб/м дров. Директорам торфяных

предприятий «Ардатовское», «Карасное», «Каргоньжй», «Пуркаевское» и «Чистое» поручалось запасти по 10 куб/м дров [2]. На топливные склады гор(рай)топсбытов было завезено 4 тыс. т угля, в том числе на Кочкуровский райтопсбыт – 200 т, на Ардатовский и Ромодановский райтопсбыты – по 300 т, на Атяшевский, Торбеевский райтопсбыты и Рузаевский гортоп – по 400 т, на Ичалковский райтопсбыт и Ковылкинский гортоп – по 500 т и на Саранский гортопсбыт – 1000 т угля [6].

Заготовка топлива складами шла медленными темпами, потребности населения удовлетворялись не полностью. Даже заявки инвалидов и участников Великой Отечественной войны Ардатовским, Атяшевским, Ромодановским райтопсбытами (РТС) и торфопредприятием «Чамзинское» были выполнены только на 45–72 %. Так, в 1987 г. Ромодановский РТС обеспечил топливом только 165 инвалидов войны, а нуждалось в угле и дровах 348 инвалидов. Инсарский РТС завез топливо 176 инвалидам из 348, Кочкуровский РТС – 98 инвалидам из 196 и торфопредприятие «Чамзинское» – 108 инвалидам из 315 [7]. На 1987 г. не справились с заданиями по заготовке дров торфопредприятия «Чамзинское», «Каргоньжй» и Симкинский промкомбинат.

Приказом «О распределении топлива на 1988 год» от 25 декабря 1987 г. в 1988 г. районам и городам Мордовии нужно было поставить 169 050 т угля, в том числе 49 000 т – для коммунальных нужд и 120 050 т – населению. Наибольшее количество кузбасского угля потребляли Ардатовский, Атяшевский, Ковылкинский, Краснослободский, Ромодановский районы, а также гг. Саранск и Ковылкино. Кроме того, было завезено 80 080 т брикета для продажи населению. Наибольшей популярностью пользовался данный вид топлива в г. Саранске, Атяшевском, Ардатовском, Ковылкинском, Лямбирском, Рузаевском и Ромодановском районах.

В топливной отрасли были проблемы с дисциплиной. Основной причиной прогулов рабочих и служащих было пьянство. Однако никаких мер по борьбе с пьянством и алкоголизмом не применялось до выхода 7 июня 1978 г. постановления Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом». Для решения этой задачи была создана Комиссия по борьбе с пьянством при СМ РСФСР. Такие комиссии были созданы и на местах.

Хронической болезнью командно-административной системы были массовые приписки в ходе отчетности по выполнению планов развития производства и повышения производительности труда. Так, в первом полугодии 1983 г. Инсарским райфинотделом райисполкома была проведена проверка выполнения плана производства продукции в Инсарском лесопункте, в ходе которой вскрылись приписки на сумму в 4400 рублей, в том числе по видам продукции: 1000 штук скалок-толкушек на сумму 3000 рублей, 250 штук черенков для сельхозинвентаря на сумму 145 рублей, 1100 штук пищевых ящиков на 1115 рублей и деревянных граблей на сумму 180 рублей.

Министерство топливной промышленности Мордовской АССР занималось выпуском товаров народного потребления. Это была повсеместная практика, так как легкая промышленность была слаборазвитой, а импорт товаров ограничен. Поэтому все предприятия имели непрофильные активы.

25 января 1980 г. вышел приказ министра топливной промышленности Мордовской АССР А. И. Беляйкина «О мерах по дальнейшему увеличению производства простейших хозяйственных и бытовых товаров».

Объемы производства были небольшими. Так, предприятия за 6 лет должны были изготовить 6 тыс. кухонных досок, 6,4 тыс. скалок-толкушек, 12 тыс. черенков и 21 тыс. деревянных граблей. Однако в 1980 г. предприятия Министерства топливной промышленности МАССР не выполнили планы по производству товаров народного потребления. На 85,9 % был выполнен план по изделиям из черной жести, на 92,8 % – корыт для рубки овощей, на 88,9 % – деревянных грабель.

Торфяные предприятия «Ардатовское», «Карасное», «Чистое», «Каргоньжй», «Пуркаевское», Атюрьевский, Zubово-Полянский, Теньгушевский промкомбинаты, Симкинский ХПУ и Инсарский лесопункт занимались производством жилых деревянных домов и деревянных срубов для сельской местности. За годы одиннадцатой пятилетки было введено 21,5 тыс. кв/м общей жилой площади из расчета 12 кв. м на человека, что означало обеспечение жильем или улучшение условий проживания 1791 человека. Наибольшая нагрузка по производству домов и срубов ложилась на вышеупомянутые предприятия.

Резюме. Нами установлено, что топливная промышленность Мордовии в исследуемый период развивалась стабильно. Кроме традиционной лесозаготовительной была создана и успешно развивалась торфодобывающая отрасль. Это дало возможность обеспечить местным топливом значительную часть Мордовской АССР. Большую роль в обеспечении потребностей населения, заведений, учреждений и жилищно-коммунального хозяйства республики сыграло Министерство топливной промышленности Мордовской АССР. Одной из задач министерства была организация работы по изучению, обобщению и распространению передового опыта работы. Его приказами руководителям подведомственных предприятий и организаций предписывалось: внедрять в производство прогрессивные формы организации труда, укреплять дисциплину, развивать социалистическое соревнование, повышать роль начальников цехов, бригадиров и мастеров в производственной и воспитательной работе, повышать профессиональное мастерство и культурный уровень работников и сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.* – М., 1986. – С. 231.
2. *Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ).* – Ф. Р. – 1048. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 42, 84.
3. *ЦГА РМ.* – Ф. Р. – 1048. – Оп. 1. – Д. 625. – Л. 74 об.
4. *ЦГА РМ.* – Ф. Р. – 1048. – Оп. 1. – Д. 580. – Л. 190.
5. *ЦГА РМ.* – Ф. Р. – 1048. – Оп. 1. – Д. 562. – Л. 196.
6. *ЦГА РМ.* – Ф. Р. – 1048. – Оп. 1. – Д. 686. – Л. 160.
7. *ЦГА РМ.* – Ф. Р. – 1048. – Оп. 1. – Д. 759. – Л. 32.

УДК 811.512.161'37

**СЕМАНТИКА НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ
В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С МОДАЛЬНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ
В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

**SEMANTICS OF POSSIBILITY AND NECESSITY
IN MODAL CONSTRUCTIONS IN MODERN TURKISH**

О. В. Сорокина

O. V. Sorokina

*ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова», г. Чебоксары*

Аннотация. Рассмотрены модально-аналитические конструкции с модальной семантикой необходимости и возможности и описаны особенности их семантики.

Abstract. Semantics of possibility and necessity expressed by analytical modal constructions are considered.

Ключевые слова: *модальность, подсистема, конструкция, турецкий, компонент, инфинитив, связка, аналитическая.*

Keywords: *modality, subsystem, construction, Turkish, component, infinitive, copula, analytical.*

Актуальность исследуемой проблемы. Модальность является одной из наиболее часто обсуждаемых тем в лингвистике. Семантика модальности рассматривалась в рамках разных лингвистических парадигм и подходов – лексико-семантического, семантико-синтаксического, контекстно-семантического, коммуникативно-синтаксического, логического анализа языка, лингвистики текста, анализа диалога, дискурса-анализа. Модальные конструкции, особым образом встраиваясь в структуру дискурса, обеспечивают полноценную речевую коммуникацию, сущность которой заключается в том, что пропозициональное содержание высказывания в дискурсивном пространстве отягощено эксплицитной или имплицитной модусной составляющей.

Материал и методика исследований. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов по общей и тюркской модальности и частным вопросам синтаксиса языков разных систем В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. В. Бондарко, П. А. Леканта, И. И. Мещанинова, М. Р. Федотова, М. Эргина, Т. Бангуоглу. В качестве иллюстративного материала были использованы предложения и фрагменты текстов из художественных произведений современных турецких писателей. В исследовании были применены сопоставительно-типологический и лингвистические методы контекстуального и компонентного анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. В тюркологии рассматриваются не только синтетические, но и аналитические формы глагола. Однако, как правило, внимание обращается лишь на деепричастные аналитические конструкции с временной семантикой, которые оцениваются авторами как сложные временные формы глагола, и с аспектальными значениями, которые определяются исследователями как основное средство выражения способов протекания действия в тюркских языках. Аналитические конструкции модальной семантики, которые характеризуются регулярностью употребления и тотальностью охвата лексики, часто оказываются вне поля зрения грамматистов.

М. Гухман на материале немецкого языка определяет аналитическую конструкцию как «устойчивые неразложимые сочетания частичного и полного слова». Критериями ее выделения, по мнению исследователей, являются следующие признаки: а) особая взаимосвязанность компонентов, создающая их реальную неразложимость; 2) идиоматичность как основа этой неразложимости; 3) охват всей лексической системы глаголов немецкого языка; 4) включенность в систему соотносительных форм любого глагола в качестве элементов единого парадигматического ряда [1, 322–361]. Важной является мысль о том, что значение аналитической конструкции не есть простая сумма значений ее компонентов, а семантика аналитических конструкций формируется в результате переосмысления исходной семантики входящих в ее состав компонентов.

Аналитическая конструкция представляет собой сочетание основного компонента, который несет лексическое значение всей конструкции и выступает в неизменной форме, и служебного компонента, выражающего грамматическое значение конструкции в целом.

Определенное грамматическое значение возникает только при сочетании вспомогательного глагола с определенной формой лексического глагола. Например, значение возможности возникает при сочетании бытийного глагола *ol-* с деепричастной формой на *-p*. Это не простое механическое соединение компонентов, аналитическая конструкция есть качественно новая единица, возникшая в результате семантического осмысления ее компонентов.

В турецком языке семантика конструкций со значениями возможности и необходимости их формальной структурой строго не обусловлена. Тем не менее, некоторая структурно-семантическая связь прослеживается.

Долженствование, необходимость выражаются синтаксическим способом с помощью специальных глаголов и слов, лексическое значение которых выражает эти понятия, – *lâzım gelmek, lâzım olmak* – «быть вынужденным»:

1. инфинитив + lâzım / gerek +связка «нужно, необходимо»:

Burası uzak, kuytuda unutulmuş bir yer, her şey kısıtlı, bunun için de çocuklarla çok ilgilenmek gerek [3, 132] – «Это далекое захолустное место, здесь безлюдно, поэтому за детьми **необходимо** пристальное внимание»; *Sonra bu izbeye bir pencere açmak, bir de duman deliği yapmak gerekti* [10, 27] – «Потом в этой избе (лачуге) **необходимо сделать** окошко и дырку для вытяжки дыма»; *Bu nedenle her ne pahasına olursa olsun, ürünü Yerköy'e taşımak gerekiyordu* [9, 70] – «В связи с этим, как бы это дорого ни стоило, **нужно довести** продукцию до Йеркей (Йеркей – назв. деревни)»; *Ama ne gerek vardı böbürlenmesine, kibirlenmesine?* [3, 26] – «**Какая была необходимость** (зачем надо было) так важничать, гордиться и зазнаваться?».

Doğrusunu söylemek gerekirse Sabitcan biraz itiraz edecek olmuştu [3, 31] – «Если нужно сказать правду, то Сабитджан возражала против этого».

2. Имя действия на -ma + афф. принадлежности 3 л. ед. ч. -sI +gerek / lâzım + связка: *Bu tür meselerin Akdeniz bölgesi dışına çıkarması gerektiğini düşünür* [9, 55] – «Он считает, что проблемы подобного рода **не должны выходить** за морской район (за акваторию белого моря)»; *Çalışmak, iyi kötü bir iş sahibi olmak insanı mutlu etmesi gereken birşeydi* [10, 54] – «Работать, так или иначе стать хозяином одной профессии, **это то необходимое условие**, чтобы сделать человека счастливым»; *Zaten 1167'de ölen Ahmet Yesevi ile 1682'de ölen Evliya Çelebi'nin arasında 13–15 ata bulunması gerekirken bunu 8 ata ile geçiştirmek de tamamen mantıksızdır* [4, II] – «Однако между Ахметом Йесеви, умершим в 1167 году, и Эвлия Челеби, скончавшимся в 1682 году, должно быть 13–15 отцов, вместо этого вовсе не логично предполагать восемь, как это делают они»; *Soğuktan, bozkr rüzgârlardan korunması gerekir* [3, 37] – «Ему **необходимо** защищаться от мороза, степного ветра»; *Balıkçılık, hiç şüphesiz her şeyden önce sağlam kafa gerektirirdi* [3, 75] – «Рыбный промысел прежде всего, несомненно, **требовал** (букв. **делать необходимым, вынуждать, вызывать потребность**) здоровую (твердую) голову»; *Evliya Çelebi Seyahatnâmesi hakkında son ve kesin hükmün verilmesi için önce, eserlerinin karşılaştırmalı ve doğru bir basımının yapılması lâzımdır* [4, XI] – «В отношении произведения Эвлия Челеби "Записки из Путешествия" перед тем как представить окончательную и точную версию, **необходимы** сопоставление произведений и правильное книгопечатание»; *Böylece geleneğe uymuş, işi çabuk ve gereği gibi yapmış olacaktı* [3, 109] – «Таким образом, поступили согласно обычаям (традициям) и **должны были** выполнить работу быстро, эффективно и должным образом».

3. Lâzım + служебный компонент *gelmek* (приходить, приезжать, прибывать откуда-либо, достигать чего-либо, подвергнуться чему-либо, испытать что-либо) + связка:

Doğrusunu söylemek lâzım gelirse, manzara hiç te zengin değildi. Pencere her zaman kapalı durur, balkon parmaklığında hemen daima bir ufak çocuk şitlesi ile yorgan asılırdı [5, 6] – «**Сказать по правде**, пейзаж вовсе не был богатым. Окна постоянно были закрыты, на решетке балкона всегда висели одеяло и одежда маленького ребенка».

Birkaç uyku dakikasında bu kadar uzun rüyaları sığdırmak için insanın o yerleri her halde çok, çok göreceği gelmiş olması lâzım gelmez mi? [5, 12] – «**Нужно ли** человеку так сильно желать увидеть эти места, чтобы вместить столь длинный сон в несколько минут?»; *Mademki bir erkek için mutlaka bir meslek lâzımmış* [5, 96] – «Для мужчины в обязательном порядке, оказывается, **нужна** профессия»; *Kâmrân Bey maalesef sizi lâzım geldiği kadar takdir edememiş. Yahut, ne bileyim, belki takdir ettiği halde geçici bir zaafa kapılmış* [5, 106] – «Господин Камран, к сожалению, не смог оценить вас **так, как это необходимо**, хотя, как знать, **может**, он поддался временной слабости, когда одобрял ваши поступки»; *Aç adam haftada bir, sonra iki gün geliyor, Hasibe'nin yanında en aç midenin en bol yemeklerle dolması için geçmesi lâzım gelen müddetten fazla kalıyordu* [7, 67] – «Голодный человек раз в неделю, потом два раза приходил к Хасибе для того, чтобы набить голодный желудок многообразием блюд, и (он) находился дольше **нужного** промежутка) времени»; *Eskiden sizi uyandırabilmek için pancurlarınıza yazın avuç avuç çakıl taşı, kışın bir uğın kartopu atmak lâzım gelirdi* [5, 373] – «Раньше, чтобы разбудить вас, **нужно было** (приходилось) зимой кидать в ваши окна снежки, а летом –

горсти мелких камней на ваши жалюзи»; *Demin size arkadaşlarıyla bir bahse tutuştuğunu söylemek lâzım geldi* [5, 282] – «**Нужно было** сказать вам, что совсем недавно он поспорил со своими друзьями»; *Bu Megrilistan, Trabzon Eyaleti'ne tâbi olup bize imdat göndermesi lâzım gelirken Kazaklar'a yardım edip Padişaha isyan ettiler* [4, 300] – «**В то время как** Мегрилистану, который относился к вилайету Трабзон, **необходимо было** помогать нам, они [жители], помогали Казакам и восстали против Падишаха»; *Fakat modern bir dansın icaplarına göre erkeğin kadını öpmesi lâzım geliyormuş* [7, 221] – «По требованиям современного танца мужчине **необходимо** целовать женщину»; *Uyuymadım, çünkü sizin nişanlımız olarak geçirdiğim tek saadet gecesinin bir dakikasını ziyan etmemek lâzımdı* [6, 331] – «Я не мог заснуть, потому что **никак нельзя было** терять ни минуты той единственной счастливой ночи, которую я провел, будучи вашим обрученным»; *Fakat, nemelâzım, sene sonu oldu gitti* [6, 332] – «Однако, **для чего это нужно?** Ведь год уже прошел».

Сказуемое модально-безличного предложения, передающего объективную необходимость, долженствование, выражается сочетанием имени действия на *-mak* со следующими модальными словами:

Lâzım – «необходимый», «нужный» + связка: *Onu görmek ve bütün bunları anlatmak lâzımdı* – «**Нужно было** повидать ее и рассказать обо всем этом».

4. **Lâzım gelmek** – «быть необходимым, нужным, долженствовать»:

Daha sonra da bütün oradaki ihtiyar kadınların ellerini ve gençlerin yüzlerini öpmek lâzım geliyor – «А затем необходимо перецеловать руки у всех находившихся там старух, а молодых расцеловать в щеки». Стилистическими синонимами глагола *lâzım gelmek* являются глаголы *icabetmek* и *iktiza etmek* – «быть необходимым».

5. **Lüzum görmek** – «считать необходимым, нужным»:

Memlekette birçok içtimaî hadiseler var ki tetkiklerine lüzum görülüyor – «В стране много социальных явлений, которых **нет необходимости** изучать» [2, 509]. При отрицательной форме глагола *görmek*, выступающего в данном случае в значении вспомогательного глагола, все словосочетание выражает объективную невозможность совершения действия; то же самое и при глаголе *lâzım gelmemek*.

Komşu, bu riyakâr nedamete ve sesimdeki titreyişe aldandı, yumuşadı; neyse bana güzelce bir şey söylemek lüzumunu hissederek [5, 31] – «**Почувствовав необходимость** сказать мне что-то доброе, сосед смягчился – мой дрожащий голос и мое лицемерие обманули его»; *Bir hayvan yemliği vardı ki, kaldırmaya lüzum görmemişler, üstüne bir tahta kapak çakarak bir nevi dolap haline getirmişlerdi* [5, 169] – «Есть одно корыто для корма, которое они даже **не посчитали необходимым** убрать, сверх того забив досочку, они превратили его в некий вид шкафа»; *Cevap vermeye lüzum görmeyerek başka şeylerle meşgul oldum* [6, 170] *İki kat örtmeye başladığım peçemin altında yüzümü seçebilmek için yolumu kesti: kaç saygısızın, biraz sesini alçaltmaya bile lüzum görmeden: ipek böceği, bu ha? Zavallı Şeyh! Dediğini işittim* [5, 262] (*peçe* – покрывало на лице турецких женщин в Османской Турции, *Şeyh* – старец; пожилой человек) – «Чтобы распознать мое лицо под покрывалом, которым я стала прикрываться в два слоя, он подошел совсем близко ко мне, **не считая необходимым** даже немного понизить голос, стал говорить со мной очень неуважительно: «Ах, шельма! – услышала я в свой адрес, – Бедный, Шейх!»; *Ahmet Yesevî soyundan geldiğini iddia edip din ve tasavvuf davası gütmesi dolayısıyla dinin ve devletin yasakladığı içkiyi içmemiş görünmek lüzumunu duyulmuştur* [4, VIII] – «В связи

с введением (преследованием) иска по религии и мистицизму, который существует еще со времени Ахмета Йесеви, *считалось необходимым* быть непьющими, поскольку религия и государство запрещали подобные злоупотребления».

6. Модальное слово *gerek/ihtiyaç* (нужно, необходимо, надо; потребность, необходимость, необходимость) + служебный компонент *duymak* (чувствовать, ощущать, испытывать, воспринимать, узнать) + связка:

Bir şeyler söylemek ihtiyacını duyuyor [7, 196] – «Он *считает необходимым* что-то говорить»; *Bu sese karşı müdafaa etmek gereğini duyuyordu* [7, 295] – «Вообще он *считал необходимым* защищаться от этих обвинений».

Объективная возможность совершения действия выражается сочетанием соответствующих модальных слов с именем действия на *-mak*; имя действия на *-ta* образует с модальными словами в том случае, если имя на *-ta* с афф. принадлежности является косвенным дополнением к модальному сказуемому:

7. *-mak mümkün* – «возможный» + связка: *Halbuki dünden beri pek çok şeyler söylemek mümkündür* [8, 87] – «Однако со вчерашнего дня *можно было сказать* многое».

8. *-mak imkân /- mak imkân-ı* – «возможность» + *var*: *Sizi bıraktıma imkân var mı?* [8, 71] – «Я не могу вас покинуть (букв. *есть ли возможность* мне покинуть вас ?)».

9. *-mak olur* «возможный» (*ol* – бытийный гл. «быть, становиться» + *-ur* – афф. настоящего-будущего вр.): *Buna güzel şekil vermek olur* – «Этому *можно придать* красивую форму».

Havadisın doğru olması mümkündür [5, 90] – «*Возможно*, это было правильное решение»; *Mümkün olduğu kadar sakın bir tavır takınmaya çalışarak: vazife vazifedir, hanımefendi, dedim. Cesur olmak lâzım. Bahsettiğiniz beni tanıyor mu ?* [5, 105] – «Стараясь держать себя спокойно, *насколько это было возможно*, я сказал: «Долг есть долг, госпожа. Нужно быть решительным и храбрым. Знает ли меня тот, о ком вы говорили?»; *Vapur, vapurdaki insanlar, hatta Hüseyin unutulmuş, büyük bir denizi uçarak gezen bir kuşun hayalinde ne kadar kalması mümkünse, bende de aşağı yukarı ona benzer bir şey kalmıştı* [5, 131] – «Пароход, люди которые были на пароходе, и даже Хюсейн – все были забыты. Похоже у меня осталось столько же *возможности* остаться в живых, сколько может его быть в воображении парящей над бескрайним морем птицы»; *Babası Osman Gazi'nin izniyle bu kaleyi fethedip bir daha kâfir almasın diye yer yer yıktı. Fakat az bir çalışma ile onarılması mümkündür* [4, 122] – «Его отец, по разрешению Османа Гази, завоевав эту крепость, чтобы она больше не досталась неверным (то есть тем, кто не являлся мусульманами), местами (ее) разрушил. Однако после довольно небольших усилий реконструкция *возможна*»;

10. *İhtimâl* – «возможно, вероятно» + *ki*:

İhtimâl ki göğüsünden vurulmuştu [8, 123] – «*Весьма вероятно*, она была убита выстрелом в грудь».

11. Модальное слово *mümkün* + служебный компонент *kılmak* (делать, совершать) + связка в модальном значении возможности: *Demiurg programının uygulanmasını mümkün kılacak bir faktör idi* [3, 58] (*mümkün kılmak* – «делать возможным») – «Это было одним из *возможных* факторов применения на практике программы Демиурга».

12. Конструкция: модальное слово ihtimâl/imkân – «возможность, вероятность» + служебное слово vermek (давать, создавать, нести, подвергать) + связка:

Gökten yıldız çalmalarına bile ihtimâl verilebilir [4, 303] – «Им даже **дается возможность** украсть с неба звезды».

Çünkü orada insan bir makina adam ve bir otomat değil, kabiliyetlerinin serbestçe gelişmesine her yaşta ve her meslekte imkân verilen mânevi bir şahsiyettir [7, 37] – «Потому что человек не машина и не автомат, это – нравственная личность, которая **дает возможность (позволяет)** свободно развиваться способностям в каждой профессии и в любом возрасте»; *Hülâsa, Feride'cik, senin ne benimle yaşamana, ne de kendi kendine yaşamana imkân var* [5, 359] – «Одним словом, дорогая Фериде, у тебя **нет возможности** жить ни со мной, ни с самой собою»; *Ben imkân olarak da böyle bir şey tasavvur edemiyorum (ol – быт. гл. «быть, становиться», arak – аффикс деепричастия)* [7, 223] – «**И как возможность** я не могу этого представить»; *Bunların hepsinden fazla olarak da bir gün asıl emeline vâsil olması ihtimâli vardı* [5, 395] – «Больше всего (у него) **была возможность** за один день достичь главной цели»; *Besim ablasını çocuğun yanına yolladıktan sonra, doktoru aşağıya indirirken bir menenjit ihtimâli olup olmadığını sordu ve beklediği cevabı aldı* [7, 57] – «Отправив (свою) сестру к ребенку, Бесим проводил доктора вниз по лестнице, спросил **о возможности** менингита и дождался ответа»; *Gözlerini bana çevirdi, enerjik bakışlarıyla gevezelik etmem ihtimâlini geriye ittikten sonra, biraz daha durdu* [7, 88] – «Он посмотрел на меня, но когда я решительным взглядом **отверг возможность** заниматься болтовней (чесать языком, трепать языком), остановился»; *Bu özleyiş bütün cesaretini imkândan almaktadır (букв. брать из всего возможного)* [7, 153] – «Эта тоска (стремление) отнимает **по возможности** всю смелость»; *Mümkün müdür, hayatları boş adalardaki saat gibi herşeyden alâkasını kesmiş geçsin?* [7, 167] – «**Разве возможно**, чтобы их жизнь, словно время на пустынных островах, проходила бессмысленно?».

Резюме. Семантика необходимости в турецком языке выражена шестью модально-аналитическими конструкциями. Центральное место в подсистеме конструкций с семантикой необходимости/долженствования занимают инфинитивные конструкции с модальным предикатом *lâzım/gerek*: *Tv* (осн. гл.) = *mak + lâzım / gerek* (нужно, необходимо, надо) + связка. Способность модального слова *gerek* принимать формы различных времен и наклонений, неограниченность в сочетании с глаголами разных ЛСГ обеспечивает данной конструкции активность и широту употребления.

Специальное выражение получает семантика функциональной необходимости, передаваемая именем действия на *-ma + SI* (афф. 3 л. ед. ч.) + *gerek / lâzım*. Неотвратимость, неизбежность совершения действия выражается конструкцией, состоящей из инфинитивной формы: *Tv = mak/-ma + SI* + модальное слово *lâzım* + служебный компонент *gel-* – «приходить, приезжать, прибывать», где стилистическими синонимами глагола *lâzım gelmek* являются глаголы *icabetmek/iktiza etmek/lüzum görmek* – «быть необходимым, считать необходимым (нужным)».

Аналитическая конструкция с модальным словом *gerek/ ihtiyaç* имеет все формы лица, числа, времени и наклонений. Формы времени и наклонений образуются при помощи служебного компонента *duymak*. Данная конструкция выражает твердую убежденность говорящего в необходимости совершения какого-либо действия.

Конструкции со семантикой возможности, обусловленные факторами социального характера: а) имя действия на **-mak/-ma** + модальное слово **mümkün** + морф. *связка*; б) имя действия на **-mak/-ma** + модальное слово **imkân** (личн. оформ. 3 л. ед. ч.) + модальный предикат **var** – «есть, имеется»; в) **ihitimâl** – «возможность, вероятность» + **ki** («весьма, такой», употребляется для выражения сильной степени какого-либо свойства, состояния и т. д.); г) модальное слово **mümkün** + служебный компонент **kılmak** – «*делать, совершать*» (в разных врем. формах и наклонениях); д) модальное слово **ihitimâl/imkân** + служебный компонент **vermek** – «*давать, создавать, нести, подвергать*» (в разных врем. формах и причастных формах, которые характеризуются тем, что широко распространены как в художественной литературе, так и в говорах разных вилайетов (областей)).

На анализе примеров обосновано, что система модальных аналитических конструкций имеет ядерно-периферийный характер. В каждой ее подсистеме выделяются конструкции, характеризующиеся нейтральной, самой общей семантикой необходимости, возможности. Они составляют ее ядро, так как нейтральность семантики позволяет им в разных контекстах передавать самые разнообразные оттенки общей семантики. Периферии каждой подсистемы занимают конструкции с конкретными модальными значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман, М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (на материале немецкого языка) / М. М. Гухман // Вопросы грамматического строя. – М. : Наука, 1955. – С. 322–361.
2. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1956. – 569 с.
3. Aytmatov, C. Gün olur Asra Bedel / C. Aytmatov. – İstanbul : Ötüken, 1997. – 432 s.
4. Evliya, Ç. Seyahatnâmesi'nden Seçmeler (I) / Ç. Evliya. – İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1971. – I-inci cilt. – 308 s., II cilt. – 308 s.
5. Güntekin, R. N. Çalığışu / R. N. Güntekin. – İstanbul : İnkılâp Kitabevi, 1999. – 408 s.
6. Güntekin, R. N. Acımak / R. N. Güntekin. – İstanbul : İnkılâp Kitabevi, 1997. – 127 s.
7. Peyami, S. Yalnızız / S. Peyami. – İstanbul : Ötüken, 1997. – 365 s.
8. Sabahattin, A. Kürk mantolu Madonna / A. Sabahattin. – İstanbul : Boğaziçi yayınları, 1963. – 138 s.
9. Sarıyüce, H. L. Anadolu'ya açılan pencere / H. L. Sarıyüce. – Ankara : Milli Eğitim Bakanlığı, 1982. – 111 s.
10. Tuğcu, K. Eskicinin köpeği / K. Tuğcu. – İstanbul : Damla yayınevi, 1999. – 80 s.

УДК 378.183.032

**ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАТОРСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
В УСЛОВИХ СТУДЕНЧЕСКОГО КЛУБА**

**FORMATION OF THE MANAGERIAL COMPETENCE OF PEDAGOGICAL
DEGREE STUDENTS IN THE CONDITIONS OF STUDENTS' CLUB**

В. Г. Суранов

V. G. Suranov

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования организаторской компетенции у студентов педагогического вуза в условиях деятельности студенческого клуба. Раскрывается сущность организаторской компетенции, ее структура, обосновываются педагогические условия формирования организаторской компетенции у будущих учителей.

Abstract. The article is devoted to the problem of forming managerial competence of pedagogical degree students involved in students' club activity. The essence of the managerial competence, its structure is revealed, pedagogical framework of forming managerial competence of future teachers is justified.

Ключевые слова: *организаторская компетенция, формирование, студенты педагогического вуза, студенческий клуб.*

Keywords: *managerial competence, formation, students of pedagogical university, student's club.*

Актуальность исследуемой проблемы. Новая школа – это новые учителя, открытые всему новому, понимающие детскую психологию и особенности развития школьников, хорошо знающие свой предмет, говорится в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа». Задача учителя – помочь ребятам найти себя в будущем, стать самостоятельными, творческими и уверенными в себе людьми. Чуткие, внимательные и восприимчивые к интересам школьников, открытые всему новому учителя – ключевая особенность школы будущего.

Современный учитель должен быть готов к созданию новых условий для раскрытия способностей каждого ученика, воспитания порядочного и патриотичного человека, личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Личность может сформировать такой учитель, который способен организовать образовательную среду. Новая школа – это центр взаимодействия как с родителями и местным сообществом, так и с учреждениями культуры, здравоохранения, спорта, досуга, другими организациями социальной сферы. Школы как центры досуга должны быть открыты в будние и воскресные дни, а школьные праздники, концерты, спектакли, спортивные мероприятия – стать местом семейного отдыха [7, 1].

Новой школе требуются коммуникативные, творческие, эффективные учителя, умеющие организовать свой труд и деятельность учеников. Решение поставленных задач требует от учителя новой школы наличия организаторских знаний, умений и способностей, сформированной организаторской компетенции. Подготовка таких учителей должна

осуществляться в педагогическом вузе. В связи с этим целью нашего исследования стало выявление педагогических условий формирования организаторской компетенции у студентов педагогического вуза в условиях студенческого клуба.

Материал и методика исследований. Исследование проводилось на базе Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Методами исследования явились анализ и синтез, анкетирование, беседа, наблюдение, педагогический эксперимент.

Результаты исследований и их обсуждение. В педагогике и психологии в настоящее время не сложилось однозначного понимания понятия «компетенция». Анализ различных научных источников позволяет сделать вывод, что термин «компетенция» употребляется применительно к лицам определенного социально-профессионального статуса и характеризует меру соответствия их подготовленности реальному уровню сложности выполняемых задач и решаемых проблем. Понятие «компетенция» используется также в контексте вопросов обучения и воспитания подрастающего поколения, подготовки кадров для различных образовательных учреждений. Сущность компетенции определяется различными учеными как уровень образованности, достаточный для самообразования и самостоятельного решения возникающих проблем при определенной своей позиции [2, 60]; круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом [13, 456]; психосоциальное качество, означающее силу и уверенность, исходящие от чувства собственной успешности и полезности, что дает человеку осознание эффективного взаимодействия с окружением [8, 220]; круг вопросов, в котором данное должностное лицо обладает познаниями, опытом [9, 151]; обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо [10, 255].

Проанализировав приведенные определения, мы предлагаем понимать компетенцию как основанные на знаниях и опыте способность и готовность личности к какой-либо деятельности.

Н. В. Кузьмина выделила пять основных типов компетенций, которыми должен обладать учитель: гностический, проектировочный, конструктивный, организаторский, коммуникативный [5, 58].

Гностическая компетенция включает действия, имеющие отношение к накоплению знаний о целях педагогической системы и средствах их достижения, о состоянии объектов и субъектов педагогического воздействия на различных стадиях решения педагогических задач, о психологических особенностях учащихся, педагогов, руководителей. Проектировочная компетенция предполагает готовность к осуществлению действий, связанных с перспективным планированием, определением стратегических, тактических, оперативных задач, а также способов их решения. Конструктивная компетенция характеризует действия, касающиеся отбора и композиционного построения содержания учебной и воспитательной информации. Коммуникативная компетенция относится к действиям по установлению педагогически целесообразных взаимоотношений между руководителями, педагогами и учащимися.

Особое место среди выделенных компетенций занимает организаторская компетенция, отражающая метадеятельностный характер педагогической деятельности. Организаторская компетенция отражает действия, направленные на реализацию педагогического замысла посредством конкретной организации взаимодействия педагога и учащихся.

Проблемой развития организаторских знаний, умений и способностей в системе профессиональной деятельности преподавателей занимались такие ученые, как Н. А. Ершова, И. А. Зимняя, Б. Д. Краковский, А. Я. Магаберидзе, М. В. Макарова, И. Л. Руденко, О. В. Тюптя, Л. И. Уманский и др. В диссертационном исследовании Ю. С. Ценч организаторская компетенция понимается как способность педагога мобилизовать в профессиональной деятельности знания, умения и способы выполнения организаторских действий [14, 37].

Проанализировав труды перечисленных ученых, мы сформулировали авторское определение организаторской компетенции, под которой мы понимаем способность и готовность педагога к осуществлению организаторской деятельности на основе приобретенных знаний, умений, навыков, накопленного опыта и развитых способностей.

Организаторская компетенция включает организаторские знания, умения и способности. Представим краткую характеристику компонентного состава организаторской компетенции.

Знания являются основой для формирования тех или иных умений, поэтому в первую очередь мы остановимся на этом компоненте организаторской компетенции. Знания – это адекватное отражение человеком объективной реальности в форме фактов, сведений, правил, представлений, научных понятий, закономерностей, принципов, теорий, законов науки. Знания необходимы человеку для ориентации в окружающем мире, для объяснения и предвидения событий, для планирования и реализации деятельности и выработки новых знаний. Л. М. Лузина определила организаторские знания как сумму сведений, познаний в области организаторской работы, понимание целей, задач учебной деятельности, знаний особенностей личности и коллектива, правил организаторской работы [6, 75]. Соглашаясь в целом с приведенным перечнем, мы считаем необходимым дополнить его таким компонентом, как знание сущности, структуры и технологии организаторской деятельности.

Следующий компонент организаторской компетенции составляют организаторские умения. При их определении мы исходили из сущности организаторской деятельности.

К. К. Платонов понимает под умением «...способность выполнять какую-либо деятельность или действие в новых условиях, приобретенную ... на основе полученных знаний и навыков». Н. В. Кузьмина определяет педагогическое умение как приобретенную человеком способность на основе знаний и умений выполнять определенные виды деятельности в изменяющихся условиях.

Следовательно, умения предполагают сознательное владение деятельностью, применение знаний на практике и направление их на достижение целей обучения и воспитания. Особенность умения, в отличие от автоматизированного навыка, заключается в том, что оно образуется без специальных упражнений в выполнении действия и опирается в основном на знания и навыки, приобретенные раньше, при выполнении действий, сходных с данными. Однако совершенствование умения происходит не только по мере овладения знаниями и накопления опыта деятельности, но и по мере овладения навыками и использования «другого» опыта.

Б. Д. Красовский под организаторскими умениями понимает готовность к осуществлению системы практических действий на основе знаний и опыта, направленных на регуляцию деятельности коллектива с целью выполнения учебно-воспитательных задач [3, 63]. Организаторские умения, по его мнению, представлены: системой знаний о деятельности организатора и взаимосвязи его с коллективом; системой психических действий (действие наблюдательности, быстрота ориентировки, выдвижение целей, самообладание, саморегуляция и т. д.); практическими действиями.

О. В. Тютя [12, 134] под организаторскими умениями и навыками понимает «владение способами и приемами выполнения действий, основанных на использовании знаний психологии и педагогики, а также специфики организаторской деятельности», и выделяет следующую их совокупность: 1) умение организовывать коллектив и взаимоотношения в нем; 2) умение планировать работу; 3) умение организовывать разнообразную деятельность; 4) умение соединять индивидуальную и коллективную работу; 5) умение

работать с активом и координировать его действия; 6) умение контролировать и проводить учет работы; 7) умение вооружать методами организаторской работы и своевременно передавать организаторские функции.

В структуру организаторских умений, по мнению М. Н. Станкина, входят: 1) умение заряжать всех своей энергией; 2) умение найти дело каждому по способностям; 3) творческая и исполнительская инициатива; 4) склонность к организаторской деятельности; 5) требовательность к себе и другим людям [11, 216].

Проанализировав перечисленные точки зрения, мы выделили умения, которыми, по нашему мнению, должны овладеть будущие учителя в процессе обучения в вузе: умение планировать работу, умение организовывать разнообразную деятельность, умение соединять индивидуальную и коллективную работу, умение организовывать коллектив и взаимоотношения в нем, умение работать с активом, координировать его действия, умение контролировать и проводить учет работы, умение вооружать методами организаторской работы и своевременно передавать организаторские функции.

Основное условие успеха в работе учителя – его организаторские способности, представляющие собой следующий компонент организаторской компетенции.

Способности – индивидуальные особенности личности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности. Способности не сводятся к имеющимся у индивида знаниям, умениям, навыкам. Они обнаруживаются в быстроте, глубине и прочности овладения способами и приемами некоторой деятельности и являются внутренними психическими регулятивами, обуславливающими возможность их приобретения [1, 346].

Впервые понятие «способности» ввел в науку Платон. Он считал, что человек рождается с уже готовыми способностями и в дальнейшем изменить их не может. Современная наука считает, что способности человека не являются врожденными. Ребенок рождается с задатками, которые и являются природными предпосылками развития способностей.

Отечественные исследователи выделили набор педагогических способностей, которыми должен обладать учитель. Так, Н. Д. Левитов выделяет в качестве основных способность к передаче детям знаний в краткой и интересной форме; способность понимать учеников, базирующуюся на наблюдательности; самостоятельный и творческий склад мышления; находчивость или быструю и точную ориентировку; организаторские способности, необходимые как для обеспечения работы самого учителя, так и для создания хорошего ученического коллектива. В наиболее обобщенном виде педагогические способности были выделены В. А. Крутецким: дидактические, академические, перцептивные, речевые, организаторские, авторитарные, коммуникативные; педагогическое воображение (или прогностические способности); способность к распределению внимания одновременно между несколькими видами деятельности [4, 294].

Как видно из приведенных определений, педагогические способности включают многие личностные качества и раскрываются через определенные действия, умения. При этом есть умения, которые включаются в содержание нескольких способностей. Например, входящее в дидактическую способность умение организовывать самостоятельную работу учащихся есть, по сути, умение организовать работу других, которое входит в организаторскую способность.

Организаторские способности, по мнению В. А. Крутецкого, – это, во-первых, способность организовать ученический коллектив, сплотить его, воодушевить на решение важных задач и, во-вторых, способность правильно организовать свою собственную работу. Органи-

зация собственной работы предполагает умение правильно планировать и самому контролировать ее. У опытных учителей вырабатывается своеобразное чувство времени – умение правильно распределять работу во времени, укладываться в намеченные сроки.

Многие ученые обращаются к вопросу формирования организаторских умений и способностей. Например, А. С. Макаренко подчеркивал, что умения можно сформировать и что ими может овладеть каждый. Он считал, что педагогические работники должны быть вооружены необходимыми организаторскими умениями и навыками.

Анализ сущности и структуры организаторской компетенции позволяет нам выделить следующие условия ее формирования:

- формирование мотивации к овладению организаторской компетенцией (мотивация необходима для того, чтобы сформировать потребность студентов в овладении знаниями и умениями организаторской деятельности);
- организация семинаров и тренингов для обучения студенческого актива;
- последовательное вовлечение студентов в разнообразную деятельность, связанную с подготовкой и проведением мероприятий культурно-досуговой направленности;
- организация взаимообучения и взаимодействия старшекурсников и студентов младших курсов;
- мониторинг уровня сформированности организаторской компетенции студентов.

Рассмотрим названные условия.

Формирование у студентов мотивации к овладению организаторской компетенцией необходимо осуществлять с первого курса, буквально с первых дней обучения в вузе. С этой целью первокурсники вовлекаются в подготовку и проведение таких мероприятий как День Знаний, Посвящение в студенты, Школа актива, творческий конкурс первокурсников «Перловка». В результате у студентов появляется интерес к овладению знаниями, необходимыми для организаторской деятельности.

Передача студентам знаний сущности, содержания и технологии организаторской деятельности, представляющая собой второе условие формирования организаторской компетенции у студентов, осуществляется путем организации Школы студенческого актива. По форме такая школа – это выездной трехдневный семинар для первокурсников, проявивших наибольшую активность. Участие в тренингах, деловых и ролевых играх позволяет студентам развивать творческие, коммуникативные и, конечно же, организаторские способности, овладевать организаторскими умениями. Они изучают теорию организации мероприятий на примере подготовки творческого конкурса «Перловка».

Формирование знаний – достаточно сложный процесс, так как одни знания остаются на уровне информации, другие выступают основой для формирования умений. Важно, чтобы студенты владели системой методологических знаний и категорий с тем, чтобы они могли самостоятельно добывать новые знания.

Формирование организаторской компетенции лежит в области практической деятельности. Соответственно следующим условием решения проблемы является вовлечение студентов в подготовку и проведение в вузе мероприятий культурно-досуговой направленности. Участие в такой деятельности способствует общему развитию будущих педагогов и формированию профессионально-прикладных умений, необходимых для организации внеклассной воспитательной работы с учащимися.

Во многих педагогических вузах организацию культурно-досуговой деятельности осуществляет студенческий клуб. Мы можем сказать, что студенческий клуб создает условия для целенаправленного формирования организаторской компетенции.

Студенческий клуб был организован в Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева в мае 1984 года с целью создания условий для самореализации личности каждого студента, выявления (диагностики) и развития его творческих возможностей. Изначально основным направлением его деятельности являлось развитие художественной самостоятельности студентов. В 80-х годах было сильно развито движение агитбригад, которые активно проявляли себя в шефской помощи образовательным учреждениям. В настоящее время студенческий клуб – центр организации культурно-досуговой деятельности в университете.

Решение задачи формирования у студентов педагогического вуза организаторской компетенции потребовало построения работы студенческого клуба по следующим направлениям: координирование культурно-досуговой деятельности на факультетах, организация общеуниверситетских мероприятий, осуществление взаимосвязи с государственными, общественными и другими организациями.

Первое мероприятие первокурсников – это творческий конкурс «Перловка». Основной идеей мероприятия является развитие умений творческой и организаторской деятельности, помощь первокурснику в адаптации к студенческой среде, налаживании новых личных и общественных контактов, самоутверждении и понимании значимости индивидуального творчества в общеуниверситетском студенческом движении. В соответствии с общей концепцией мероприятия определены цели и задачи конкурса: создание условий для реализации инициативы студентов первого курса; формирование студенческого актива первокурсников; развитие эстетического и художественного вкуса у студентов педагогического университета; привитие уважения, интереса к профессии учителя, традициям факультетов и педуниверситета в целом.

Подготовка и участие в конкурсе включают в себя множество направлений деятельности, в которых у студентов развиваются организаторские умения. Им необходимо подготовить творческое представление на 15 минут, которое должно включать номера по различным жанрам искусства. Студенты продумывают общую режиссерскую концепцию, пишут сценарий, изготавливают костюмы и бутафорию, работают с музыкальными фонограммами, много репетируют. Все это требует от них большой организованности и согласованности действий. Для повышения качества представления за 2 дня до конкурса проводится редакция выступлений команд. Анализ результатов проведения конкурсов показал, что наиболее качественные и интересные выступления создают те команды, которые лучше организованы. Именно такие команды и становятся победителями.

Необходимо отметить, что студенческий клуб в силу своей специфики не может охватить всех студентов вуза. Поэтому важной задачей было выявление студентов, у которых есть большие потребности в самореализации, самоутверждении, потребности в лидерстве, управлении, определенные задатки к организаторской деятельности. Такие лидеры становились культоргами, т. е. организаторами мероприятий культурно-досуговой деятельности на факультете. Совет культоргов всех факультетов вуза входит в студенческий клуб и является главным органом студенческого самоуправления. С этими студентами осуществляется тесная работа в разных формах: собрания, выездные школы актива, семинары по организации мероприятий культурно-досуговой деятельности, мастер-классы с привлечением специалистов искусства. На собраниях и семинарах обсу-

даются предстоящие мероприятия и разрабатываются планы их подготовки, изучается методика проведения, осуществляется редактирование материалов выступлений факультетов. На занятиях выездных школ студенческого актива проводятся консультации и мастер-классы, просматриваются видеоматериалы выступлений студентов других регионов.

Полученным материалом культторги делятся со студентами своих факультетов. Далее эти знания закрепляются на практике, в процессе подготовки и участия в мероприятиях. Так формируются навыки организаторской деятельности не только у активистов, но и у других студентов. Можно сказать, что студенческий клуб работает со всеми студентами методом параллельного действия.

На протяжении пяти лет студенты принимают участие во множестве мероприятий: игры КВН, вечера отдыха, посвященные разнообразным событиям («День рождения ЧГПУ», «Осенний бал», «Посвящение в студенты», конкурсы «Перловка», агитбригад, фестиваль «Студенческая весна») и др. Многие из этих мероприятий стали традиционными и проводятся ежегодно. При подготовке к таким мероприятиям на факультетах формируются творческие коллективы, которые представляют университет на межвузовских, городских, республиканских, всероссийских, международных фестивалях студенческого творчества.

Резюме. Проводимая таким образом работа позволяет эффективно формировать организаторскую компетенцию у будущих учителей. Сравнение результатов исходного и итогового замеров показало рост уровня сформированности организаторской компетенции по всем ее компонентам (знания, умения, способности и т. д.) у студентов, принимавших участие в экспериментальном исследовании. Это позволяет говорить об эффективности деятельности студенческого клуба в совершенствовании профессиональной подготовки будущих учителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большая советская энциклопедия* : в 30 т. Т. 24 / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энциклопедия, 1976. – 608 с.
2. *Коджаспирова, Г. М.* Педагогический словарь: для высш. и сред. пед. учеб. завед. / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М. : Академия, 2000. – 176 с.
3. *Красовский, Б. Д.* Формирование руководителя нового типа / Б. Д. Красовский // Проблемы теории и практики управления. – М., 1992. – № 6. – 120 с.
4. *Крутецкий, В. А.* Психология обучения и воспитания школьников / В. А. Крутецкий. – М., 1976. – С. 294–299.
5. *Кузьмина, Н. В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н. В. Кузьмина. – М. : Высшая школа, 1990. – 119 с.
6. *Лузина, Л. М.* Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания / Л. М. Лузина. – М. : Сфера, 2004. – 160 с.
7. *Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа».* – 2010. – 6 с.
8. *Неймер, Ю. Л.* Психологический словарь / Ю. Л. Неймер. – Ростов н/Д. : Феникс, 2003. – 640 с.
9. *Словарь-справочник по педагогике* / авт.-сост. В. А. Мижеринов ; под общ. ред. П. И. Пидкасистого. – М. : ТЦ Сфера, 2004. – 151 с.
10. *Словарь современных иностранных слов*: ок. 20 000 слов. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – 742 с.
11. *Станкин, М. Н.* Профессиональные способности педагога. Акмеология воспитания и обучения : учебное пособие / М. Н. Станкин. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Флинта, 1998. – 368 с.
12. *Тюптя, О. В.* Формирование психологической готовности к социальной профессиональной деятельности (на примере специальности «Социальный педагог») : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О. В. Тюптя. – Киев, 1999. – 252 с.
13. *Ушаков, Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-принт, 2005. – 1239 с.
14. *Ценч, Ю. С.* Развитие организаторской компетенции преподавателей в учреждениях среднего профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Ю. С. Ценч. – Челябинск, 2006. – 156 с.

УДК 769.2(470.344+470.343+470.41)

**ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ИСКУССТВЕ ЧУВАШСКОЙ, ТАТАРСКОЙ И МАРИЙСКОЙ КНИГИ**

**ETHNIC PECULIARITY AS THE NATIONAL COMPONENT
IN THE CHUVASH, TATAR AND MARI BOOK ART**

И. В. Тургай

I. V. Turgai

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Взаимовлияние чувашской, татарской и марийской культур, обусловленное географическим соседством и общими корнями, наложило определенный отпечаток на развитие изобразительного искусства в регионе. В статье рассматривается проблема этнического своеобра- зия в искусстве национальной книги, так как именно этот компонент наиболее ярко и полно отра- жает эстетические особенности, присущие тому или иному народу.

Abstract. The interaction of the Chuvash, Tatar and Mari cultures caused by the geographical neighborhood and common roots, has influenced fine arts development in the region. In the article the problem of an ethnic peculiarity of national literature is considered as this component reflects aesthetic features inherent to this or that nation most vividly and completely.

Ключевые слова: *искусство книги, Чувашия, Татарстан, Марий Эл, национальный компо- нент, этническое своеобразие.*

Keywords: *book Art, Chuvashia, Tatarstan, Mari-El, a national component, ethnic peculiarity.*

Актуальность исследуемой проблемы. Искусство книги достаточно изучено спе- циалистами в регионе, но без постановки вопроса о национальном своеобразии и деталь- ного изучения процессов взаимопроникновения некоторых художественных и техниче- ских средств и приемов, выработанных художниками соседних республик. Через поста- новку проблемы национального можно более детально рассмотреть общие черты и раз- личия в книжной графике Чувашии, Татарстана и Марий Эл. Искусство книги наглядно демонстрирует как общие черты в творческих подходах к раскрытию национальных тем и образов, так и этническое своеобразие каждой нации.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили соб- ранные в музеях, архивах и библиотеках городов Чебоксары, Казани и Йошкар-Олы из- дания, оформленные художниками в национальном стиле. Основным методом исследо- вания является сравнение и сопоставление приемов художественного оформления чу- вашских, татарских и марийских книг, выявление в них общих черт и различий.

Результаты исследований и их обсуждение. Национальный компонент в изобра- зительном искусстве принято рассматривать как цельное понятие, характеризующее уни- кальность того или иного народа. Комплексное исследование книжной графики в трех соседних республиках со схожими или общими корнями и многовековым культурным взаимодействием позволяет сопоставить их национальные школы. Своеобразие народов

России определяет духовное богатство и культурное наследие страны. С. М. Червонная отмечала, что «... при изучении современного искусства одной республики методологически необходимо внимательное прослеживание всех контактов и связей с другими республиками, в которых она оказалась на данном этапе и значение которых, может быть, скажется впоследствии» [5, 38].

Разделение общей проблемы национального на составные части (этническое своеобразие как национальный компонент в искусстве книги, композиционные приемы, определяющие национальный характер книжной графики, проявление станковой формы, реализм и стилизация, оформление национальной классики, детская иллюстрация, анималистический жанр, современные тенденции в книжной графике конца XX – начала XXI века) позволяет полнее продемонстрировать национальный компонент, раскрыть богатую гамму художественных средств и приемов, используемых художниками при создании книги. В данной статье предлагается рассмотреть проблему этнического своеобразия в искусстве национальной книги, так как при исследовании и критике художественного оформления изданий именно этот компонент привлекает особое внимание и наиболее полно отражает эстетические особенности, присущие тому или иному народу. «Проблема становления национальной культуры не сводится только к национальному своеобразию. Она включает в себя множество аспектов отражения жизни, и чем шире эти аспекты, тем нормальнее идет ее становление. Но среди вопросов, которые при этом возникают, – вопрос национального своеобразия, особенностей культуры, отличающих ее от других культур, приобретает, как правило, на первом этапе ее развития особую остроту» [3, 171].

В разные этапы развития книжного оформления проблема национального требовала новых решений, переосмысливания в контексте меняющегося искусства, что держало художников в творческом тоне. С. М. Червонная считает, что национальное своеобразие состоит из четырех признаков: языка, расово-этнического типа, географического фактора и историко-культурных традиций [5, 24–28]. Проанализировав художественное оформление изданий в республиках Среднего Поволжья, выделим основные приемы, способствующие привнесению в них этнического колорита: отражение народного быта и уклада жизни (сюда же отнесем традиционный костюм и пейзажные мотивы), использование элементов и форм декоративно-прикладного искусства, а также символов и цветовых сочетаний, поиски характерных национальных типажей и т. п.

Отражение особенностей *повседневного быта* родного народа занимало важнейшее место в иллюстрациях, особенно в первой половине XX века. Этому периоду характерен возросший интерес к народным традициям, культуре, религии. Раскрывая красоту и ценность собственного наследия, оценивая ее по-новому, татарские, марийские и чувашские художники пытались запечатлеть привычный уклад жизни на страницах первых изданий. Бурный расцвет национальной литературы способствовал этому, являясь одним из основных факторов зарождения и развития национального компонента в книжной графике: в Чувашии оформляются произведения И. Я. Яковлева и К. В. Иванова, в Татарии – стихи и сказки Г. М. Тукая, в Марий Эл – рассказы М. Шкетана (Я. П. Майорова). Так как сюжеты литературных произведений происходили в деревне, то подавляющее большинство иллюстраторов изображали сельские строения, повседневную жизнь и простой быт крестьян, внутреннее убранство жилищ, праздничные обряды: «Как мужик лошадь искал» И. Я. Яковлева (худ. М. А. Ильин, 1955), «Изий» А. Юзыкайна (А. М. Михайлова) (худ. Н. Е. Ефарицкая, 1987), «Водяная» Г. М. Тукай (худ. Ф. А. Аминов, 1978). Отражение

уклада жизни каждого народа включает в себя как повседневные, так и праздничные моменты. Частыми сюжетами иллюстраций становятся крестьянский труд на пашне или в хозяйстве, а также свадебные обряды и т. д. Этот прием внедрения национального колорита встречается в оформлении изданий всех народов.

Во все этапы развития книжной графики идеальным средством создания национального колорита являлся *костюм народов Поволжья*. Он, прежде всего, выражал те эстетические особенности, которые отличают татарское, чувашское и марийское искусство в традиционном виде. Составляющие элементы национальных костюмов (вышивки, украшения, головные уборы и др.) отражали мировоззрение народа, зашифрованные в символических изображениях. Особенно это проявилось у чувашей и марийцев, которые в геометрическую вышивку вплетали знания о космосе, представления о происхождении жизни, то есть религиозные послания. Если в первых изданиях костюм изображался таким, каким являлся в действительности, то в период расцвета книжной графики и переосмысления сути иллюстративного материала он часто стилизовался в сторону минимализма (основные элементы обозначались, незначительные – устранялись). Этот прием оправдывал себя в редких случаях.

Широко применяются в книжной графике различные *элементы и формы народного искусства*. Вышивка, ткачество, бисероплетение, резьба и зодчество, а в Татарстане еще и ювелирное искусство, и каллиграфия как носители этнической самобытности активно использовались художниками в работе над книгой, особенно над ее декоративным оформлением: буквицами, планками, заставками и концовками, нумерациями страниц и т. п. Вплетая элементы народного декоративно-прикладного искусства в художественную составляющую изданий, графики достигают особой выразительности в своих произведениях, усиливают звучание национального колорита. Использование элементов народного искусства – самый простой и в то же время яркий способ для придания национального колорита. Он привносит в художественную внешность и во внутреннее убранство книги особую красоту, нарядность и оригинальность. «Чувашское народное искусство – вышивка, ткачество, резьба по дереву – в первооснове своей тоже линейны, орнаментальны, плоскостны. И поэтому, наверное, скорее линейное, а не объемное восприятие объекта изображения ближе к духу национальной культуры» [1, 13]. С этим мнением соглашается и марийский искусствовед А. А. Зенкин: «... даже поверхностный художественно-стилистический анализ графических произведений подтверждает, что между традиционной резьбой по дереву, узорочиями вышивок и многоцветием книжных иллюстраций есть много общего» [2, 89]. В татарской книжной графике иногда за основу рисунка берут каллиграфию или ювелирное искусство, которое выражается в пластичности изящных линий неравномерной толщины и с завитками. Помимо оформительских деталей элементы вышивки или резьбы применяются в иллюстрациях, что значительно обогащает внутреннее содержание и эстетическое качество книги. В последние годы в книжной графике происходит множество экспериментов, таких как использование ручной вышивки на обложке (И. В. Иванов «Песня – цветок жизни», художник неизвестен, 2006) или стилизация изображения под вышивку или ткачество (К. В. Иванов «Нарспи», художник П. Вити (В. П. Петров), 2008).

Неотъемлемой частью многих иллюстраций является *родной пейзаж*. В книжной графике природные мотивы занимают особое место, так как одновременно могут служить фоном, создавать определенный настрой (лирический, солнечный, беззаботный, угрюмый, мрачный), а в некоторых случаях пейзаж может стать главным героем иллюстрации.

Марийский край с густыми хвойными лесами сильно отличается от соседних республик, ландшафт которых состоит из множества холмов, полей и оврагов. В качестве примеров, подтверждающих этот факт, могут служить иллюстрации Р. Я. Янгильдина к роману «Эренгер» М. Шкетана (1975) и «Марийским народным сказкам» (худ. А. А. Бакулевский, 1985). Отдельные фрагменты природы, изображения цветов, деревьев и пр. часто служат элементами оформления (заставками, концовками, украшением буквиц). Это лишь простейшее использование художниками природных мотивов в работе. Е. А. Зингер считала, что «... в свойственных разным народам особенностях образно-пластического мышления значительное место принадлежит пространственно-временным представлениям, которые складываются в народной психике под влиянием окружающей среды, не только общественной, но и природной» [3, 88]. Именно природное начало влияет на формирование у народа первейшего ощущения красоты и эстетики, чувства ритма, пространства, колорита. Мастера национальной книги научились использовать эти особенности.

Цвет также имеет важное значение в выражении национального. Традиционные цвета (у чувашей и марийцев – красный, черный, желтый; у татар – зеленый, голубой, изумрудный) определяют колористическое решение обложки, иллюстраций и всего издания в целом: «Избранные стихи» Г. М. Тукая (художник неизвестен, 1938), «Сказки» К. В. Иванова (худ. Ф. П. Осипов, 1954), «Богатырь из теста» С. И. Ибатова (худ. З. Ф. Лаврентьев, 1976), «Муравьиная свадьба» П. Першута (П. Г. Першуткина) (худ. З. Ф. Лаврентьев, 1984). Подчас цветовое решение диктует художнику выбор материала. От этого зависит манера – живописность или декоративность, стилизация или реалистичность изображения.

Использование *символов и знаков* в книжной графике, как правило, берет свое начало в народной вышивке, ткачестве и религии. У чувашского народа, к примеру, наиболее распространенными символами являлись квадраты и ромбы, символизирующие солнце. Помимо этого, на старинных вышивках часто можно встретить обозначения священного дерева (киремель), огня, воды, домашней скотины, птиц. Популярным символом у художников всех национальностей является изображение цветка или ростка. В оформлении татарских книг часто встречаются формы круга, полумесяца, звезд – астральных исламских символов («Золотой петушок» Г. М. Тукая (1908), «Али-баба и сорок разбойников» (1909), художник неизвестен). Эволюция этого способа привела к тому, что, начиная с 1970-х годов, иллюстраторы стали тяготеть к символической трактовке целого произведения. «Если в 50-х – первой половине 60-х гг. художники в своем творчестве пользовались в основном приемом прямого изображения, то сегодня в их работах ярко выступают метафоричность, символ, аллегория и многие другие изобразительные средства» [4, 3]. Использование схожих символов (ромб – солнце, зигзаг – вода и пр.) и одинаковых цветовых сочетаний (белый, красный, черный + дополнительные цвета) роднят черты оформления чувашских и марийских книг.

Вышеперечисленные способы внедрения национального колорита в книжное оформление будут казаться поверхностными, если художник не сможет изобразить персонаж с присущими тому или иному народу *чертами лица*. «Заостренное внимание на особенностях этнического своеобразия лиц изображаемых персонажей характерно для творчества многих художников, активно использующих именно этот компонент художественной формы для раскрытия национального характера, что особенно заметно при подчеркнутой нейтральности современного костюма и окружающей человека бытовой обстановки» [5, 155]. Тюркское происхождение татар и чувашей определило несколько своеобразную внешность: выраженные

скулы, узкий разрез глаз. Финно-угорские корни марийцев сформировали европеоидные черты лица, соседство с тюркскими народами также оставило свой след. Поиск национального типажа – наиболее сложный процесс в создании всего художественного строя книги, так как требует от художника большого мастерства и опыта. Настоящим произведением национального искусства становится та книга, в оформлении которой элементы традиционной культуры находятся в гармоничном единстве и полностью раскрыт образ главного героя – чуваша, марийца или татарина. («С песней по жизни» А. Айзенворта (А. К. Деревяшкин) (худ. Ал. Палуев-Палай, 1950), «Леший» М. Ф. Федорова (худ. Ф. П. Осипов, 1955), «В стране смельчаков» А. С. Файзи (худ. Т. Г. Хазиахметов, 1980).

Грамотное использование обозначенных методов в искусстве книги позволяет мастерам полнее раскрыть суть литературного произведения, придать этническую самобытность и воплотить авторскую интерпретацию в художественном оформлении. Для достижения этих целей от графика требуются не только профессиональное художественное образование и талант, но и знания культуры, истории, традиций родного народа. Поэтому наибольших успехов в этом направлении достигли художники, которые родились и сформировались как личности в определенной республике, обрели национальное самосознание и овладели необходимыми навыками, знаниями и талантом.

Этническое своеобразие в книжной графике существенно обогащает национальное изобразительное искусство. Однако в тех случаях, когда иллюстратор ограничивается лишь этим приемом, считая его достаточным для воплощения художественного замысла, он лишает свое произведение истинно национального колорита, которое не сводится лишь к изображению атрибутов старины, народных традиций и т. п. «Там, где нарушается чувство меры, где этнографизм начинает претендовать на исключительную монополию или ведущую роль в развитии национальной культуры, происходит существенный перекося истины, начинается опасный крен в сторону этнографической, а вслед за нею и националистической ограниченности в искусстве» [5, 204]. Напомним, что этническое своеобразие мы рассматривали как часть общей проблемы национального, суть которой значительно шире и включает в себя особенности мировоззрения, философию как целой нации, так и художника отдельно, его индивидуальной манеры исполнения, а также общих тенденций, протекающих в национальном и мировом искусстве, и многие другие факторы.

Резюме. Отражение особенностей уклада жизни народа (традиции, повседневный быт, окружающая природная среда, пейзаж), костюма, элементов и форм народного искусства, использование символов, знаков и определенных цветов, а также национальный типаж формируют этническое своеобразие в искусстве национальной книги Чувашии, Татарстана и Марий Эл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронов, Н. В. Изобразительное искусство Советской Чувашии. Альбом / Н. В. Воронов, А. А. Трофимов. – М. : Советский художник, 1980. – 222 с. : ил.
2. Зенкин, А. А. Азбуки Зосима Лаврентьева / А. А. Зенкин // Проблемы творчества художников Марийской АССР на современном этапе : сб. статей. Вып. 8. – Йошкар-Ола : МНИИ, 1989. – С. 98–109.
3. Зингер, Е. А. Проблемы интернационального развития советского искусства / Е. А. Зингер. – М. : Советский художник, 1977. – 269 с.
4. Трофимов, А. А. Художественные приемы в современном чувашском изобразительном искусстве / А. А. Трофимов // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Труды. Вып. 107. – Чебоксары : ЧНИИ, 1981. – 166 с.
5. Червонная, С. М. Взаимодействие художественных культур народов СССР / С. М. Червонная. – М. : Изобразительное искусство, 1982. – 320 с. : ил.

УДК 371. 033: 37. 017. 925

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

FOLK TRADITIONS AS A FACTOR OF FORMATION OF THE ECOLOGICAL CULTURE OF THE INDIVIDUAL

Е. Г. Шаронова

E. G. Sharonova

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Изучение и внедрение в учебно-воспитательную деятельность различных образовательных учреждений народных экологических традиций позволит повысить эффективность формирования экологической культуры личности.

Abstract. The study and application of folk ecological traditions in educational activity of different educational institutions will allow to increase efficiency of the ecological culture formation.

Ключевые слова: *народная педагогика, экологические традиции, экологическая культура.*

Keywords: *national pedagogics, ecological traditions, ecological culture.*

Актуальность исследуемой проблемы. На протяжении многих веков народная педагогика разрабатывала систему обучения и воспитания детей, подростков и молодежи. Эта система, апробированная и укорененная многими поколениями, представляла собой многогранное, пестрое, сложное, противоречивое целое, обеспечивающее формирование у подрастающего поколения жизненно необходимых качеств: овладение трудовыми навыками, знаниями об окружающем мире, человеке, обучение рациональному взаимодействию с окружающей его природной средой. Народная педагогика – это совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх, игрушках [2]. Прослеживая воздействие основ народной педагогики на формирование личности, в соответствии с проблемой нашего исследования, необходимо обратиться к понятию «экологическая культура». На сегодня существует достаточно много подходов к его определению. Анализ показывает, что большинство авторов определяет экологическую культуру как часть общей культуры личности. По И. Т. Суравегиной, экологическая культура – это «система знаний и умений, ценностных ориентаций в области науки, искусства, верований, обычаев, традиций, активной деятельности по сохранению и улучшению окружающей среды» [5].

Экологическая культура немыслима вне исторически сложившихся традиций народа в отношении к природе, поэтому в ее формировании огромна роль народной педагогики. Народная педагогика рассматривает формирование экологической культуры как порождение в детях чувства доброго, милосердного, гуманного отношения к окружающей их среде, осознание себя частью природы, убеждение в необходимости рационального природопользования.

Научные подходы к воспитанию на народных традициях были разработаны К. Д. Ушинским, В. А. Сухомлинским, С. Т. Шацким. Важность использования средств народной педагогики в решении экологических задач раскрывается в исследованиях Т. Н. Петровой, Н. С. Ивановой, С. П. Фоминой; значение народных традиций и поверий в природоохранной пропаганде были изучены В. П. Налимовым, В. Е. Борейко, Г. Н. Молодон; о роли традиций в природоохранном движении писали Н. Б. Дуденко, В. И. Скутина; использование опыта народной экологии изучали М. П. Шилов, Д. О. Шеппинг; влияние религиозных обрядов на экологическое образование исследовали Б. А. Рыбаков, А. И. Рыжиков. Научную и педагогическую ценность имеют труды по народной педагогике академика Г. Н. Волкова, особый интерес представляют работы чувашского педагога-просветителя С. М. Михайлова по исследованию и распространению памятников народной педагогики, просветительская деятельность И. Я. Яковлева.

Г. Н. Волков писал: «Только в местной национальной этнической культуре отражен опыт взаимодействия народа со своей экосистемой – экологический опыт. Поэтому только национальная культура делает человека рачительным хозяином на своей земле» [2]. Сегодня существует противоречие между богатым этноэкологическим опытом и недооценкой его использования в образовательном процессе. В период технократического воздействия на природу и прагматичного к ней отношения необходимо пересмотреть народные традиции, которые требуют своего тщательного изучения, особенно с точки зрения применения их в экологическом воспитании всех слоев населения. Формирование экологической культуры тесно связано с усвоением учащимися знаний о природе, отраженных в этнопедагогическом наследии народа, а также овладением практическими умениями и навыками, выработанными в народной педагогике в течение многих лет [1]. В педагогической литературе существует ряд определений термина «традиции», который характеризуется как «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиций выступают определенные нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды» [4]. Если говорить об экологических традициях, то это элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и побуждающие человека к практическому действию по охране природы.

Материалы и методика исследований. Была проанализирована научная литература по вопросам экологического образования на основе народных традиций, а также проведен опрос студентов 4 курсов Чувашского государственного университета им. И. Я. Яковлева и Чебоксарского филиала Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова.

Результаты исследований и их обсуждение. Для сравнения были взяты студенты (60 человек) разных факультетов: естествознания и дизайна среды, юридического и психолого-педагогического. Прежде всего, нами была проведена диагностика уровня сформированности экологической культуры у студентов [3] и анализ знаний по этнопедагогике. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные данные уровня экологической культуры студентов

Факультет	Кол-во студентов	Уровень экологической культуры (%)			Знание основ этнопедагогики (ср. балл из 100)
		низкий	средний	высокий	
Естествознания и дизайна среды	20	20	55	25	66
Юридический	20	65	35	–	–
Психолого–педагогический	20	40	50	10	72

Для изучения знаний студентов по вопросам этноэкологии мы предложили им ряд заданий, связанных с народными традициями, поверьями, народным фольклором, религиозными воззрениями на природу:

1. Дайте определение понятию «этноэкология».
2. Назовите чувашских поэтов и писателей, чьи произведения посвящены природе.
3. Назовите художников Чувашии, в творчестве которых отражена красота родной природы.
4. Назовите религиозные воззрения чувашей на природу.
5. Назовите чувашские пословицы и поговорки о природе.
6. Назовите народные чувашские праздники, связанные с природой и ее охраной.
7. Назовите народные чувашские приметы.
8. Назовите народные традиции природоохранного значения.
9. Назовите почитаемых чувашами животных и растения.
10. Назовите произведения устного народного творчества чувашей, посвященных природе.

В таблице 2 представлены результаты ответов на поставленные вопросы (%).

Таблица 2

Результаты ответов студентов разных факультетов на вопросы по этноэкологии (количество человек, сумевших ответить на вопросы, %)

№ вопросов	Факультет		
	Естествознания и дизайна среды	Психолого-педагогический	Юридический
1.	100	84	62
2.	26	12	8
3.	14	16	4
4.	6	3	3
5.	32	24	10
6.	28	19	12
7.	34	26	5
8.	26	28	11
9.	29	14	10
10.	45	32	26
Средний	34	25	15,1

Проведенный опрос студентов разных факультетов позволил нам сделать следующие выводы:

1. Для студентов факультета естествознания и дизайна среды характерен высокий (27 %) и средний (55 %) уровень экологической культуры, что выше, чем у других факультетов. Это объяснимо, так как предметы биологического цикла являются основой их учебного процесса. На втором месте по уровню экологической культуры находится психолого-педагогический факультет – средний уровень 50 %; на 3 месте – юридический факультет – 35 % студентов имеют средний уровень и 65 % – низкий уровень экологической культуры.

2. Исследование знаний основ этнопедагогике у студентов факультета естествознания и дизайна среды и психолого-педагогического факультета практически одинаково – 66 % и 72 % соответственно, что объясняется достаточным уровнем преподавания дисциплины специалистами. В учебную программу юридического факультета вышеуказанный курс не включен.

3. Знание основ этноэкологии распределилось следующим образом: факультет естествознания и дизайна среды – 34 %, психолого-педагогический – 25,8 %, юридический факультет – 15,1 %. Результаты показывают недостаточный уровень этноэкологических знаний у студентов.

4. Формирование экологической культуры личности будет более эффективным при использовании в учебно-воспитательном процессе народных экологических традиций.

5. Для формирования экологических компетенций студентов необходимо ввести в учебный план спецкурс «Экологическая культура», где одним из разделов будет «Этноэкологические основы формирования личности». Данный спецкурс предусматривается учебным планом ЧФ «МГГУ имени М. А. Шолохова» на психолого-педагогическом и юридическом факультетах.

6. В программу данного спецкурса следует включить следующие темы раздела «Этноэкологические основы формирования личности» (таблица 3):

Таблица 3

Темы раздела спецкурса «Экологическая культура»

№ п/п	Тема	Форма занятия	Количество часов
1.	Этноэкология. Основные понятия и терминология	лекция	2
2.	Религиозные экологические традиции Чувашские боги – хранители природы. Религиозные обряды чуваш и использование в них растений и животных	лекция	2
3.	Народные чувашские приметы	практическая часть	2
4.	Использование природных объектов в геральдике. Герб Чувашской Республики.	лекция	2
5.	Топонимика Чувашии и природа	практическая часть	2
6.	Поверья, предрассудки, пословицы и поговорки, предания чувашей, связанные с природой	лекция практическая часть	4

окончание таблицы

7.	Природа в произведениях чувашских композиторов, художников, поэтов, писателей	лекция практическая часть экскурсия	6
8.	Отношение чувашского народа к воде, и ее использование в обрядах, пословицы и поговорки о воде	лекция	2
9.	Отношение чувашей к земле. Земледельческие праздники и обряды	лекция	2
10.	Отношение чувашей к растениям. Использование растений в обрядах. Растения-символы. Растения в чувашском фольклоре, сказках, преданиях, пословицах и поговорках	лекция практическая часть экскурсия	6
11.	Отношение чувашей к животным. Священные животные Чувашии. Использование животных в обрядах. Животные в фольклоре, сказках, пословицах и поговорках, преданиях	лекция практическая часть экскурсия	6
ИТОГО			36 часов

Резюме. Мы считаем, что на всех уровнях развития личности необходимо разъяснять моральные нормы и правила поведения в природе, изучать и распространять народные экологические традиции, поощрять позитивное и пресекать негативное по отношению к окружающей нас природной среде. Высшее профессиональное образование должно взять на себя основную функцию, но для этого необходима целенаправленная работа по подготовке студентов в области этноэкологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боре́йко, В. Е. Пути и методы природоохранной пропаганды / В. Е. Боре́йко. – Киев, 1996. – 208 с.
2. Волков, Г. Н. Педагогика любви. Избранные этнопедагогические сочинения : в 2 т. Т 2 / Г. Н. Волков. – М. : Изд. Дом Магистр-Пресс, 2002. – 460 с.
3. Емельянова, М. В. Диагностика экологической культуры студентов / М. В. Емельянова, Р. К. Репина, Е. Г. Шаронова. – Чебоксары : Чув. гос. пед. ун-т, 2009. – 106 с.
4. Скутина, В. Е. Народные природоохранные традиции как продукт исторического развития / В. Е. Скутина // Неформальное экологическое образование детей. – Киев ; Н. Новгород : Просвещение, 1994. – С. 46–49.
5. Суравегина, И. Т. Теория и практика ответственного отношения к природе в процессе обучения биологии : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1986. – 216 с.

УДК [37.01(470.344)(092)+39]

**Н. И. ИЛЬМИНСКИЙ О СБЛИЖЕНИИ «ИНОРОДЦЕВ»
С РУССКИМ НАРОДОМ**

**N. I. ILMINSKY ABOUT THE CONVERGENCE
OF «NON – RUSSIANS» WITH RUSSIAN PEOPLE**

Г. А. Яковлев

G. A. Yakovlev

*ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Россия – полиэтническая страна. В прошлом в ней малые народы назывались инородцами. В статье речь идет об отношении просветителя, русского ученого Н. И. Ильминского к этим народам, о перспективах их сближения с русским народом.

Abstract. Russia is a multiethnic country. In the past its ethnic minority used to be called «non – Russians». The article tells about the educator N. I. Ilminsky's attitude to these nationalities and prospects of their convergence with the Russian nation.

Ключевые слова: *сближение народов, родной язык, учительская семинария, разработка письменности, просветители, отношение, взаимоотношение.*

Keywords: *convergence of nations, mother tongue, teacher training seminary, creation of written language, educators, attitude, interrelation.*

Актуальность исследуемой проблемы. Взаимоотношение народов, его влияние на процессы их развития прошли длительный путь. В статье показано отношение Николая Ивановича Ильминского к малым народам, особенно тюркского племени, их языку по положению в государстве и его роль в их сближении с русским народом. Именно вокруг инородцев сосредоточились главные жизненные интересы Н. И. Ильминского, ученые и общественные.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили литературные источники конца XIX – начала XX в. В ходе работы применены аналитический и историко-типологический методы исследований.

Результаты исследований и их обсуждение. Россия – издревле полиэтническая страна, в которой живут многочисленный русский и малые народы. Последние находились главным образом в восточной части государства, назывались в XIX – начале XX века инородцами (так именовались нерусские народы России). Особо теплые отношения к ним проявлял русский ученый Н. И. Ильминский.

Ильминский Николай Иванович родился в 1821 году в г. Пензе в семье священника. Окончил Пензенскую семинарию, поступил в Казанскую духовную академию. Принялся за изучение арабского и татарского языков. При этом у него обнаружились выдающиеся успехи, и он был оставлен при академии бакалавром восточных языков.

Стал одаренным ученым-ориенталистом, прекрасным знатоком истории народов Поволжья и стран Востока. Он основательно изучил миссионерскую деятельность в России и странах Востока. На основе своих знаний он отвергает насильственные методы христианизации. С учетом интересов нерусских народов к получению образования, культуре он считал необходимым использовать это стремление в процессе их христианизации. По его мнению, сближение инородцев с русскими может произойти только с помощью христианской религии. Русский народ исповедует православие. Его нужно сделать орудием духовно-нравственного воспитания всех инородцев.

Следующим условием сближения инородцев с русским населением, как считал Н. И. Ильминский, является их родной язык, простонародный, нелитературный, крестьянский. И. Я. Яковлев пишет, что «Ильминский убедил меня в том, что в основу образования родных мне чувашей должен быть положен не русский, а родной их язык, что это правило должно применяться вообще ко всем инородцам» [10, 97].

Николай Иванович имел тесные связи с татарами и через них – с прочими малыми народами инородческого племени. Вокруг них сосредоточились его главные жизненные, ученые и общественные интересы. Возникла мысль – богослужение вести на татарском языке. При этом он, с одной стороны, доказывал, как опасно вести полемику с мусульманством, с другой – говорил, что действовать на массы можно лишь путем их просвещения и знакомства их с христианской цивилизацией. Но даже Ильминский не решился на такую деятельность, он ограничился попечением только о крещеных татарах, видя средством к удержанию их в православии перевод священных книг на язык народный с применением русского алфавита, просвещение и школы.

Перейдя на службу в Оренбург, в 1859 году он был назначен чиновником для контроля в степи, получал различные командировки в степь, давшие возможность впоследствии изучить киргизов и туркмен, их обычаи и язык.

Н. И. Ильминский был приглашен в Казанский университет на должность профессора, где в начале 1862 г. возглавил арабско-турецкую кафедру, преподавал турецко-татарский язык. При этом он вновь с увлечением занялся разработкой излюбленных вопросов об образовании инородцев и об укреплении их в христианской вере.

В 1872 г. он был назначен директором Казанской инородческой учительской семинарии, имевшей целью «прочное сближение инородцев с коренным русским населением путем просвещения». Этим учреждением осуществлялась на деле заветная мечта Ильминского, и он весь отдался своему заветному делу – распространению просвещения среди инородцев [9, 947].

Н. И. Ильминский являлся почетным членом Казанской духовной академии и членом-корреспондентом Академии наук России. Им написано, по нашим подсчетам, более 60 книг и статей, в их числе: статьи «О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками», «Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии» [2]. Им осуществлены разработка письменности на основе русской графики для крещеных татар, чувашей, мари, удмуртов, осуществлены перевод и издание религиозной литературы на их разговорном языке, подготовка кадров миссионеров-священников, переводчиков, учителей [1, 303]. Николаю Ивановичу принадлежит и татарский букварь, изданный им для облегчения цензурных условий от имени своего ученика Я. И. Фортунатова.

Н. И. Ильминский был воплощением самых добрых отношений к инородцам, в том числе к чувашскому народу. Чувашский народ в период активной жизни Н. И. Ильминского был еще малочисленным, к середине XIX века насчитывалось около 500 тыс. чувашей, а к концу его жизни – 800 тыс. [3, 84–87].

Н. И. Ильминский рассматривал чувашский и татарский языки как происходившие от одного и того же корня. Николай Иванович советовал не стыдиться, а учиться у какого-либо старика-рассказчика из народа, предлагал вслушиваться, улавливать тон, оттенки, выговоры и произношения. Считал необходимым развивать при этом и свой слух. Каждый язык выражает какое-либо понятие, которое свойственно любому народу. Татары, русские, чуваша живут в одних и тех же природных, государственных условиях много лет, имеют общие понятия, представления, взгляды.

И. Я. Яковлев в «Воспоминаниях» пишет, что «с июня 1865 года работал мерщиком из чувашей, бывшим удельным крестьянином. В это время меня очень озаботила мысль о возможности для чувашей читать и писать по-чувашски. Я думал и говорил о переводе богослужебных книг на чувашский язык. Само собою из предположений моих ничего реального не вышло бы, если бы не встреча моя в будущем с Н. И. Ильминским» [10, 58].

В первый раз И. Я. Яковлев посетил Н. И. Ильминского в сентябре 1870 г. Ильминский слышал уже о Яковлеве, принял его радушно, хотя несколько сдержанно. У него была привычка – по мере развития знакомства становиться все откровеннее, все сердечнее. Иван Яковлевич говорит о том, что Ильминский убедил его, что в основу образования родных ему чувашей должен быть положен не русский, а родной язык [10, 97]. Практически с этого же года местом изучения фонетики тюркских языков для И. Я. Яковлева становится квартира Ильминского [4, 51].

И. Я. Яковлев был искренне убежден, что чувашский народ «из духовно-нравственного тупика, в который он был безнадежно загнан ходом истории и особенностями бытовой своей обстановки», можно вывести лишь распространением христианского просвещения [12, 4].

Благодаря Н. И. Ильминскому Иван Яковлевич был введен в хорошее, просвещенное общество в Казани [10, 99]. Он пишет: «Могу сказать, что не будь моей встречи с Н. И. Ильминским, я пошел бы, может быть, обыкновенной, чиновничье-педагогической дорожкой и не делал бы ничего для чувашей» [10, 106]. Так, например, Ильминский свел Яковлева с Василием Алексеевичем Белилиным, русским из мещан города Казани. Он занимался восточными языками, будучи в этой области знания очень даровитым, особенно по части усвоения звуковых законов языков. Именно с участием этих людей И. Я. Яковлевым был создан Чувашский алфавит. По поручению Ильминского он и Белилин на каникулах в 1871–1872 гг. делали совместные экскурсии в деревню Кошки и другие селения с целью изучения особенностей языка и быта местного населения.

Значительную помощь Н. И. Ильминскому оказал Н. И. Золотницкий, уроженец Чувашии и воспитанник Казанского университета, языковед, этнограф чувашей и мари. Его заинтересовал вопрос обучения нерусских детей на их родном языке. Он выступал против насильственного обучения нерусских детей на русском языке и подчеркивал, что религиозное воспитание «инородцев» будет способствовать христианизации, ослаблению влияния ислама. Впоследствии Н. И. Золотницкий стал деятельным распространителем учения Н. И. Ильминского [8, 16].

По характеристике советского ученого-историка, этнографа, фольклориста, лексикографа, первого доктора исторических наук из числа чувашей, профессора Н. В. Никольского, Н. И. Ильминский – это человек глубокого ума, всесторонних знаний, беспримерной сердечной доброты, а главное – опыта.

В своей жизни он воплотил предыдущую историю искания просветительского идеала и нашел его только после жизни с простолюдинами, киргизами и татарами. Им открыта школа в Академической слободе, где первоначально учились только три крещенных татарина. Затем школа стала расширяться, приобрела статус центральной для всего Приволжья и впоследствии явилась прообразом всех инородческих школ. Преподавание в ней велось на родном языке. На тех же основах возникают в Симбирске Чувашская учительская школа, инородческие школы – в других местах [5, 114].

Ильминский ежегодно посещал чувашскую школу в Симбирске и оставался здесь подолгу, во все вникая, давая указания. Он любил Симбирскую чувашскую школу [10, 100].

По нашей просьбе в 2008 г. студентка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева Ж. Шагидуллина написала триптих «Образы просветителя И. Я. Яковлева и Н. И. Ильминского» под руководством заслуженного художника Чувашской АССР А. В. Данилова, который хранится в вузовском музее имени И. Я. Яковлева.

Николай Иванович Ильминский впервые взял на себя просвещение инородцев на национальных началах. Как отмечает Н. В. Никольский, он любил инородцев всей душой, как любят родители своих детей. У Ильминского, как пишет И. Я. Яковлев, своих детей не было, «зато он приютил у себя, пригрел чужих детей, отечески заботясь об их нуждах и воспитании» [10, 107].

То, что для других было невозможным, для Н. И. Ильминского стало смыслом его жизни. На квартире у него постоянно жили татары, черемисы, чуваша и другие инородцы, простолюдины, которых он вызывал к себе по поводу переводов, содержа их за свой счет, беседуя с ними, в то же время учась у них (а учился он всю жизнь). Эти люди, приезжавшие из деревень, заносили в дом Ильминского, где царствовала образцовая чистота, «грязь, вонь и вшей», что огорчало жену Екатерину Степановну. Но он был настойчив в этом направлении, притом убежденно [11, 211]. Н. В. Никольский отмечает: «В самом деле, полюбить людей, в большинстве грязных, иногда больных, людей иного быта, склада ума и языка и постоянно иметь с ними общение, думать только о них одних, принести на пользу им свою карьеру, личное спокойствие, – это такой подвиг, который трудно учесть, его надо самому понести» [6, 74]. Для Ильминского инородцы стояли на первом месте, и он решал личные вопросы в их пользу [7, 102].

Татарское духовенство относилось удивительно доброжелательно к Ильминскому. Муллы посещали его, приходили спорить, обращались к нему за советами по своим делам, а иногда за помощью, протекцией. Столь же участливо, доброжелательно шел к ним в известных случаях и сам Ильминский [11, 220].

Для Н. И. Ильминского характерно было такое качество, как доступность. И память у него была изумительная, до конца своих дней сохранил ясность и бодрость ума [10, 102].

Н. И. Ильминский относился к малым народам, в частности, к чувашам, с большим вниманием. Он стремился помогать им во всем. Дал образец отношения к ним. Эти народы платили ему тем же.

Николай Иванович Ильминский ушел из жизни 27 декабря 1891 года.

Идею Ильминского подхватил И. Я. Яковлев, который всей своей деятельностью способствовал ее осуществлению и завещал: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, тающий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью как братьев, не обидел и не унижил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. ... Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. ... Русский народ выстрадал свою правду, и нет сомнения, правдой этой поделится с вами. Верьте в Россию, любите ее, и она вам будет матерью» [13, 14].

Резюме. Изучение жизни и деятельности Н. И. Ильминского показало его неоспоримую роль в процессе сближения инородцев с великим русским народом через христианизацию на основе изучения родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Денисов, П. В.* Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки). – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 408 с.
2. *Ильминский, Н. И.* О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками. – Известия археологического общества. Т. V. 1865. – С. 80–84.
3. *Кабузан, В. М.* Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М. : Наука, 1992. – 216 с.
4. *Краснов, Н. Г.* Иван Яковлев и его потомки / Н. Г. Краснов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1998. – 51 с.
5. *Никольский, Н. В.* Краткий конспект по этнографии чуваш / Н. В. Никольский. – Казань : Типо-литогр. имп. ун-та, 1911. – 114 с.
6. *Никольский, Н. В.* Основы инородческого просвещения / Н. В. Никольский. – Казань : Третья типогр. Губ. Совета, 1919. – 58 с.
7. *Русский биографический словарь:* Ибак-Ключарев. – Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1897 [2]. – Т. 8. – 756 с.
8. *Сборник документов и статей по вопросу об образовании «инородцев».* – СПб. : Изд. тип. т-ва «Общественная польза», 1869. – 156 с.
9. *Энциклопедический словарь.* Том XII. – СПб., 1894. – 962 с.
10. *Яковлев, И. Я.* Воспоминания / И. Я. Яковлев. – 2-е доп. изд. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1983. – 288 с.
11. *Яковлев, И. Я.* Моя жизнь: Воспоминания / вступ. статья Л. П. Куракова, археогр. предисл. Г. Н. Плечева ; примеч., имен. указат. Н. Г. Краснова. – М. : Республика, 1997. – 211 с.
12. *Яковлев, И. Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы / И. Я. Яковлев. – Симбирск, 1908. – 40 с.
13. *Яковлев, И. Я.* Халал / И. Я. Яковлев. – Чебоксары : Чуваш. нац. акад., 1992. – 32 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Арестова Вероника Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Arestova, Veronica Yuryevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Pedagogics of Elementary Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Артемяева Оксана Валерьевна – соискатель кафедры русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Artemyeva, Oksana Valeryevna – Post-graduate Student, Department of Russian Philology and General Linguistics, N. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

Бабенко Надежда Петровна – аспирант кафедры литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Babenko, Nadezhda Petrovna – Post-graduate Student, Department of Literature, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Богатырев Олег Сергеевич – аспирант кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Bogatiryev, Oleg Sergeevich – Post-graduate Student, Department of National and Regional History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Ведерников Михаил Витальевич – аспирант кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

Vedernikov, Mikhail Vitalyevich – Post-graduate Student, Department of National History Mari State University, Yoshkar-Ola

Домнин Сергей Сергеевич – аспирант кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

Domnin, Sergey Sergeevich – Post-graduate Student, Department of National History Mari State University, Yoshkar-Ola

Ерусланова Анна Михайловна – аспирант кафедры педагогики и яковлевоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Eruslanova, Anna Mikhailovna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Захарова Лариса Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дошкольной педагогики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск

Zakharova, Larisa Mikhailovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Pre-school Pedagogics I. Ulyanov, Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk

Иванов Николай Васильевич – старший преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин и дисциплин специализации факультета платных образовательных услуг Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД России, г. Чебоксары

Ivanov, Nikolai Vasilyevich – Senior Lecturer, Department of General Professional Disciplines and Special Disciplines, Cheboksary Branch of Nizhnii Novgorod Academy of Russian Ministry for Internal Affairs, Cheboksary

Иванова Алена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М. Р. Федотова Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Ivanova, Alena Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Chuvash and Oriental Linguistics named after M. Fedotov, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Игнатьева Светлана Геннадьевна – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Ignatyeva, Svetlana Gennadyevna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Казакова Лариса Александровна – кандидат биологических наук, доцент кафедры педагогики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск

Kazakova, Larisa Aleksandrovna – Candidate of Biology, Associate Professor, Department of Pedagogics I. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk

Касимов Евгений Витальевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kasimov, Evgenij Vitalyevich – Candidate of History, Doctoral candidate, Department of National and Regional History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Копытова Татьяна Владимировна – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kopytova, Tatyana Vladimirovna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Кордон Тамара Анатольевна – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kordon, Tamara Anatolyevna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Кузина Елена Алексеевна – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Kuzina, Elena Alekseevna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Кузнецов Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск

Kuznetsov, Valery Nikolayevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of General History I. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk

Лохонова Галина Михайловна – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Lokhonova, Galina Mikhailovna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Лукичева Ольга Михайловна – аспирант кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Lukicheva, Olga Mikhailovna – Post-graduate Student, Department of the Russian Language, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Михеева Оксана Ильинична – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Mikheeva, Oksana Ilyinichna – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Никитин Геннадий Андреевич – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания технологии и предпринимательства Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Nikitin, Gennady Andreevich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Teaching Technology and Enterprise, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Павлов Владимир Иванович – кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Pavlov, Vladimir Ivanovich – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Павлов Петр Петрович – преподаватель кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Pavlov, Petr Petrovich – Lecturer, Department of National and Regional History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Павлова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва
Pavlova, Ekaterina Vladimirovna – Post-graduate Student, Department of Foreign Literature History, Moscow State Lomonosov University, Moscow

Пиксайкин Вячеслав Кузьмич – аспирант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии, г. Саранск
Piksaikin, Vyacheslav Kuzmich – Post-graduate Student, History Department, Scientific and Research Institute of the Humanitarian Sciences, Republic of Mordovia Government, Saransk

Сорокина Оксана Васильевна – старший преподаватель кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М. Р. Федотова Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
Sorokina, Oksana Vasilyevna – Senior Lecturer, Department of the Chuvash and Oriental Linguistics named after M. Fedotov, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

Суранов Валерий Геннадьевич – аспирант кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары
Suranov, Valeriy Gennadyevich – Post-graduate Student, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Тимофеев Василий Васильевич – аспирант кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары
Timofeev, Vasilii Vasilyevich – Post-graduate Student, Department of National and Regional History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Тургай Илемби Валерьевна – аспирант кафедры теории и истории искусств и рисунка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары
Turgai, Ilembi Valeryevna – Post-graduate Student, Department of Theory and History of Arts and Drawing, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Шаронова Евгения Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары
Sharonova, Evgeniya Gennadyevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Яковлев Георгий Алексеевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры педагогики и яковлеведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары
Yakovlev, Georgiy Alekseevich – Candidate of History, Professor, Department of Pedagogics and Yakovlev Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора наук (решение Президиума ВАК Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6).

В издании предусматривается размещение статей по актуальным проблемам **естественных, технических и гуманитарных наук**, содержащих новые научные результаты, ранее не опубликованных и не представленных к публикации в других изданиях. Не публикуются крупные статьи, механически разделенные на ряд отдельных сообщений; статьи с описанием результатов незаконченных исследований без определенных выводов; работы описательного характера.

Ежегодно будут выходить 4 номера Вестника.

В одном номере возможно опубликование, как правило, не более 2 статей одного автора.

Публикация статей аспирантов осуществляется бесплатно.

Все представленные в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование. На основании рецензирования редакционная коллегия принимает решение о включении статьи в тот или иной номер. Редколлегия не гарантирует публикацию всех представленных материалов, оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие установленным требованиям. Авторам присланные материалы не возвращаются.

Статья должна иметь:

- а) индекс универсальной десятичной классификации (УДК);
- б) название работы на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами);
- в) инициалы и фамилии авторов на русском и английском языках (жирным шрифтом строчными буквами) – количество соавторов в статье может быть не более 4;
- г) полное название учреждения и города (курсивом), где выполнена работа;
- д) четкую аннотацию на русском и английском языках (400–500 знаков) отдельными абзацами;
- е) ключевые слова на русском и английском языках (не более 7);
- ё) основной текст, включающий следующие подразделы:
 - актуальность исследуемой проблемы;

- материал и методика исследований;
- результаты исследований и их обсуждение;
- резюме;
- литература.

В конце статьи должны быть указаны сведения об авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность (аспиранты, обучающиеся на бюджетной основе, представляют справку с места учёбы); адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail; рабочий адрес и e-mail. Авторы должны собственноручно поставить подпись, которая означает их согласие на передачу прав на издание и распространение содержащейся в статье информации редакции Вестника. Этим автор также гарантирует, что статья оригинальная, ни содержание, ни рисунки к ней не были ранее опубликованы в других изданиях. Поступление статьи в редакцию означает полное согласие автора с правилами Вестника.

К статье должны быть приложены экспертное заключение о возможности опубликования ее в открытой печати и рецензия из организации, представляющей статью к публикации.

В редакцию Вестника статьи направляются в двух форматах: в печатном и электронном (на компакт-диске) вариантах. Электронный вариант должен точно соответствовать печатному.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться следующими правилами:

1. Объем статьи должен быть не менее 0,25 п.л. (4 стр.) и не более 0,5 п.л. (8 стр. компьютерного исполнения).

2. Статья должна быть напечатана на одной стороне листа формата А4 с полями: справа, слева и сверху 3 см, снизу 6 см.

3. Размер шрифта – 11. Абзацный отступ – 1 см (5 знаков). Интервал – одинарный. Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.rtf шрифтом Times New Roman с выравниванием по ширине и автоматическим переносом слов. При использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

4. Таблицы должны содержать только экспериментальные данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы исследований. Каждая таблица должна иметь заголовок, быть обязательно пронумерована и упомянута в тексте. Кегль текста в таблицах – 9 пт.

5. Количество иллюстраций не должно превышать 4, данные рисунков не должны повторять материалы таблиц. Рисунки должны быть четкими, легко воспроизводимыми, быть обязательно пронумерованы, упомянуты в тексте и иметь подрисовочные подписи и объяснение значений всех условных обозначений. Полноцветные иллюстрации не допускаются. Кегль текста в схемах и подрисовочной подписи – 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту должны быть набраны в среде редактора формул Microsoft Equation 3.0. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер – 11, крупный индекс – 7, мелкий – 5. В математических и химических формулах следует избегать громоздких обозначений. Формулы располагаются по центру страницы, в случае необходимости нумеруются.

7. Сокращение слов, имен, названий, кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов, допускается только с первоначальным указанием полного названия.

8. Цитируемая в статье литература (не более 15 источников) приводится в виде алфавитного списка по действующему ГОСТу (ГОСТ 7.1-2003) шрифтом 9. Не допускаются ссылки на тезисы конференций и на неопубликованные работы. Ссылки в тексте даются в квадратных скобках с указанием номера из списка литературы и страницы, откуда приводится цитата.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются

Адрес редакции: 428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38, каб. 205а, редакция журнала «Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева»

Тел.: (8352) 62-08-71

Электронная почта: redak_vestnik@chgpu.edu.ru

Электронный адрес: <http://vestnik.chgpu.edu.ru>

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 547.241+547.512

Реакции бис(2,2-дихлорциклопропилметил)фосфита с основаниями Шиффа

Reactions of bis(2,2-dichlorocyclopropyl)phosphit with Shiff bases

Ю. Н. Митрасов, О. В. Кондратьева

Y. N. Mitrasov, O. V. Kondratyeva

ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары

Аннотация. Установлено, что в присутствии основных катализаторов присоединяется по имино-группе без разрыва трехчленного карбоцикла...

Abstract. It has been established that bis(2,2-dichlorocyclopropyl)phosphit attaches to the iminogroup basic catalisators without disruption of three-part carbocycle...

Ключевые слова: бис(2,2-дихлорциклопропилметил)фосфит, основания Шиффа, аминоксид, гидрофосфорильные соединения.

Keywords: bis(2,2-dichlorocyclopropyl)phosphit, Shiff bases, aminophosphonate, hydrophosphoryl compounds.

Актуальность исследуемой проблемы. Синтез, апробация и внедрение новых биогенных соединений является актуальной проблемой современной органической химии и биотехнологии. В этой связи целью нашей работы явилось...

Материал и методика исследований. В качестве ГФС был использован бис(2,2-дихлорцикло-пропилметил)фосфит (**1**), синтез которого был описан нами ранее в работе [5], а основания Шиффа (**2а-г**) получали в результате взаимодействия ароматических альдегидов с анилином...

Результаты исследований и их обсуждение. Нами установлено, что в результате взаимодействия фосфита (**1**) с иминами (**2а-г**) с хорошими выходами образуются бис(2,2-дихлорциклопропилметил)- α -N-фениламинобензилфосфонаты (**3а-в**)...

Резюме. Бис(2,2-дихлорциклопропилметил)фосфит присоединяется к основаниям Шиффа в присутствии основных катализаторов по C=N-связи с образованием бис(2,2-дихлорциклопропилметил)- α -N-фениламинобензилфосфонатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимин, М. Г. Новые данные о реакциях присоединения гидрофосфорильных соединений по кратным связям / М. Г. Зимин, Р. А. Черкасов, А. Н. Пудовик // Журн. общ. химии. – 1986. – Т. 56. – Вып. 5. – С. 977–991.
2. Нифантьев, Э. Е. Химия гидрофосфорильных соединений / Э. Е. Нифантьев. – М.: Наука, 1983. – 262 с.

АВТОРЫ:

Митрасов Юрий Никитич – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии и биосинтеза Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Кондратьева Оксана Викторовна – кандидат химических наук, ст. преподаватель кафедры химии и биосинтеза Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

AUTHORS:

Mitrasov, Yuriy Nikitich – Doctor of Chemistry, Professor, Head of the Department of Chemistry and Biosynthesis, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Kondratyeva, Oksana Viktorovna – Candidate of Chemistry, Senior Lecturer of the Department of Chemistry and Biosynthesis, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Арестова В. Ю.</i>	Этнотеатрализация как историко-культурный феномен.....	3
<i>Артемьева О. В.</i>	Языковые и речевые средства реализации словесного экстремизма (по материалам региональных СМИ).....	8
<i>Бабенко Н. П.</i>	Своеобразие драматургии Б. К. Зайцева 1900–1910-х годов.....	15
<i>Богатырев О. С., Тимофеев В. В.</i>	К вопросу о состоянии фабрично-заводской промышленности Чувашии в 1921–1923 гг.	23
<i>Ведерников М. В.</i>	Развитие промышленности Марийской АССР в 1966–1980 гг.	29
<i>Домнин С. С.</i>	Типология и количественный состав купеческой городской семьи Марийского края в XIX веке.....	35
<i>Ерусланова А. М.</i>	Политическая социализация молодежи и ее факторы.....	40
<i>Захарова Л. М.</i>	Этнопедагогическая направленность воспитания детей в истории отечественной педагогики.....	47
<i>Иванов Н. В.</i>	Эффективность деятельности милиции Чувашии в период Великой Отечественной войны.....	54
<i>Иванова А. М.</i>	Вопросы морфосинтаксиса и синтаксической деривации в чувашском языке.....	58
<i>Игнатьева С. Г.</i>	Роль адаптации в здоровьесбережении первоклассников.....	63
<i>Казакова Л. А.</i>	Диагностика результатов социального воспитания детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья.....	68
<i>Касимов Е. В.</i>	Социальный состав плательщиков чрезвычайного революционного налога 1918 г. (по материалам Чувашии).....	75
<i>Копытова Т. В.</i>	Педагогические условия формирования социальной активности младших подростков во внеучебной деятельности.....	81

<i>Кордон Т. А.</i>	Деятельность кураторов студенческих групп по формированию социальной устойчивости у будущих педагогов.....	86
<i>Кузина Е. А.</i>	Сущность и структура специальной компетенции педагога профессионального обучения в области дизайна.....	92
<i>Кузнецов В. Н.</i>	Выборы во II, III, IV Государственную думу Российской империи в Среднем и Нижнем Поволжье.....	99
<i>Кузнецов В. Н.</i>	Максималисты и анархисты в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907–1913 гг.	107
<i>Лоханова Г. М.</i>	Формирование корпоративной культуры у будущего работника системы потребительской кооперации как педагогическая задача вуза.	113
<i>Лукичева О. М.</i>	Формирование коммуникативной компетентности у студентов-билингвов.....	119
<i>Михеева О. И.</i>	Использование блог-технологий в обучении иностранным языкам	126
<i>Никитин Г. А.</i>	Научно-исследовательская работа студентов в области этноэстетики как фактор формирования их технологической культуры.	131
<i>Павлов В. И.</i>	Экскурсия как средство развития духовно-нравственной культуры будущего учителя.....	140
<i>Павлов П. П.</i>	Становление крестьянских (фермерских) хозяйств в Чувашии на рубеже XX–XXI веков: этапы, проблемы, перспективы.....	146
<i>Павлова Е. В.</i>	Композиция и сюжет романа Ф. С. Фицджералда «По эту сторону рая».....	151
<i>Пиксайкин В. К.</i>	Административно-организационная работа Министерства топливной промышленности Мордовской АССР по развитию топливного комплекса в 1979–1989 гг.	156
<i>Сорокина О. В.</i>	Семантика необходимости и возможности в высказываниях с модальными конструкциями в современном турецком языке	161
<i>Суранов В. Г.</i>	Формирование организаторской компетенции у студентов педагогического вуза в условиях студенческого клуба.....	168
<i>Тургай И. В.</i>	Этническое своеобразие как национальный компонент в искусстве чувашской, татарской и марийской книги.....	175
<i>Шаронова Е. Г.</i>	Народные традиции как фактор формирования экологической культуры личности.....	180
<i>Яковлев Г. А.</i>	Н. И. Ильминский о сближении «инородцев» с русским народом	185
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....		190
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....		194

CONTENT

THE HUMANITIES AND PEDAGOGICS

<i>Arestova V. J.</i>	Ethnostaging as the historical and cultural phenomenon.....	3
<i>Artemyeva O. V.</i>	Language and speech means of verbal extremism (in the regional Mass Media).....	8
<i>Babenko N. P.</i>	Peculiarity of dramatic composition of B. K. Zaytsev in 1900–1910's.....	15
<i>Bogatiryev O. S., Timofeev V. V.</i>	The status of the factory-and-workshop industry in Chuvashia in 1921–1923.....	23
<i>Vedernikov M. V.</i>	Development of the industry of Mari ASSR in 1966–1980.....	29
<i>Domnin S. S.</i>	Typology and quantitative composition of the urban merchant families in the Mari territory in the XIX century.....	35
<i>Eruslanova A. M.</i>	Political socialization of youth and its factors.....	40
<i>Zakharova L. M.</i>	Ehnic education of children in the history of Russian pedagogics...	47
<i>Ivanov N. V.</i>	The effectiveness of the activity of militia in Chuvashia during the Great Patriotic War.....	54
<i>Ivanova A. M.</i>	Morphosyntax and syntactical derivation issues in the chuvash language.....	58
<i>Ignatyeva S. G.</i>	The role of adaptation in the first formers' health-saving.....	63
<i>Kazakova L. A.</i>	Diagnostics of social education results of children and adolescents with the limited possibilities of health.....	68
<i>Kasimov E. V.</i>	Social structure of payers of the extraordinary revolutionary tax of 1918 (based on materials collected in Chuvashia).....	75
<i>Kopytova T. V.</i>	Pedagogical conditions of formation of social activity of younger teenagers in extracurricular activity.....	81
<i>Kordon T. A.</i>	Group tutors' activity in the formation of the social stability of future teachers.....	86
<i>Kuzina E. A.</i>	Essence and the structure of the special professional competence of teachers of professional design education.....	92

<i>Kuznetsov V. N.</i>	Elections to II, III, IV State Duma in the middle and the lower Volga region.....	99
<i>Kuznetsov V. N.</i>	Extremists and anarchists in the middle and the lower Volga region in 1907–1913.....	107
<i>Lokhonova G. M.</i>	Formation of corporate culture of the future worker of system of consumers' cooperative society as the pedagogical problem of the higher education.....	113
<i>Lukicheva O. M.</i>	Forming communicative competence of bilingual students.....	119
<i>Mikheeva O. I.</i>	The use of blog-technologies in teaching foreign languages.....	126
<i>Nikitin G. A.</i>	Students' research in the field of ethnoaesthetics as a means of formation of technological culture.....	131
<i>Pavlov V. I.</i>	Excursion as a means of developing spiritual and moral culture of future teachers.....	140
<i>Pavlov P. P.</i>	Formation of peasant farming in Chuvashia at the turn of the XX century: general stages, problems and prospects.....	146
<i>Pavlova E. V.</i>	The composition and the plot of «This Side of Paradise» by F. S. Fitzgerald.....	151
<i>Piksaikin V. K.</i>	Administrative and organizational activity of the ministry of fuel industry of Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic on the development of fuel complex in 1979–1989.....	156
<i>Sorokina O. V.</i>	Semantics of possibility and necessity in modal constructions in modern Turkish.....	161
<i>Suranov V. G.</i>	Formation of the managerial competence of pedagogical degree students in the conditions of students' club.....	168
<i>Turgai I. V.</i>	Ethnic peculiarity as the national component in the chuvash, tatar and mari book art.....	175
<i>Sharonova E. G.</i>	Folk traditions as a factor of formation of the ecological culture of the individual.....	180
<i>Yakovlev G. A.</i>	N. I. Ilminsky about the convergence of «non – Russians» with Russian people.....	185
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....		190
INFORMATION FOR THE AUTHORS.....		194

**ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И. Я. ЯКОВЛЕВА**

2010. № 3(67). Т. 1

Технические редакторы Л. В. Кантейкина
 Л. А. Судленкова
 Л. Н. Улюкова
 И. А. Федянина
 В. Ю. Шабатько

Компьютерная верстка, макет А. П. Кошкиной

Подписано в печать 30.08.2010. Формат 70х100/8. Бумага писчая.
Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 25,3. Тираж 300 экз. Заказ № 1861.

Отпечатано в отделе полиграфии
ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38